

Э. Г. КЛАССЕН

ИДЕАЛЬНОЕ

**КОНЦЕПЦИЯ
КАРЛА МАРКСА**

Э. Г. КЛАССЕН

ИДЕАЛЬНОЕ

КОНЦЕПЦИЯ
КАРЛА МАРКСА

Издательство Красноярского университета
Красноярск 1984

ББК 15.1

Классен Э. Г. **ИДЕАЛЬНОЕ. КОНЦЕПЦИЯ КАРЛА МАРКСА.** —
Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. — 148 с.

В монографии на основе учения К. Маркса о двойственной природе социальных вещей доказывается правомерность понимания идеального как представленного в материальном социальном, исследуется соотношение материального и идеального, идеального и сознания. Марксова трактовка идеального значительно расширяет методологические возможности философского анализа духовного, идеологического развития общества.

Для специалистов-философов, аспирантов и студентов вузов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Красноярского университета

Рецензенты:

кафедра философии

Всесоюзного заочного инженерно-строительного института;

д-р филос. наук, проф. Е. А. Иванов,

д-р филос. наук, проф. В. Н. Шердаков

К $\frac{0302020000}{M 178(03)-85}$ 1—85

© Издательство Красноярского университета, 1984

ОТ АВТОРА

XXVI съезд КПСС поставил перед советской философской наукой задачу более глубокого анализа явлений общественной жизни¹. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС во многом эту задачу конкретизировал, указав на необходимость исследования социальных причин, обуславливающих состояние общественного сознания и духовных качеств человека². Исследование причин различных социальных явлений — не только чрезвычайно актуальная, но и весьма сложная проблема. Чтобы ее решить, философам придется развить свои знания об идеальном, о его природе и роли в обществе.

Проблема идеального возникла в далекой древности, на самой заре философского знания. Она прошла через все исторические эпохи до наших дней, сохранив свою актуальность. На ее исследование направили свои умы величайшие мыслители человечества — Платон и Аристотель, Гегель и Фейербах, Маркс и Ленин, но по-прежнему она привлекает и волнует деятелей всех философских направлений современности.

Для советских философов вопрос об идеальном длительное время не становился предметом дискуссий. Ситуация изменилась в 1962 г., когда в «Философской энциклопедии» появилась статья Э. В. Ильенкова «Идеальное». Взгляды Э. В. Ильенкова многим показались неубедительными. Начался спор. С годами он разрастался и стал особенно острым и широким после опубликования в 1979 г. в журнале «Вопросы философии» посмертной статьи Э. В. Ильенкова «Проблема идеального».

Просматриваются две причины, поднявшие волну спора об идеальном.

1. Философская наука в нашей стране за последние 20—30 лет в самых различных областях достигла серьезных успехов. С высот этих успехов, будь то в области теории познания или диалектической логики, теории личности или проблемы сознания, социологии или психологии, стало чувствоваться или замечаться, что вопрос об идеальном решен недостаточно и что нерешенность этого вопроса, чем дальше, тем больше, становится методологическим затруднением для развития других областей философского знания. Создалась

довольно своеобразная ситуация: пока философы, стоящие по своим научным интересам наиболее близко к проблеме идеального (работающие, скажем, в области теории отражения, сознания), спорят, специалисты, занятые другими вопросами, попутно решают и проблему идеального. И вот мы читаем об идеальном в работах, посвященных предмету философии, в работах по теории информации, в специальных работах по психологии и т. д. Иначе говоря, сейчас широкий круг ученых заинтересован если не в разрешении, то в каком-то прояснении проблемы идеального, ибо с этим так или иначе связано продвижение их собственных научных интересов.

2. Другая проблема лежит в области общественной жизни и в самой общей форме может быть сформулирована так: усиление в общественной жизни и в общественном развитии роли субъективного фактора. Этот субъективный фактор включает широкий веер общественных явлений: индивидуальное и общественное сознание, различные формы и уровни сознания, духовную жизнь общества и духовное производство, идеологические отношения и идеологические организации и т. д. Все эти факторы так или иначе перекрещиваются с тем таинственным и неуловимым нечто, которое философская традиция обозначила понятием «идеальное». И все эти факторы разнообразно взаимосвязаны с материальными процессами общественной жизни, оказывают на них все возрастающее воздействие. Менее развитый уровень духовной жизни элементарно связан с общественным бытием, и поэтому наиболее абстрактная формула, выражающая эту связь, — общественное бытие определяет общественное сознание — долго представлялась нам исчерпывающей и достаточной. Развитие общества все усложнило. Объективное и субъективное, материальное и идеальное так тесно переплелись в общественной жизни, что материалистические принципы, сохраняя свою истинность на уровне высоких абстракций, оказываются недостаточными для конкретного анализа общественных явлений. Необходима их дальнейшая разработка. В рамках данной задачи лежит и проблема идеального.

Проблема идеального сложна, и сложность ее обусловлена прежде всего тем, что само идеальное образует реальность, за которую, по остроумному выражению Сократа и Маркса, невозможно ухватиться руками. Мало того, что идеаль-

ное чувственно невозможно воспринять, его и в статике зафиксировать невозможно: в каждом конкретном случае оно динамично и мимолетно, как движение мысли, и дразнит исследователя то как мысль, то как вещь, то как отношение. Для советского исследователя задача усложняется еще и отсутствием опыта, традиций по работе с данным понятием. Хотя об идеальном мнении высказано много, специально ему посвящены лишь несколько статей, разделов книг и одна монография.

Проблема, имеющая двухтысячелетнюю историю, разумеется, не может быть решена ни одной, ни десятком книг. Поэтому и в настоящей работе ставятся весьма скромные цели, главной из которых является выяснение философской интерпретации идеального в работах К. Маркса.

Автор благодарен коллективу кафедры марксистско-ленинской философии Всесоюзного заочного инженерно-строительного института, профессорам В. В. Бродову, Е. А. Иванову, В. Н. Шердакову, замечания и советы которых существенно помогли в подготовке рукописи.

---

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 145—146.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 34.

ВВЕДЕНИЕ

Все дискуссии об идеальном, по существу, сводятся к проблеме его реальности. Сама проблема распадается на ряд вопросов: как идеальное связано с сознанием, как оно связано с материей, где оно пребывает, какими чертами обладает. По всем этим вопросам существуют весьма различные мнения.

Все авторы в определении идеального исходят из классической формулы К. Маркса «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹. Однако определение К. Марксом идеального во многом остается неясным, и каждый размышляющий над сущностью идеального может вместе с Тодором Павловым спросить: «Что это значит? Что, в сущности, хотел этим сказать Маркс?»². На эти вопросы авторы дают различные, а то и противоположные ответы.

Наиболее распространенным является убеждение, что идеальное — субъективное психическое явление, в котором находит свое отражение объективная реальность. В течение ряда лет такое понимание идеального отстаивает Д. И. Дубровский. «Идеальное, — писал он в 1971 г., — это психологическое явление... поэтому... представлено всегда только в сознательных состояниях отдельных личностей»³. В 1980 г. автор вновь отметил: «Идеальное — лишь особое функциональное свойство высокоорганизованной материи, выражающее способность сознания отражать, мысленно «преобразовывать»... «...объективную действительность»⁴. И в 1982 г. Д. И. Дубровский настойчиво повторяет: «На наш взгляд, определение идеального в качестве субъективной реальности является исходным, и оно должно сохранять свое значение во всех теоретических контекстах...»⁵. Наконец, в монографии 1983 г. неоднократно повторяется мысль: «...идеальное не может быть ничем иным, как субъективной реальностью»⁶.

Взгляды Д. И. Дубровского во многом разделяют В. В. Орлов⁷, А. Г. Спиркин⁸ и другие. В «Советском энциклопедическом словаре», вышедшем в 1980 г., идеальное трактуется как «нечто существующее не в действительности, а только в сознании; способ бытия предмета, отраженного в сознании»⁹. В «Философском энциклопедическом словаре» 1983 года А. Г. Спиркин определил идеальное как «...понятие,

характеризующее специфический способ бытия объекта, представленного (отраженного) в психическом мире и жизнедеятельности субъекта»¹⁰.

Принципиально иное определение идеального было предложено Э. В. Ильенковым. Он понимал идеальное как общественно-исторический продукт и форму духовного производства. «Идеальность, по Марксу,— писал он,— и есть не что иное, как представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности»¹¹.

Позиция Э. В. Ильенкова переживает сейчас своеобразный период. Она привлекает читателей. Такие известные авторы, как А. Н. Леонтьев, М. Е. Мамардашвили, В. И. Толстых, в своих работах руководствуются идеями Э. В. Ильенкова. Но открытой поддержки и всеобщего признания его взгляды не получили.

Итак, уже при определении идеального четко выделяются две различные позиции: 1) идеальное — субъективная реальность; 2) идеальное — представленная в форме вещи человеческая деятельность. Различие этих основных позиций мы увидим при решении всех вопросов проблемы идеального.

Идея единства идеального и сознания в советской философской литературе общепринята и не вызывает сомнений. Без сознания нет идеального — без идеального нет сознания. Установление этого факта важно, но далеко не достаточно для философской мысли. Важно выяснить, какова связь идеального с сознанием, в чем она заключается. Без выяснения этой связи невозможно основательно разобраться ни в сущности идеального, ни в сущности сознания. Нерешенность данной проблемы породила в последние годы множество точек зрения и тяжело переживается и философами, и психологами, и физиологами. Большую неловкость испытывают преподаватели философии, когда им приходится вместо научного обоснования природы сознания просто утверждать тезис об идеальности сознания. С болью пишет об этом П. А. Анохин: «Мне хотелось бы прежде всего затронуть вопрос об идеальности сознания, идеальности мышления. Физиологи мозга стоят перед очень трудной задачей, когда приходится объяснять это положение студентам, которых мы на протяжении всего курса приучаем к диалектико-материалистическому детерминистическому* мышлению. Я объясняю студентам: нервное возбуждение формируется и регу-

---

* Здесь и далее разрядка цитируемых авторов.

лируется вот так, оно в такой форме в нерве, оно является таким-то в клетке. Шаг за шагом, с точностью до одного иона, я говорю им об интеграции, о сложных системах возбуждения, о построении поведения, о формировании цели к действию и т. д., а потом обрываю и говорю: сознание — идеальный фактор.

Сам я разделяю это положение, но я должен как-то показать, как же причинно идеальное сознание рождается на основе объясненных мною материальных причинно-следственных отношений? Нам это сделать очень трудно без изменения принципа объяснения¹².

Наиболее распространенным является убеждение, что сознание идеально по своей психической природе, что оно существует не само по себе, на своей собственной субстанции, а на базе процессов мозга. Идеальное рассматривается, таким образом, как атрибут психического. Психическое не может не быть идеальным, подобно тому как, скажем, движение не может не быть материальным.

В рамках этой общей концепции можно выделить три различных подхода к идеальному: 1. Идеальна вообще вся психика, сознательная и бессознательная, и человека и животного. 2. Идеально только сознание. 3. Идеально не вообще все сознание, а только рефлексивное сознание. На этих подходах необходимо остановиться несколько подробнее.

Первый подход наиболее четко выразил Г. Н. Велиев. Он предлагает признать идеальной психику животных и психику человека, учитывая при этом их «качественную специфику» и «генетическую связь». Аргументация его довольно проста. Ему представляется, что у человечества была только одна возможность формирования идеального сознания: развитие психики животных и присущий ей уровень идеального. «Если отрицать генетическую связь идеального психического отражения у животных и идеального психического отражения у человека, — пишет Г. Н. Велиев, — то в этом случае наши предки, в частности, австралопитеки, не смогли бы выжить перед стихийными силами в борьбе за существование, так как не смогли бы даже использовать естественные, готовые, данные природой орудия, а тем более изготавливать эти орудия¹³. Вопрос о том, откуда идеальное у животных и что вообще представляет собой идеальное, Г. Н. Велиев не затрагивает.

Взгляды Г. Н. Велиева во многом разделяют Ю. В. Орфеев и В. С. Тюхтин, пришедшие к выводу, что животные

обладают способностью «психического отражения идеального плана». Проблему идеальности образа они сводят к объяснению двух феноменов: «(1) выделения отношений и структур, подобных оригиналу, исключения их материального субстрата и (2) соотношения выделенных структур с предметами». Далее авторы пишут так: «В одних опытах у животных выработали положительную реакцию на звуки метронома с частотой 60 ударов в секунду и отрицательную реакцию на звуки с частотой 100 ударов в секунду. Затем воздействовали вспышками света с частотой 60 и 100 вспышек в секунду. Животное сразу (без нового обучения) отвечало положительной реакцией на 60 и отрицательной на 100 вспышек в секунду. Это означает, что животное научилось дифференцированно отображать временные структуры (ритмы) как таковые независимо от их материальной природы... Иными словами, животные способны функционально отделять отношения и структуры от их субстрата, обнаруживать их в других ситуациях, применять их для ориентировки в среде». Отсюда вывод: «Способность животных функционально выделять отношения и структуры и придавать им предметное значение представляет собой первый уровень психического отражения идеального плана, которое формируется и применяется в ходе активной ориентировочной и предметной деятельности в среде»¹⁴.

Ю. В. Орфеев и В. С. Тютин готовы признать способность к идеальному отражению даже у ЭВМ. Только отсутствие у ЭВМ ориентировочной активности, а значит, и возможности придавать «отношениям и структурам предметное значение», удерживает авторов от признания за ЭВМ способности идеального отражения¹⁵.

С некоторыми оговорками признает идеальность бессознательного, но только человеческого, не животного, и только в его единстве с сознательным, а не «взятое само по себе», Д. И. Дубровский. В книге «Информация. Сознание. Мозг» он пишет: «Нельзя жестко противопоставлять идеальное всему бессознательно-психическому. Структура субъективной реальности необходимо включает в себя и нерелефлируемые компоненты, играющие весьма существенную роль в качестве логических и ценностных установок. Последние во многом определяют направленность и смысл сознательного переживания, некоторые бессознательно-психические явления ор-

ганически включены в то, что мы именуем субъективной реальностью»¹⁶. В более ранних работах Д. И. Дубровский отрицал идеальность бессознательного. Теперь он готов «пересмотреть свои прежние взгляды» и признать, «что по крайней мере некоторые бессознательно-психические феномены имеют существенное значение для понимания структурных, содержательных и процессуальных аспектов субъективной реальности»¹⁷.

Второй подход, согласно которому идеально только сознание, разделяют большинство пишущих на эту тему авторов. Здесь могут быть названы В. В. Орлов, В. П. Тугаринов, Н. А. Пономарев, А. М. Коршунов и многие другие. Для них характерно признание особой реальности, в рамках которой неразрывно соединены психика, сознание и идеальное. «Психика вообще и сознание в частности являются своеобразными формами реальности, реального бытия... Сознание... есть форма субъективного бытия, т. е. форма существования внутреннего мира человека»¹⁸. «Идеальное... это предмет, «отчужденный от самого себя, существующий не в своей собственной конкретно-чувственной форме, а на базе вещества и процессов мозга»¹⁹. «Сущность психического состоит в идеальном отображении, осуществляемом человеком с помощью мозга»²⁰. «Мы понимаем идеальное как нематериальное, как образ, как отображение материи в сознании человека, в его воображении, то есть как то, что не является объективной реальностью и не существует вне сознания»²¹. При данном подходе сознание и идеальное рассматриваются как существующие в неотрывном единстве. Сознание — идеально, а идеальное сознательно. Причем функция содержательной стороны этого единства отведена сознанию. Идеальное — лишь способ существования сознания, форма его бытия.

Согласно третьему подходу идеальным признается не всякое сознание, а только сознание рефлексивное, обращенное на индивида как носителя сознания. Поскольку термин «рефлексия» редко используется в советской литературе, ему найдена замена: вместо слова «рефлексия» употребляется слово «данность». А. Г. Спиркин пишет: «К идеальным явлениям относится предметное содержание тех нейрофизиологических процессов мозга, которые продуцируют образы, представляющие собой данность объекта субъекту и допускающие свободное оперирование ими». «Идеальное в собственном смысле этого слова,— продолжает он,— это а к т у-

ально, в данное мгновение «горящее пламя духа» — те образы, мысли, переживания, которые связывают человека с миром в самый момент, когда он думает и чувствует. Об идеальном можно сказать словами Гегеля: это «рефлектированное в себе бытие духа в головном мозгу»²². «Идеальным будем считать, — пишет Т. П. Малькова, — только сознательно переживаемые субъектом психические состояния»²³. При таком подходе идеальное еще более тесно связывается с сознанием, но вместе с тем оно и значительно сужается и еще более прячется в духовном мире человека. Идеальное здесь уже не просто сознание, а осознанное сознание; сознание, сделавшее себя объектом отражения.

Вся эта линия в философии, сближающая идеальное с психическим и только с психическим, сталкивается с парадоксальным явлением: чем более жестко идеальное связывается с психикой, тем более оно теряется, растворяясь в сознании. По-видимому, данное обстоятельство побудило философов в своих исследованиях несколько отступить от психических процессов и обратить внимание на результаты психической деятельности. Формируется мнение, что идеальное — это образ сознания, когда он объективирован в слово и тем самым как бы отделен от индивида. Такое мнение было высказано наиболее четко С. Л. Рубинштейном: «Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некой данной ему «объективной реальностью», приобретают, таким образом, относительную самостоятельность, как бы вычленяясь из психической деятельности индивида»²⁴.

Мысль С. Л. Рубинштейна была развита А. В. Брушлинским, А. Н. Леонтьевым, А. М. Коршуновым, Э. В. Ильенковым и др., она дала значительный простор для исследования идеального. Идеальное оказалось выведенным за рамки индивидуальной психики, и открылись пути изучения его как общественного явления. Стало возможным связывать идеальное с материальными объектами и процессами. Из таинственных глубин внутреннего мира личности идеальное перешло в область социальных объектов и процессов. Стали выявляться многочисленные социальные функции идеального, которое перестало быть только формой бытия психического (сознания). Тем не менее позиция С. Л. Рубинштейна и его последователей — это взгляд на идеальное со стороны

сознания. Сознание идет впереди идеального и творит его. «Осознание объективного мира и окружающей социальной действительности... составляет сущность идеального»²⁵.

Не всегда в такой непосредственной форме выражается мысль о первенстве сознания над идеальным. Интересный вариант рождения идеального предложил А. М. Коршунов²⁶. Он обращает внимание на роль орудийной деятельности в формировании сознания и идеального. В ходе деятельности человек придает предметам различные значения, превращая их в знаки. Идеальное — это тот смысл, то содержание, которым люди наделяют материальные тела. Сознание детерминирует идеальное. Оно рождается сознанием, а деятельность — только условие, при котором появляется сознание, наделяющее предметы значением, превращая их в знаки и т. д. до идеального.

Мысль о связи идеального и сознания посредством деятельности высказывалась в литературе неоднократно. Причем не только в такой цепи: деятельность — сознание — идеальное, как у А. М. Коршунова, но и в цепи: деятельность — идеальное — сознание. «Идеальное не является чем-то возвышающимся над деятельностью, — пишет Г. В. Манджиев, — оно имманентно деятельности. Идеальное рождается в деятельности и оседает в мышлении как всеобщее. Осознание идеального как всеобщего осуществляется в процессе теоретической деятельности, которая поднимается над рутинной фактов и удерживает из множества конкретных видов деятельности всеобщее, устойчивое, необходимое»²⁷. К подобным же выводам пришел и А. Н. Леонтьев. «Исследования формирования у детей понятий и логических (умственных) операций, — пишет он в книге «Деятельность. Сознание. Личность», — внесли очень важный вклад в науку. Было показано, что понятия отнюдь не формируются в голове ребенка по типу образования чувственных генерических образов, а представляют собой результат процесса присвоения «готовых», исторически выработанных значений и что процесс этот происходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает соответствующими операциями, которые в их сжатой, идеализированной форме и представлены в значении. Само собой разумеется, что первоначально процесс овладения знаниями происходит во внешней деятельности ребенка с вещными предметами и в симпракси-

ческом общении. На ранних стадиях ребенок усваивает конкретные, непосредственно предметно отнесенные значения; впоследствии ребенок овладевает также и собственно логическими операциями, но тоже в их внешней, экстерииоризированной форме — ведь иначе они вообще не могут быть коммуницированы. Интериоризуясь, они образуют отвлеченные значения, понятия, а их движение составляет внутреннюю уместную деятельность «в плане сознания»²⁸.

Для понимания реальности идеального и его связи с сознанием много было сделано Э. В. Ильенковым. В статье «Идеальное» (Философская энциклопедия, 1962), в книге «Диалектическая логика. Очерки истории и теории» (1974 г.), в статье «Проблема идеального» (Вопросы философии, 1979, № 6, 7) он последовательно развивает мысль о единстве деятельности, идеального и сознания. При этом автор имеет в виду деятельность и сознание не отдельного индивида с его мозгом, а реальную «совокупность людей, совместно осуществляющих свою специфически человеческую жизнедеятельность»²⁹. Э. В. Ильенков, по существу, ведет речь об обществе и его сознании на конкретном уровне его развития, с которым он и связывает идеальное.

Итак, по вопросу о связи идеального с психикой и деятельностью в философской литературе высказываются следующие взгляды: идеальное — это свойство всякой психической деятельности (животной и человеческой); идеальное — это свойство человеческой психической деятельности (бессознательной и сознательной); идеальное — это особенность рефлексивного сознания (осознанного сознания); идеальное — это значения, созданные и закрепленные в ходе сознательной деятельности за предметами, вещами деятельности; идеальное — это представленная в форме вещи деятельность совокупности людей. Что здесь ближе к истине, необходимо выяснить.

Предметом дискуссии в советской философской литературе является вопрос о реальности идеального. Большинство участников дискуссии, отвечая на вопрос о чертах идеального, отмечают его противоположность материальному и, следовательно, отсутствие каких бы то ни было физических, чувственно воспринимаемых характеристик. Так, В. В. Орлов, рассматривающий идеальное как психологический феномен, как отражение материального, пишет: «Если предметы и

явления внешнего мира существуют в своей собственной вещественной, конкретно-чувственной форме, то их образы или отображения лишены вещественности и конкретно-чувственной осязаемости, т. е. являются бесплотными и бестелесными³⁰. В. П. Тугаринов считает необходимым выделить «...три признака идеального: а) оно является отражением материального, б) оно лишено пространственных, физико-химических и энергетических характеристик и в этом смысле «бесплотно», в) оно существует не на своей вещественной базе, а на базе вещества нервной ткани»³¹.

Таким же образом представляют себе основные признаки идеального Ю. В. Орфеев, В. С. Тютин. «Второй эмпирический признак, — пишут они, — состоит в том, что психические образы (восприятия, представления, чувства, мысли) в своей обращенности к носителю — субъекту лишены материальных характеристик; они не имеют физической пластичности и твердости веса, температуры, цвета, химических свойств. Например, образ розы не пахнет розой, нет оранжевых мыслей, горячих (в смысле нагретости) чувств и т. д. Короче говоря, образ как форма психического отображения не содержит в себе и грана вещества ни оригинала-объекта, ни физиологического субстрата субъекта. Это означает, что субъективная форма психического отображения есть в то же время идеальная форма»³². С такой трактовкой противоположности идеального материальному в принципе согласен и Э. В. Ильенков. В статье «Проблема идеального» он пишет: «Маркс и характеризует товарную форму как идеальную форму, не имеющую решительно ничего общего с реальной телесно осязаемой формой того тела, в коем она представлена (то есть отражена, выражена, осуществлена, опредмечена, реализована) и посредством которой она только и «существует», обладает «наличным бытием». Она «идеальна» потому, что не заключает в себе ни одного атома вещества того тела, в котором она представлена, ибо это форма совсем другого тела. И это другое тело присутствует здесь не телесно-вещественно — «телесно» оно находится совсем в другой точке пространства, — а только опять-таки «идеально», ни одного атома вещества здесь тоже нет. Химический анализ золотой монеты не обнаружит в ней ни одной молекулы ваксы, как и наоборот. Тем не менее золотая монета представляет (выражает) стоимость сотни банок ваксы как раз и именно своим весом и блеском»³³.

Единство взглядов советских философов на идеальное как на противоположное материальному обусловлено их материалистической позицией, не допускающей существования какой-то нематериальной субстанции. Но уже в самом понимании реальности идеального единства во взглядах нет. Что идеальное реально, признают все. Но в чем заключается его реальность? В том случае, когда идеальное понимается как субъективно-психическое явление, его бытие понимается как субъективная реальность. Данная позиция четко сформулирована в работах Д. И. Дубровского. «К а т е г о р и я и д е а л ь н о г о в с e г д а с о х р а н я е т с в о е и с х о д н о е з н а ч е н и е с у б ь е к т и в н о й р е а л ь н о с т и»³⁴. Такое понимание реальности идеального разделяют многие авторы: В. В. Орлов, А. С. Спиркин, Т. П. Малькова и другие.

В трактовке Э. В. Ильенкова характеристика идеального сводится к следующим основным положениям. В общественной жизни возникают и существуют «общезначимые образы-схемы», противоположные по своей характеристике материальным объектам и потому именуемые идеальными. Творцом этих «образов-схем» является общество, «совокупность людей». Своей деятельностью оно предметам природы придает социальное содержание, заставляет их выполнять общественные функции. Вещи, таким образом, помимо своей физической, получают еще идеальную форму существования. Примером идеального бытия служит форма стоимости. Носителем, или выразителем, стоимости может быть любое материальное тело, но ни одно тело не является стоимостью самого себя. Форма стоимости не имеет собственного материального тела, она всегда только «воплощена» или представлена в материальных телах. В этом и заключается ее идеальность. Таким, идеальным, является не только форма стоимости, но и вообще все «структурные формы и схемы общественного сознания». «Сюда входят всеобщие нравственно-моральные нормы, регулирующие бытовую жизнедеятельность людей, а далее и правовые установления, формы государственно-политической организации жизни, ритуально-узаконенные схемы деятельности во всех ее сферах, обязательные для всех правила жизни, жесткие целевые регламенты и т. д. и т. п., вплоть до грамматически-синтаксических структур речи и языка и логических нормативов рассуждения»³⁵.

Такой подход к идеальному дает возможность сделать вы-

вод: «Идеальное» — это схема реальной, предметной деятельности человека, согласующейся с формой вне головы, вне мозга»³⁶. С требованиями идеального и ограничениями его каждый индивид вынужден «считаться куда более осматрительно, нежели с непосредственно воспринимаемыми внешним обликом «вещей» и ситуацией или с органическими влечениями, желаниями и потребностями своего единичного тела»³⁷. Для Э. В. Ильенкова идеальное — это широкое общественное явление, существующее объективно, независимо от индивидуального сознания.

К проблеме реальности идеального относится и вопрос о месте его локализации. Хотя Л. А. Абрамян считает, что такой вопрос должен быть отведен как несостоятельный³⁸, тем не менее он существует и на данном этапе разработки идеального имеет даже принципиальное значение. С. А. Петрушевский вопрос о том «где и как локализуются смысловые значения... где они находятся?» называет «трудным вопросом»³⁹.

Философы, понимающие идеальное как субъективную реальность, объявляют местом пребывания идеального человеческий мозг. Пребывание идеального за пределами «мозговой нейродинамической системы» не допускается самым решительным образом. Т. П. Малькова пишет по этому поводу: «...концепции, выносящие идеальное в формы реальной предметной деятельности, в «тело цивилизации»... неправомерны»⁴⁰. С. А. Петрушевский связывает идеальное со смысловыми значениями, которые возникают в ходе «самоинтересованного отражения» индивидом объективной реальности. В смыслообразовательном процессе всегда участвует два фактора: «а) воздействие на организм предметных отношений и б) «свое отношение» к этим отношениям, т. е. живое, самоинтересованное их отражение организмом, его центральной нервной системой...»⁴¹. Только вместе эти два фактора образуют смысловые значения. Где же они сливаются? По мнению автора данной концепции: «Остается только единственное место, где может возникать и существовать реальное «слитие» предметных отношений деятельности и самоинтересованного «своего отношения», представляющего потребности и интересы организма. Этим местом является мозг»⁴².

Д. И. Дубровский тоже неоднократно подчеркивал, что материальным носителем идеального «должна быть некая

мозговая нейродинамическая система»⁴³. В работе 1983 года «Проблема идеального» он на вопрос «Где находится данное явление субъективной реальности?» отвечает: «Данное явление субъективной реальности (скажем, А₁) находится в своем ходе (X), который, как явление объективной реальности, обладает определенными пространственными и временными свойствами (представляет собой пространственно организованную и локализованную подсистему мозговой деятельности, изменяющуюся во времени)»⁴⁴.

Иную позицию о месте пребывания идеального занимают Ф. Т. Михайлов, Э. В. Ильенков и ряд известных советских психологов. Они пишут, правда, чаще о зрительном образе, но понимать их идею можно более широко. Специалисты подходят к глазу как к активному двигательному органу, отражающему внешний мир подобно руке. Рабочая точка глаза расположена «...на конце зрительной оси... где она пересекается с плоскостью объекта»⁴⁵ подобно тому, как рабочая точка руки расположена на кончике пальцев или орудий труда. Размер рабочей точки глаза (зона взора) невелик, и поэтому глаз способен рассмотреть объект, лишь находясь в непрерывном движении. Поисковым движением глаза как бы «ошупывают предмет». В отличие, скажем, от руки глаз обладает слабой мышечной проприоцепцией, т. е. человеку трудно координировать движение глаз, руководствуясь напряжением глазных мышц. В связи с этим координация движения глаз осуществляется преимущественно за счет афферентных входов. Все пространство, находящееся в поле зрения глаз, образует так называемое афферентное поле, с которого световые потоки попадают на сетчатку глаза, вызывая его активность. Рабочая точка занимает центральное положение в поле зрения. Установление рабочей точки на определенном участке афферентного поля осуществляется «двигательными выходами»⁴⁶, афферентным движением глаз. Когда рабочая точка наведена неточно на объект, возникает ощущение «зрительного дискомфорта». Когда же рабочая точка совмещена с целью, то создается ощущение ясного видения. Чтобы появилось «видение», существовал зрительный образ, необходим непрерывный контакт между глазом и объектом, осуществляющийся в форме афферентных и эфферентных движений глаз. Зрительный образ возникает и существует только в процессе такой работы глаз. Никаких зрительных образов, существующих за

пределами афферентного поля, рабочей зоны глаз, скажем, где-то в коре головного мозга, психологическая наука не допускает. В связи с этим Ф. Т. Михайлов пишет: «Где же зрительный образ? В голове? Нет, послушно выполняя приказы, идущие от коры головного мозга, нервный аппарат зрения находит на расстоянии с помощью электромагнитных, световых волн реально существующие предметы и, скользя по их поверхности, как бы воспроизводит их форму в своем исключительно сложном движении. Вот и получается, что зрительный образ — движение глаза по предмету. Он столь же во мне, сколь и вне меня, и без внешнего предмета, без его реальной формы, находимой органами чувств, нет никакого «второго» образа, особого, только во мне существующего»⁴⁷.

Э. В. Ильенков еще более решительно возражает против признания местом пребывания идеального мозг человека. Соотношение между мозгом и идеальным он тоже рассматривает как соотношение между рукой и продуктом ее деятельности. Результат работы руки не в руке, а в веществе природы, обработанном рукой. Идеальное, как результат работы мозга, он полагает находящимся вне головы и сознания людей — совершенно объективно⁴⁸.

Таким образом, реальность идеального не подвергается сомнению, но трактуется противоречиво: для одних идеальное — субъективная реальность, локализованная в головном мозге человека, но не сознание; для других идеальное — объективная реальность, локализованная в результатах деятельности человека, но не материальная. Что здесь ближе к истине, остается пока неясным.

Что идеальное не представляет собой какой-то самостоятельной реальности, существующей независимо от материи, для всех материалистов аксиома. Идеальное существует только в связи с материальным, на базе материального — это признают все советские философы. Разногласия начинаются с вопроса: какое материальное является носителем идеального? Только мозг человека, считают одни. Любой материальный объект, вовлеченный в сферу человеческой деятельности, считают другие.

Э. В. Ильенков пишет об этом вполне определенно: «Идеальное» существует только в человеке. Вне человека и помимо него никакого «идеального» нет. Но человек при этом понимается не как отдельный индивид с его мозгом, а

как реальная совокупность реальных людей, совместно осуществляющих свою специфически человеческую жизнедеятельность, как «совокупность всех общественных отношений», складывающихся между людьми вокруг одного общего дела, вокруг процесса общественного производства их жизни. Идеальное и существует «внутри» так понимаемого человека, ибо в нем находятся все те вещи, которыми «опосредованы» общественно-производящие свою жизнь индивиды: и слова языка, и книги, и статуи, и храмы, и клубы, и телевизионные башни, и (прежде всего!) орудия труда, начиная от каменного топора и костяной иглы до современной автоматизированной фабрики и электронно-вычислительной техники. В них-то, в этих «вещах», и существует «идеальное» как опредмеченная в естественно-природном материале «субъективная» целесообразная формообразующая жизнедеятельность общественного человека, а не внутри «мозга», как это думают благонамеренные, но философски необразованные материалисты»⁴⁹.

Вопрос о связи идеального с материальным имеет еще и другой аспект, аспект их диалектического взаимопревращения. Мысль В. И. Ленина: «Различие идеального от материального тоже не безусловно...»⁵⁰ часто приводится в литературе. Но как это взаимопревращение происходит реально? Чаще всего такие взаимопереходы рассматриваются в психологическом плане как опредмечивание и распредмечивание, как означение предметов и «расшифровка» их значения.

С. А. Петрушевский понимает это так: «К человеческой высшей нервной (отражательной) деятельности прибавляются новые механизмы, возникающие под влиянием его специфической общественной жизни,— механизмы второй сигнальной системы, или, короче говоря, на этой новой фазе происходит означение непосредственно чувственных образно-смысловых значений, возникающих под непосредственным воздействием предметных отношений действительности, знаками речи, письма и т. д.

В этом как раз и обнаруживается диалектика «преобразования» материального в идеальное. Диалектика этого «преобразования» состоит вовсе не в том, что материальное перестает быть материальным, превращаясь в психическое, идеальное... Материальное всегда остается только материальным, а психическое — только психическим.

...Они в буквальном смысле не переходят друг в друга... Преобразование состоит лишь в том, что материальное, пересаживаясь в человеческую голову и перевоплощаясь в ней в нервно-мозговые процессы, «наполняется» по ходу этих процессов смысловыми значениями. В этом как раз и состоит наиглавнейшая суть преобразования материального в идеальное»⁵¹.

Так понимают превращение материального в идеальное, перевод его во «внутренний» план многие авторы. Д. И. Дубровский полагает, что взаимный переход материального и идеального удобно рассматривать как информационный процесс. Он пишет: «Пусть индивид зрительно воспринимает в достаточно малый отрезок времени некоторый объект A . Это значит, что индивид переживает образ объекта A (обозначим указанный субъективный образ через a). В тот же отрезок времени в головном мозгу индивида возникает определенный нейродинамический процесс (определенная нейродинамическая структура), порождаемый действием объекта A и ответственный за переживаемый индивидом образ a (обозначим этот нейродинамический эквивалент образа через x). Естественно считать, что субъективный образ и его нейродинамический носитель (a и x) суть явления одновременно и однопричинные. Тем не менее эти явления следует различать: a есть явление идеальное, т. е. субъективная реальность (оно не может быть названо материальным, поскольку не существует в виде объективной реальности, доступной внешнему наблюдателю), x есть материальный процесс, происходящий в головном мозгу; x не является психическим, идеальным образом объекта A , а есть кодовое отображение объекта A . И этот нейродинамический код, существующий в головном мозгу данной личности, переживается ею именно как образ: подвергается, так сказать, психическому декодированию.

Отношение между a и x можно считать частным случаем отношения между информацией как содержанием и сигналом как его формой: a — информация, получаемая личностью от объекта A ; x — материальный, нейродинамический носитель этой информации... То, что мы называем идеальным, есть способность личности иметь информацию в «чистом» виде и оперировать ею во времени»⁵².

А. М. Коршунов, например, связывает появление идеального с орудийной деятельностью человека и возникновением

знаковой системы. Вначале люди осуществляют предметно-орудийные действия на основе той элементарной психики, которая досталась им от животных. В процессе этой деятельности и через деятельность осуществляется «снятие внешности, модели с объекта, перенос ее во внутренний план, а тем самым и превращение материального в идеальное». Одновременно эти копии приобретают функциональную значимость, способность «выступать именно в виде заместителей, своеобразных репрезентов отражаемых предметов и отношений». С развитием языка появляется способность «осуществлять операции не только с самими предметами, но и с их заместителями». Так возникает знаковая система, где знаки выступают носителями объективного содержания, не совпадающего с их материальной формой. Идеальное имеет функциональную природу благодаря тому, что знаки соотнесены с внешним миром. «Знак — материальная форма бытия идеального, непосредственная его реальность»... «Идеальное — образ, способ освоения субъектом действительности, отличный от материального тела знаков-репрезентов. Это есть то содержание, тот смысл, которые передаются с помощью языка... Идеальное — функция человека как социального существа, а тем самым это функция общества»⁵³.

А. Н. Леонтьев несколько иначе понимает появление духовного. Он считает, что предметы деятельности уже должны обладать идеальной стороной, чтобы могла возникнуть идеальность сознания. Во взаимодействии материального и идеального в качестве одного из моментов последнего участвует сознание (духовное). Чтобы материальное могло перейти в идеальность сознания, сами объекты деятельности должны выступать носителями социального содержания. В социальных предметах и организациях деятельности отношения и побуждения существуют в форме чувственно воспринимаемых объектов и сами становятся предметом отражения. Когда человек вещественные формы соотносит с исходными целями и представлениями, он их осознает, распредмечивает, придает им в своей голове духовное бытие. Чтобы это могло произойти, отмечает А. Н. Леонтьев, «... объект должен выступать перед человеком именно как запечатлевший психическое содержание деятельности, т. е. своей идеальной стороной»⁵⁴. Но и как сознание идеальное приобретает действительное содержание и для других людей, и для

субъекта сознания, когда оно воплощено в материальную форму, в язык. Люди первоначально совершают простые предметно-орудийные действия, используя при этом те формы отражения, которые присущи и животным. По мере того как человек раскрывает для себя значение предметов и действий, он обозначает их определенными знаками (словами). В дальнейшем развивается способность оперировать не только предметами, но и знаками. Знаки становятся носителями нового содержания, не совпадающего с их материальной формой.

Движение от материального к идеальному — это лишь одна сторона связи между ними. Другой стороной является движение от идеального к материальному. «Идеальное, — пишет Д. И. Дубровский, — постоянно превращается в материальное (в том смысле, что идеи, планы, желания, цели отдельных личностей воплощаются в средствах коммуникации, продуктах труда и т. п.)»⁵⁵.

В отличие от подобных взглядов Э. В. Ильенков полагал, что процесс взаимопревращения материального и идеального происходит в самой деятельности человека. Он выработал свои взгляды прежде всего на основе анализа «Капитала» К. Маркса. В несколько обобщенной форме они сводятся к следующему. Трудом человека созданы товары. Именно потому, что товары воплощают в себе человеческий труд и включены в систему человеческих отношений, они внутренне противоречивы: обладают натуральным образом и вместе с тем идеальным. Например, натуральное железо является вместе с тем идеальным золотом. Быть одновременно натуральным железом и натуральным золотом невозможно, но одновременно натуральным и идеальным выступает любой товар. Обусловлено это тем, что за товарами стоят люди. Владелец железа готов обменять свой товар на золото. Железо для него и есть золото, но только идеальное, т. е. представленное в форме железа. Владелец золота готов обменять свой товар на железо, оно для него и есть железо, но представленное в форме золота. Внутреннее противоречие товара, единство его натуральной и идеальной форм в момент обмена выступает как внешнее противоречие — противоречие товара и денег. Обмен товара на деньги является внешней формой разрешения внутреннего противоречия. С одной стороны, обмен товара на деньги представляет собой превращение идеального золота в реальное, а с другой —

деньги (идеальная форма товара) превращаются в одну из натуральных форм. Превращение идеального в материальное — вот что происходит при обмене товаров. Все осуществляется мимолетно. Владелец товара (идеального золота) становится владельцем натурального золота, а владелец золота (идеального товара) становится владельцем натурального товара. Внешне все выглядит просто и протекает вполне материально. Вещи из одних рук переходят в другие. Но так как эти вещи (товар, денежный знак) обладают не только натуральной, но и идеальной формой, то за чувственно воспринимаемой операцией скрывается нечто совершенно другое: реализуются определенные общественные отношения, идеально представленные в материальных вещах.

Мнения разнообразны, но они могут быть сведены к двум основным позициям. Для одних переход материального в идеальное совпадает, по существу, с появлением сознания как отражения материального, а переход идеального в материальное совпадает с овеществлением (материализацией) сознания. Для других взаимопереход материального и идеального есть объективный процесс, совершающийся в общественной жизни людей, поскольку через посредство материальных объектов люди выражают и осуществляют свои отношения. Вопрос об истинности этих взглядов остается открытым.

Теперь, когда взгляды различных авторов в основном изложены, целесообразно как-то их прокомментировать и оценить. Трактовка идеального как субъективной реальности имеет одно преимущество: она четко согласуется с материалистическими решениями основного вопроса философии. Всегда возникает большой соблазн упростить соотношения философских категорий. Есть материя, она же материальное и объективная реальность; есть сознание, оно же идеальное и субъективная реальность⁵⁶. Но это простое и ясное соотношение философских категорий порождает, как еще будет показано, серьезные сложности.

Понятие «субъективная реальность» выводится из основного вопроса философии, из противоположности идеального материальному. Если материальное — это объективная реальность, то идеальное — субъективная. Но объективной реальностью является то, что обладает свойством существовать вне и независимо от сознания. Значит, противоположностью будет существование в сознании и в зависимости от

него. А в зависимости от сознания находится так или иначе вся общественная жизнь, материальная сторона тоже. Между тем разбираемая концепция понимает идеальное всегда только как психическое явление. Здесь явно недостает строгости.

Понятие «субъективная реальность» не определено достаточно точно. Одни трактуют ее как всякую психику вообще, другие — как человеческую психику, третьи — как человеческую психику, переживаемую как сознание. Но всегда она понимается как психика отдельного существа. А почему не сообщества? Не потому ли, что вся концепция «идеальное — субъективная реальность» не вмещает в себя такой широкой трактовки субъекта?

Есть основание полагать, что самый крупный, глубоко принципиальный недостаток всей концепции «идеальное — субъективная реальность» состоит именно в трактовке содержания данного понятия. Уже приводилось рассуждение Д. И. Дубровского из книги «Управление, информация, интеллект» об отражении субъектом объекта А. В книге «Информация. Сознание. Мозг» он почти буквально повторяет это рассуждение, используя вместо объекта А Луну. «Допустим, — пишет он, — что в данный момент мы видим Луну. Каково отношение этого образа к материальным, нейрофизиологическим процессам, протекающим в тот же отрезок времени в нашем мозгу? Для научного описания указанного образа так или иначе необходима категория идеального... В мозговом субстрате происходят сложные нейрофизиологические процессы, которые, однако, ни в коей мере не являются копией, фотографией Луны и, следовательно, не могут характеризоваться как ее образ. Тем не менее переживаемый человеком образ Луны есть результат отражения его головным мозгом объективно-реальной Луны; этот субъективный образ необходимо обусловлен определенными мозговыми нейрофизиологическими процессами»⁵⁷.

Подобные рассуждения мы встречаем и у других авторов, например, Т. Павлова⁵⁸, Панайота Гиндева⁵⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что авторы в размышлениях об объекте всегда имеют в виду предмет, каким он является «сам по себе», а в размышлениях о субъекте — просто человека как разумное существо. Такая позиция авторов и в философском, и в психологическом плане оставляет странное впечатление. Ведь К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» со всей определенностью отметили, что человек

не имеет дела с миром «самим по себе», что даже предметы простейшей «чувственной достоверности» человеку даны «благодаря общественному развитию», благодаря промышленности и торговле⁶⁰. А критика Марксом философской антропологии настолько известна, что ее неловко повторять. С другой стороны, в советской психологической науке сложилось целое направление, связанное с именами Н. А. Бернштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, Б. М. Тсплова, А. В. Запорожца, которое четко проводит различие между тем, каким мир является в системе «объект — объектных» отношений и каким — в системе отношений объекта и субъекта.

Невольно возникает вопрос: знают ли сторонники концепции «идеальное — субъективная реальность» взгляды основоположников марксизма? Знакомы ли они с работами в области психологии? Отрицательный ответ просто немислим. Но если знают, то почему не считаются с ними при разработке проблем идеального? Почему общественная сущность человека в работах данного направления просто оговаривается с тем, чтобы потом оперировать абстрактными субъектами и объектами? Вероятно, здесь возможен только один ответ: само исходное определение идеального узко. Авторы, взявшие на вооружение это определение, обрекли себя на то, чтобы в исследованиях идеального и сознания остаться на позициях субъект — объектных или объект — субъектных отношений, тогда как марксизм давно уже доказал, что опосредующим звеном между объектом и субъектом является общество.

Ограниченность разбираемой концепции обнаруживается и при попытке с ее позиций подойти к общественному сознанию. Поскольку идеальное, по существу, отождествляется с сознанием отдельного индивида, то возникает вопрос: что же представляет собой общественное сознание? Ведь по отношению к индивиду оно выступает как нечто вполне объективное.

Попытки разрешить этот вопрос в рамках концепции «идеальное — субъективная реальность» порождают противоречия и путаницы, обнаруживающие ограниченность и решительную непригодность для использования в области исторического материализма всей этой концепции. Показательными здесь являются работы Д. И. Дубровского. В статье

«Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности» он сначала четко отмечает возможность существования только двух реальностей (объективной и субъективной), поскольку они определяются основным вопросом философии. Но попытки разобраться с феноменом стоимости заставляют его прибегнуть к понятию «социальная объективная реальность», которую он отличает и от материального, и от идеального⁶¹. В работе «Информация. Сознание. Мозг», вышедшей в том же 1980 г., что и названная статья, Д. И. Дубровский вновь утверждает: возможны только две реальности — объективная и субъективная⁶². В статье 1983 г. «Категория идеального в системе марксистского философского знания» он снова готов признать «особую объективную реальность, отличную от природной»⁶³.

Д. И. Дубровский полагает, что проблему идеальности общественного сознания можно разрешить, если в нем различать его содержание и способ существования. По способу существования общественное сознание идеально, а по содержанию оно «объективируется в предметах, коммуникативных и институционализированных формах»⁶⁴. Следовательно, вправе спросить каждый: выступает оно как материальное? В этой же статье автор настойчиво критикует В. Н. Сагатовского за то, что тот в сознании различает идеальную и материальную стороны, а через несколько страниц сам таким путем пытается разрешить возникшие в концепции трудности. Непоследовательность при решении вопроса об идеальности общественного сознания допускает Д. И. Дубровский в книге «Проблема идеального», где он сначала утверждает, что по способу существования общественное сознание идеально, а по содержанию может существовать в «формах материальной культуры»; потом отказывается от этой мысли и настойчиво подчеркивает: «нет такого общественного сознания..., которое не существовало бы в некотором множестве индивидуальных сознаний»⁶⁵.

Данные противоречия — беда не отдельного автора, а всего направления, придерживающегося идеи «идеальное — субъективная реальность». Так, у С. Л. Рубинштейна мы находим рассуждения об объективной реальности как материальном мире и объективной реальности как общественном сознании⁶⁶. И. С. Нарский пространно излагает, в каком плане сознание идеально, а в каком материально⁶⁷. Ю. В. Орфеев, В. С. Тютин выделяют два уровня идеального⁶⁸.

А. Г. Спиркин пишет о потенциальном и актуальном идеальном⁶⁹ и т. д.

Все это вновь убеждает, что концепция «идеальное — субъективная реальность» не отражает общественной сущности идеального. В связи с этим необходимо несколько остановиться на комплексе слов «субъективная реальность». В работах В. В. Орлова⁷⁰, Д. И. Дубровского⁷¹, В. Ф. Кузьмина⁷² и других о субъективной реальности говорится с неременной ссылкой на В. И. Ленина. Такие ссылки возникают в результате произвольной трактовки нескольких ленинских положений. 1. В. И. Ленин утверждал, что мысль и материя действительны, т. е. существуют, но при этом возражал против признания мысли материальной⁷³. 2. В. И. Ленин признавал мысль о превращении идеального в реальное глубокой, признавал различие идеального и материального не безусловным, не чрезмерным⁷⁴. 3. В. И. Ленин называл ощущение субъективным образом объективного мира⁷⁵. 4. Материю, материальное В. И. Ленин определил как объективную реальность⁷⁶. Из этих ленинских положений и выведена идея субъективной реальности. Если мысль действительно существует не как объективная реальность, а только может стать объективной реальностью, материальным; если ощущения, т. е. один из компонентов сознания, названы субъективными, а субъективное противоположно объективному, то вывод напрашивается сам собой: идеальное (сознание) или, наоборот, сознание (идеальное) — это субъективная реальность.

В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина мы не находим определения идеального как субъективной реальности, и вся их теория сознания не дает основания полагать, будто они придерживались идеи «идеальное — субъективная реальность».

Помимо своего основного недостатка — неспособности выразить общественный характер идеального — разбираемая концепция обнаруживает и другие слабости. В рамках данной концепции очень трудно проводить различие между сознанием и идеальным. Чаще всего сознание понимается как тождественное идеальному, а идеальное как тождественное сознанию. В результате понятие «идеальное» становится просто лишним в философии. Если различие между идеальным и сознанием все же проводится, то реальностью при-

знается только сознание, а идеальное понимается только как характеристика сознания, которым подчеркивается его противоположность материи. Идеальное как понятие утрачивает в этом случае свой денотат и становится настолько бедным по содержанию, что его невозможно поставить рядом ни с одним философским понятием. Категория «идеальное» в такой трактовке оказывается совершенно неприменимой в области исторического материализма.

Концепция «идеальное — субъективная реальность», бесспорно, обладает сильной стороной: она отражает тот факт, что без индивидуальной человеческой головы нет ни идеального, ни сознания. Но у нее и чрезвычайно слабая сторона: она упускает тот факт, что индивидуальная голова без общества не может быть человеческой и, следовательно, не порождает ни идеального, ни сознания. Именно это обстоятельство побуждает философов искать какие-то новые параметры идеального.

В работах В. И. Востокова, А. М. Коршунова, А. Д. Полторацкого, Ю. В. Орфеева, В. С. Тюхтина⁷⁷ исследуется функциональный аспект идеального. Изменения во взглядах состоят в том, что идеальное связывается уже не только с деятельностью головного мозга, но и с предметами материальной деятельности, выступающими как носители определенных значений. «Идеальное, — пишет А. М. Коршунов, — есть некоторая функция отражения представлять субъекту результат материального взаимодействия в образах значимых явлений»⁷⁸.

Идеальное в этих взглядах выступает как некий «мост» с двумя «опорами»: одна — деятельность головного мозга, другая — предметная деятельность человека. «Опоры» взаимообусловлены, ни одна не признается абсолютно первичной. Но здесь обнаруживается важное обстоятельство. Значение предметов деятельности раскрывается сознанием. Оно может быть объективно истинным, а может быть и фантастическим. Однако в конечном счете в понимании человеком значимости предметов своей деятельности нет произвола. В нем отражаются закономерности природного мира и общества. Поскольку это так, то сами значимости все более складываются в определенную систему, ограничивающую и направляющую фантазию человека. Теперь уже не только предметности, но и сама система значений выступает как реальность, с

которой сознание индивида вынуждено считаться. Причем значимая сторона обладает часто гораздо более мощным содержанием, чем сама предметность.

Данное обстоятельство и было замечено Э. В. Ильенковым. Он, если допустимо такое образное сравнение, прошел «мост» идеального от его опоры в деятельности головного мозга человека к опоре его в предметной деятельности человека и понял эту вторую опору как основную (или даже единственную) область возникновения и существования идеального. Поэтому он и пишет: «Идеальность вообще и есть в исторически сложившемся языке философии таких вещественно зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, то есть исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей, как особая «сверхприродная» объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной деятельностью, находящийся с нею в одном и том же пространстве...»⁷⁹.

Э. В. Ильенков преодолел, таким образом, коренной недостаток концепции «идеальное — субъективная реальность» — ее неспособность выразить общественную сущность идеального. Эту общественную сущность он высветил объемно, ярко. Но осталась в тени (а может, и вообще упущенной) роль индивида, «живое» сознание, сознательная деятельность отдельного человека.

Участники дискуссии по поводу книги Э. В. Ильенкова «Диалектическая логика. Очерки истории и теории» И. С. Нарский и В. М. Федоров отметили следующее: «Мы постоянно сталкиваемся с гипертрофией социального аспекта сознания, которая проявляется в том, что Э. В. Ильенковым рассматривается только то предметное бытие, которое является результатом практической деятельности человечества («вторая природа»), в силу чего смазывается различие между предметом и собственно объектом, а вся проблема идеального переносится в плоскость предметной деятельности человеческого сознания, но без конкретного исследования происхождения и функционирования идеального. Автор... забывает, что без мозга, как высокоорганизованного вида материи, сознание (идеальное) существовать никак не может»⁸⁰.

На этот недостаток указывали, по существу, все, кто вы-

ступал с критикой позиций Э. В. Ильенкова, — С. А. Петрушевский⁸¹, Д. И. Дубровский⁸², Б. В. Бирюков, Л. М. Семашко⁸³.

Движение вперед в решении проблемы идеального состоит, видимо, не в том, чтобы сделать правильный выбор в споре, скажем, Д. И. Дубровского и Э. В. Ильенкова, а в том, чтобы выделить позитивное содержание их концепций и на данной основе обнаружить их единство.

В дискуссиях об идеальном часто отмечается зависимость взглядов спорящих от избранных ими аспектов рассмотрения обсуждаемого явления. В этом суждении много правды. Различия во взглядах Д. И. Дубровского и Э. В. Ильенкова, как нам представляется, во многом обусловлены тем, что первый разрабатывает прежде всего естественно-научный аспект идеального, а второй — социологический. Путь преодоления разногласий и достижения истинных знаний об идеальном видят сейчас в многоаспектном его изучении. Д. И. Дубровский полагает, что исследование идеального необходимо вести, по крайней мере, в четырех аспектах: онтологическом, гносеологическом, аксеологическом и праксиологическом.

Идея необходимости многоаспектного подхода к идеальному кажется неоспоримой. Но сами аспекты должны получить какое-то обоснование. По поводу предложения Д. И. Дубровского следует сделать несколько замечаний. Во-первых, вопрос об идеальном так же древен, как и философия; мыслителями разных эпох он рассматривался бесчисленное количество раз. Естественно, возникает вопрос: в каком аспекте исследовалось идеальное в домарксистской и марксистской философии? Ответ, бесспорно, повлияет на автора, решившегося в определенном ракурсе высказаться об идеальном. Во-вторых, идеальное — проблема не только философии: ею давно и серьезно занимаются специалисты в области психологии, физиологии высшей нервной деятельности, кибернетики. Философу, очевидно, следует отличить свои аспекты идеального от естественно-научных. Советские психологи Н. А. Бернштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, зарубежные специалисты Ж. Пиаже, Д. Брунер, К. Изард и другие провели и продолжают серьезные исследования в области формирования восприятий, понятий, к которым философ вряд ли сумеет добавить какой-то естественно-научный материал. В-третьих, в многоаспектной проблеме всегда есть

доминирующая сторона, от которой так или иначе зависят остальные стороны. Какой аспект идеального является доминирующим? Вероятно, философу необходимо решить это. Наконец, в-четвертых, не все аспекты проблемы в одинаковой мере можно разрешить. Состояние науки, особенности идейной борьбы актуализируют ту или иную сторону проблемы и находят необходимый материал для ее освещения. Какой аспект идеального может и должна изучить сейчас марксистская философия?

Сложных вопросов много. Никто не возьмется ответить на них сразу. Однако какие-то ответы должны сложиться, если рассмотреть, как ставилась и разрешалась проблема идеального в истории философии, как ставилась и разрешалась она в работах классиков марксизма.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 21.

² Павлов Т. Теория отражения. Избранные философские произведения. М., 1962, т. 3, с. 161.

³ Дубровский Д. И. О проблеме идеального. — Вопр. философии, 1971, № 4, с. 104.

⁴ Дубровский Д. И. Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности. — Филос. науки, 1980, № 3, с. 24.

⁵ Дубровский Д. И. Категория идеального в системе марксистского философского знания. — Филос. науки, 1982, № 5, с. 143.

⁶ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983, с. 18.

⁷ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 369.

⁸ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972, с. 59.

⁹ Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1980, с. 481.

¹⁰ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983, с. 197.

¹¹ Ильенков Э. В. Проблема идеального. — Вопр. философии, 1979, № 7, с. 148.

- ¹² Анохин П. А. За творческое сотрудничество философов с физиологами. — В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М.: Политиздат, 1966, с. 268—269.
- ¹³ Велиев Г. Н. Бессознательное и идеальное: Автореф. Дис... канд. филос. наук. М., 1979, с. 7—8.
- ¹⁴ Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С. Мышление человека и «искусственный интеллект». М.: Мысль, 1978, с. 61—62.
- ¹⁵ Там же, с. 63.
- ¹⁶ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980, с. 164.
- ¹⁷ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983, с. 52.
- ¹⁸ Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971, с. 96.
- ¹⁹ Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966, с. 155.
- ²⁰ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979, с. 59.
- ²¹ Пономарев Я. А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967, с. 36.
- ²² Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972, с. 74.
- ²³ Малькова Т. П. Анализ категории идеального (в связи с критикой новейших идеалистических и физикалистских концепций): Автореф. Дис... канд. филос. наук. М., 1971, с. 10.
- ²⁴ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 41.
- ²⁵ Ермаков В. М. Противоположность материалистического и идеалистического понимания сущности идеального: Автореф. Дис... канд. филос. наук. М., 1975, с. 22.
- ²⁶ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание: М.: Политиздат, 1979, с. 65—68.
- ²⁷ Менджиев Г. В. О понятии «идеальное» в философии Гегеля и марксизма: Автореф. Дис... канд. филос. наук. Ростов, 1973, с. 19.
- ²⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977, с. 142.
- ²⁹ Ильенков Э. В. Проблема идеального. — *Вопр. философии*, 1979, № 7, с. 158.
- ³⁰ Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966, с. 155.
- ³¹ Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1971, с. 70.
- ³² Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С. Мышление человека и «искусственный интеллект». М.: Мысль, 1978, с. 59.
- ³³ Ильенков Э. В. Проблема идеального. — *Вопр. философии*, 1979, № 7, с. 150.
- ³⁴ Дубровский Д. И. Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности. — *Филос. науки*, 1980, № 3, с. 23.
- ³⁵ Ильенков Э. В. Проблема идеального. — *Вопр. философии*, 1979, № 6, с. 138.
- ³⁶ Там же, с. 136.
- ³⁷ Там же, с. 138—139.
- ³⁸ Абрамян Л. А. Понятие реальности. — *Вопр. философии*, 1980, № 11, с. 104.
- ³⁹ Петрушевский С. А. Диалектика рефлекторных процессов. М.: МГУ, 1967, с. 343.

- ⁴⁰ Малькова Т. П. Анализ категории идеального (в связи с критикой новейших идеалистических и физикалистских концепций). Автореф. Дис... канд. филос. наук. М., 1971, с. 12.
- ⁴¹ Петрушевский С. А. Диалектика рефлекторных процессов. М.: МГУ, с. 342.
- ⁴² Там же, с. 344.
- ⁴³ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980, с. 159.
- ⁴⁴ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983, с. 133—134.
- ⁴⁵ Гипенрейтер Ю. Б. Движение человеческого глаза. М.: МГУ, 1974, с. 213.
- ⁴⁶ Там же, с. 217.
- ⁴⁷ Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого Я. М.: Политиздат, 1976, с. 158—159.
- ⁴⁸ Ильенков Э. В. Проблема идеального. — *Вопр. философии*, 1979, № 7, с. 150.
- ⁴⁹ Там же, с. 158.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.
- ⁵¹ Петрушевский С. А. Диалектика рефлекторных процессов. М.: МГУ, 1967, с. 341.
- ⁵² Дубровский Д. И. Информация и сознание. — В кн.: *Управление, информация, интеллект*. М.: Мысль, 1973, с. 235.
- ⁵³ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979, с. 68.
- ⁵⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977, с. 30.
- ⁵⁵ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980, с. 164.
- ⁵⁶ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983, с. 14—17.
- ⁵⁷ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М., Высш. школа, 1980, с. 159.
- ⁵⁸ Павлов Т. Теория отражения. Избранные философские произведения. М., 1962, т. 3, с. 163.
- ⁵⁹ Гиндев Панайот. Философия и социальное познание. М.: Прогресс, 1977, с. 214.
- ⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 42.
- ⁶¹ Дубровский Д. И. Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности. — *Филос. науки*, 1980, № 3, с. 23.
- ⁶² Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980, с. 161—162.
- ⁶³ Дубровский Д. И. Категория идеального в системе философского знания. — *Филос. науки*, 1983, № 1, с. 139.
- ⁶⁴ Там же, с. 143.
- ⁶⁵ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983, с. 174—177.
- ⁶⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 41.
- ⁶⁷ Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969, с. 73.
- ⁶⁸ Орфеев Ю. В., Тюхтин В. С. Мышление человека и «искусственный интеллект». М.: Мысль, 1978, с. 62.
- ⁶⁹ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972, с. 75.

⁷⁰ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 369.

⁷¹ Дубровский Д. И. Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности. — Филос. науки, 1980, № 3, с. 23—25.

⁷² Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное. М.: Наука, 1975, с. 22—31.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 257.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 104.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 120.

⁷⁶ Там же, с. 131.

⁷⁷ Востоков Б. И., Коршунов А. М., Полторацкий А. Д. Проблема идеального и современная наука. М., 1965, с. 17—20.

⁷⁸ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979, с. 65.

⁷⁹ Ильенков Э. В. Проблема идеального.—Вопр. философии, 1979, № 6, с. 139—140.

⁸⁰ Нарский И. С., Федоров В. М. Актуальные вопросы диалектической логики. — Филос. науки, 1976, № 2, с. 106.

⁸¹ Петрушевский С. А. Диалектика рефлекторных процессов. М.: МГУ, 1967, с. 341—345.

⁸² Дубровский Д. И. Категория идеального в системе философского знания.—Филос. науки, 1983, № 1, с. 138—141.

⁸³ Бирюков Б. В., Семашко Л. М. Книга, вызывающая споры. — Филос. науки, 1970, № 4, с. 165.

Глава I

ИДЕАЛЬНОЕ. ОТ ПЛАТОНА К МАРКСУ

Проблема идеального остро дискутируется в советской литературе. Многие авторы с различных позиций пытаются ее разрешить. Но поскольку проблема существует тысячелетия, то ее современное состояние нельзя рассматривать в отрыве от взглядов мыслителей прошлого. Позиции современных авторов, несомненно, содержат в себе следы предшествующего движения к истине, и они должны быть выявлены, с одной стороны, для того, чтобы не повторять старых заблуждений, с другой — чтобы иметь опору для дальнейшего движения.

Платон и Аристотель

Вопрос об идеальном в истории философской мысли впервые наиболее ясно и четко был поставлен Платоном. Это он выделил идеальное как особую область бытия, отличную от

материального мира, и попробовал наметить пути его познания. Его учение об идеальном обширно: терминологически, да и концептуально, оно далеко не всегда последовательно. Однако основные положения этого учения вполне можно выделить. Для Платона идеальное — объективно существующая реальность. Он иронизирует над философами, для которых существует лишь вещественная, телесная реальность. В работе «Теэтет» обращает на себя внимание диалог Сократа и Теэтета.

Сократ. Оглянись же как следует, дабы не подслушал нас кто-нибудь из непосвященных. Есть люди, которые согласны признать существующим лишь то, за что они могут цепко ухватиться руками, действиям же или становлениям, как и всему незримому, они не отводят доли в бытии.

Теэтет. Но, Сократ, ты говоришь о каких-то твердолобых упряמצах.

Сократ. Да, дитя мое, они порядком невежественны¹.

В «Государстве» Платон четко излагает основное положение своего учения о существовании двух различных миров: умопостигаемого мира «идей» («эйдесов») и чувственно постигаемого мира вещей. «Так вот считай, — пишет он, — что есть двое владык... один — над всеми родами и областями умопостигаемого, другой, напротив, надо всем зримым...»². В «Федре» Платон следующим образом рисует мир идеального: «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да и никогда не воспет по достоинству. Она же вот какова... Эту область занимает бесцветная, без ограничений, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души — уму; на нее-то и направлен истинный род знаний»³.

В идеальном как объективно существующей реальности Платон выделяет две области, различие которых он определяет гносеологически. Первую область человек познает с помощью образов, взятых из чувственно познаваемого мира, с помощью собственных предположений, гипотез (как, например, на основе исследования фигур делаются геометрические выводы); вторую — пользуясь рассуждениями, идеями и их взаимоотношением. Выделение двух областей идеального служило основанием для отличия разума от рассудка. Рассудок, по Платону, познает первую область идеаль-

ного; разум — вторую. Идеальное в учении Платона, вполне в духе распространенного еще на рубеже IV—V веков до н. э. религиозно-мифологического сознания, вынесено за пределы человеческой и вообще земной жизни и только постигается человеческим умом, «кормчим души». Э. В. Ильенков отмечал как заслугу Платона перед человечеством выделение им идеального, «этого круга явлений», включающего «универсальные, общезначимые образы-схемы, ...всеобщие нормы той культуры, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усвоить, как обязательный для себя закон...»⁴. Если в этом суждении о Платоне и его учении об идеальном — истина, то сам Платон ею не владел. Он старательно уходит от возможности социального осмысления идеального, рассматривает идеальное как нечто, стоящее над общественной и частной жизнью людей, чему люди при разумном существовании сознательно подчиняют свои действия. Так, например, социально значимые черты людей рассматриваются Платоном по аналогии с поведением животных — лошадей, собак⁵. Роль женщин в идеальном государстве выводится из тождественности функций сторожевых собак-самок и собак-самцов⁶. Подобные аналогии и аргументации Платон не только считает допустимыми, но и наиболее доказательными. Вызвано это тем, что, по мнению Платона и всех философов, устами которых он излагает свои взгляды, нет различия в законах человеческого и природного мира. Над тем и другим довлеет общий и единый мир идей; различие между животными и человеком, а также между людьми лишь в том, могут ли они и в какой степени могут познать и принять к руководству истины мира идей. Платон готов отказаться от устоявшегося общественного мнения, от общепринятых норм морали, если они не соответствуют истине. Идеальное превышает социального.

Платон понимает идеальное, в его предельном по масштабу и по глубине воплощения, как космическое явление, уподобляет его Солнцу. Образ Солнца-Блага он рисует как предельную умопостигаемую истину, создающую вместе с тем условия для всякого познания. «...Идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного. В области видимого она порождает свет и его владыку, в области

умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависит истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни»⁷. Созданный Платоном образ Солнца-Блага как воплощение и причина «всего правильного и прекрасного» имеет не только гносеологический, но и онтологический план. Единство гносеологического и онтологического в понимании Блага как Солнца выражено в «Государстве». «Солнце, — читаем мы здесь, — дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, а также питание, хотя само оно не есть становление»⁸. Солнце-Благо понимается, таким образом, Платоном и как идеальное, и как материальное физическое явление, и этим он оказал сильнейшее влияние на Аристотеля, Плотина, Прокла в их поисках единого мирового ума. Социальный же смысл идеального остается Платону совершенно неизвестным. Мы находим у него прекрасные и многочисленные возможности выхода на социальную трактовку идеального, но они не использовались и, видимо, не могли использоваться из-за общего состояния философской культуры. В «Пармениде» Платон излагает глубокую мысль о том, что идеи (как существующие сами по себе, так и воплощенные в предметах, людях) обладают сутью не сами по себе, а лишь в отношении друг к другу. Платон поясняет эту мысль на примере отношения господина и раба и приходит к выводу: «Господство же само по себе есть то, что оно есть, по отношению к рабству самому по себе, точно так же рабство само по себе есть рабство по отношению к господству самому по себе»⁹. Однако развития именно в социальном плане эта идея не получает, как не получают развития многочисленные положения о том, что познавательные способности человека усиливаются в процессе рассуждений, что духовные качества формируются воспитанием и государственным устройством. Все плодотворные идеи не привели к постижению социальной сущности идеального из-за субстанциональной концепции идеального, развитой Платоном. Для Платона идеальное — сфера идей, объективно существующая субстанция, которую человек должен и стремится познать. Вместе с тем идеальное — это общие понятия, с помощью которых человек проникает в сущность истинного бытия. Весь мир идей образует особый вид бытия — Ум. Ум у Платона, а затем и у его последователей, не понимается как субъ-

ективное свойство психики человека. Ум мыслится как объективно-реальная субстанция и одновременно как свойство души, как источник движения, одушевления и познания. Как и Солнце-Благо, Ум есть тождественное себе бытие и вместе с тем условие становления и познавания. Различие лишь в том, что Солнце-Благо мыслится как Единое, как предельная, конечная инстанция бытия и познания, а Ум — как приближенное к материи и человеку бытие, как объединяющее собой идеальные сущности многообразного мира, дающее этому миру бытие, смысл и познание.

Сложная иерархия идеального у Платона и его последователей имеет свои причины. Аристотель верно подметил: «К учению об эйдесах пришли те, кто был убежден в истинности взглядов Гераклита, согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет; так что если есть знание и разумение чего-то, то помимо чувственно воспринимаемого должны существовать и другие сущности..., постоянно пребывающие, ибо о текучем знания не бывает»¹⁰. Но есть и другая причина — стремление найти источник движения, становления и соединить его с вечной и неизменной сущностью бытия; стремление найти неподвижный перводвижитель, конечную причину бытия и движения. Именно решение этой проблемы будет на протяжении тысячелетия приводить философов к признанию идеальной субстанции мира.

И еще. Во времена Платона и в последующие века человечество в лице своих философов уже осознало себя частью природы, но не могло еще на уровне сущности противопоставить себя ей. Отождествляя природное и человеческое (социальное) бытие, философия с неизбежностью должна была искать единые причины бытия и знания (истины), движения и познания. Отсюда в учениях философов древнего мира и средневековья такая путаница онтологических и гносеологических проблем и такая иерархия бытия идеального, которая то упрощалась, то усложнялась. Но как бы ни трактовалось идеальное, со времени Платона философия имеет его в качестве особой области исследования. Она то приписывала ему космическое, всеобъемлющее бытие, то отказывала ему в реальности, но отказаться от изучения проблемы идеального философия уже не могла, да никогда и не сможет. В этом и состоит одна из важнейших заслуг Платона.

Аристотель, как известно, весьма убедительно критиковал учение Платона о мире эйдесов. Он показал, что платонов-

ское удвоение мира на область вещей и область идей не приближает человека к познанию сущности действительности. Но самому Аристотелю не удалось избежать удвоения мира. В решении проблемы идеального Аристотель стремится одновременно уйти и от взглядов Демокрита, полностью отрицавшего реальность и тем более объективность идеального, и от взглядов Платона. Отходя от Демокрита, Аристотель признает наряду с материей существование идеальной формы. Отходя от Платона, он стремится соединить форму и материю, доказывает, что отдельная вещь и суть ее существования тождественны. Знание вещи есть одновременно и знание сути ее бытия¹¹. По данному пункту Аристотель близко подходит к будущим взглядам Гегеля, считавшего, что в предметах материального мира просвечивается их идеальная сущность. Необходимость решения вопроса об источнике движения приводит Аристотеля к признанию нематериального перводвижителя. Функцию перводвижителя он приписывает форме, отождествляя ее с мировым умом. Но в отличие от Платона Аристотель полагал перводвижителей существующим не в просторах Космоса, а внутри самих движущихся вещей. В конечном счете Аристотель преодолел только платоновский идеалистический плюрализм, заменив его идеалистическим монизмом. Если Аристотель не может преодолеть идеализма Платона в общих вопросах, то в частных вопросах он показывает пример материалистического решения гносеологических проблем. Так, автор «Метафизики» критикует учение Платона о математических предметах и числах — «идеях» и доказывает, что числа и геометрические фигуры — это математические абстракции, отражающие одну из сторон объективного мира. Аристотель развивает философскую мысль не только по направлению к гегелевскому идеализму, но и к материализму.

В сочинениях Платона и Аристотеля об идеальном ставятся только самые общие вопросы. Существует ли особый мир идеального? Если да, то что он собой представляет? Космическое явление Благо? Особую неосознаемую область сущности? Заключенный в материи перводвижитель? Абстракции человеческого ума? Такими вопросами и попытками ответить на них в философию была введена проблема идеального, продолжающая свое существование и развитие в современных философских системах.

Прокл и Гегель

Признание особого мира идеальных сущностей и стремление соединить их с материальным миром — эти две линии древнегреческой философской мысли отчетливо обнаруживаются в учении Прокла. В «Первоосновах теологии» он, двигаясь от конкретного к абстрактному, излагает следующую иерархию идеального: душа, ум, число-бог, Единое¹². Названные формы идеального у Прокла в разной степени связаны с материальным. Душа неразрывно связана с телом, своей материальной основой. «Всякая душа,— пишет Прокл,— допускающая причастность себе, пользуется телом, первично вечным и имеющим нерожденную и неуничтожимую субстанцию»¹³. Ум и число трактуются Проклом как чисто идеальные явления. Прокл в своих рассуждениях столкнулся с той же трудностью, что и Аристотель: ему понадобился «неподвижный движитель». И он находит его в уме. «Именно ум движет, будучи неподвижным и всегда действуя одинаково»¹⁴. Ум у Прокла выполняет основную функцию аристотелевой «формы». Но в учении о числах Прокл резко отходит от Аристотеля, во многом восстанавливая взгляды Платона. Он рассматривает число как принцип всякого разделения и объединения, ставит его выше всякого физического, телесного, материального, отождествляя в конечном счете с богом.

В учении о Едином Прокл вновь соединяет материальное и идеальное. Единое выступает у него как основа всего умственного, идеального и всего физического, материального. В Едином нет никакого преобладания мышления над бытием, они абсолютно равноправны. Бытие мыслит себя и через это себя создает. Бытие — объективная сторона мышления; мышление — субъективная сторона бытия. Учение о Едином во многом превосходит гегелевское учение о бытии. Фейербах имел полное основание называть Гегеля немецким Проклом¹⁵. Но в гегелевском бытии предпочтение отдается все-таки мышлению; у Прокла такого предпочтения нет.

Идеальное у Прокла понимается и как душа, и как ум, и как число-бог, и как Единое. Своим плюралистическим толкованием идеального Прокл отступает от монистических взглядов Аристотеля назад к взглядам Платона. Но у Прокла идеальное нигде не выступает в качестве творца материального, и поэтому его философия далека от классического объективного идеализма. Нигде идеальное не трактуется

Проклом и как субъективное, или психическое, и поэтому его учение далеко от буржуазной индивидуалистической философии.

Суммируя важнейшие положения об идеальном, развитые в истории философии от Платона до Прокла, можно отметить следующее: идеальное понимается как особая субстанция мира, пребывающая как в человеке, так и в природных и сверхприродных явлениях. В учении о субстанциональной онтологической сущности идеального философия от Платона до Прокла развила необходимые предпосылки для возникновения идеализма Гегеля. То, что было заимствовано Гегелем от философии Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, относится больше к области гносеологии и диалектики. Поэтому Гегель и развивает несколько иной по сравнению с Платоном и Аристотелем подход к идеальному.

В системе гегелевской философии идеальное (во всяком случае — категориально) не выступает исходным моментом. Оно вычленяется лишь на определенном этапе логического развертывания бытия, представляя собой тождество субъекта и объекта мышления. Бытие трактуется Гегелем как «...чистое пустое созерцание... пустое мышление». Первоначальные представления о бытии он добывает путем сопоставления его с ничто. «Бытие, неопределенное непосредственно, есть на деле ничто и не менее, как ничто... Ничто есть... вообще то же, что и чистое бытие»¹⁶. Гегель не дает этим категориям иные определения, так как считает их воплощением неопределенности. Он считает невозможным определять бытие и ничто способом сопоставления субъекта и предиката, поскольку такой подход требует выяснения различия в их содержании. Лишь через соотношение, лишь друг через друга появляется определенность. «Чистый свет и чистая тьма,— пишет Гегель,— это две пустоты, которые суть одно и то же. Лишь в определенном свете — а свет определяется тьмой — следовательно, в помутненном свете, и точно так же лишь в определенной тьме — а тьма определяется светом,— в освещенной тьме можно что-то различить, так как лишь помутненный свет и освещенная тьма имеют различие в самих себе и, следовательно, суть определенное бытие, наличное бытие»¹⁷.

Наличное бытие (или реальность) распадается у Гегеля на противоположности — нечто и иное. Они тождественны, так как каждое нечто является иным, а иное — другим

нечто. В сопоставлении (соотношении) нечто и иное наличное бытие обнаруживают свою определенность (качество). Но всякая определенность скрытно содержит в себе свое отрицание. Каждое нечто связано с бесконечным многообразием других нечто и скрытно содержит их в себе. Бесконечное многообразие нечто, представленное в наличном бытии (в реальном, конечном), выражается Гегелем категорией «для себя бытие». С этой категорией у Гегеля связывается и понятие идеального. Для себя бытие — то же самое бытие, но только наполненное содержанием. В нем бытие возвращено к себе, но в результате двойного отрицания оно обогащено содержанием бесконечного множества нечто. Бесконечное нечто (общее), представленное в конечном (в реальном, наличном бытии), есть его (конечного, реального, наличного) истина — т. е. идеальное. По Гегелю, идеальное состоит в том, что нечто, оставаясь самим собой, является вместе с тем еще и другим. Предметы, вещи, явления наличного бытия не обладают абсолютной тождественностью даже когда взяты рефлексивно, т. е. по отношению к самому себе. Помимо своего наличного бытия они содержат в себе еще «свое другое», заключенное, представленное в реальном нечто. Гегель иллюстрирует свое понимание идеального, а заодно и его связь с материальным следующим примером. В рычаге расстояние (длина плеча) есть одновременно масса поднимаемого предмета. И наоборот. В количестве движения скорость заменяет собой массу. И наоборот¹⁸.

Гегеля интересует прежде всего «свое другое» предметного мира, его идеальная сторона. Он рассматривает ее как сущность мира, как объект изучения философии. Представленность одного в другом (чистого бытия в наличном бытии) обнаруживается лишь в отношении объектов действительности. Существует идеальное в самом реальном (наличном), но раскрыть, постичь его природе не дано. Животные не сопоставляют себя с другими природными явлениями, и поэтому им доступно лишь наличное бытие. Иное дело человек. Он выделяет себя из природы и сопоставляет себя с нею. Ему дано знать себя и налично существующим, и сопоставленным с другим. Человек способен и должен открыть для себя бытие как идеальное, в отличие от его наличного бытия. В таком овладении для себя бытием человеку открывается истина. Идеальное, будучи познанным, становится истиной.

Основные наиболее общие положения гегелевской концепции идеального сводятся к следующему. Идеальное — реально существующая сторона наличного бытия. Исходную ступень развития — чистое бытие — Гегель идеальной не называет. Его (чистого бытия) идеальность обнаруживается только тогда, когда оно представлено в наличном бытии. Идеальное — это представленная форма, свое иное для себя бытие. Оно — в любом определенном объекте или явлении, в котором обнаруживает себя бесконечное чистое бытие. Поэтому идеальное не может быть понято как человеческое сознание¹⁹. Идеальное только постигается человеком, но не создается им.

В гегелевской концепции привлекает то, что идеальное у него — содержательная категория. Среди философов широко распространено мнение, что у Гегеля идеальное выступает исходным для построения всей философской системы. А это не соответствует истине. Исходным для него является чистое бытие (дух), которое идеальным на первых этапах рассуждения не называется. Идеальное у Гегеля не существует изначально, а становится, и именно поэтому содержательно. Сначала идеальное — дух (чистое бытие), затем оно — свое другое наличного бытия, его сущность. Когда дух существует как представленная форма, когда он просвечивается в гигантских членах природы, Гегель называет его идеальным. Дальнейшее его развитие связано с индивидуальным сознанием. Идеальное остается в себе, пока человек, выделивший и противопоставивший себя наличному бытию, своим сознанием не придает ему действительное бытие. Но тогда идеальное уже выступает как истина.

Наиболее выдающимися достижениями гегелевского учения об идеальном должны быть названы: 1) идеальное — это представленная форма бытия; 2) идеальное — это становящееся бытие; 3) идеальное как философская категория содержательно. Эти гегелевские идеи не были в свое время замечены материализмом, только в творчестве Маркса они получили дальнейшее развитие.

Локк и Фейербах

Проблема идеального разрабатывалась в истории философии и по линии материализма. Из многочисленной плеяды замечательных философов-материалистов целесообразно вы-

делить Локка и Фейербаха по двум причинам. Прежде всего потому, что они действительно оказали серьезное влияние на К. Маркса, а затем и потому, что они вопрос об идеальном решали несколько с различных, но взаимно дополняющих друг друга сторон. Локк духовное, сознание рассматривает как результат взаимодействия человека с внешней средой. Без этого взаимодействия душа для него *tabula rasa*. Для Фейербаха сознание — природная сущность человека. Для Локка работа мозга — в первую очередь, мышление, в ходе которого раскрываются свойства внешнего мира. Для Фейербаха работа мозга — созерцание, раскрывающее сущность самого человека.

Коренной вопрос о природе души, мыслящей материи Локк был вынужден решить идеалистически и признать ее божественную природу. К такому выводу его приводит метафизический способ рассуждения. Мир состоит из бесчисленного множества мельчайших частиц. Все они не могут мыслить, ибо тогда разумных частиц было бы бесчисленное множество, а это противоречит действительности. Из частиц, не обладающих разумом, не могут образоваться тела, обладающие разумом. Следовательно, разум в природе невозможен. Но люди — все-таки разумны. Остается признать, что разум имеет божественное происхождение. Причем Локк в одинаковой мере считает возможным два варианта: бог некоторым соответственно устроенным системам материи дал способность воспринимать и мыслить; бог прикрепил к соответствующим образом устроенной материи мыслящую нематериальную субстанцию²⁰.

Далее, однако, Локк в своих рассуждениях о человеческом разуме к божественной силе не обращается. Божественным, по Локку, является только способность воспринимать и мыслить, а реализацию этой способности он раскрывает последовательно материалистически.

Первоначальный материал для размышления человек получает из опыта, из восприятия внешнего мира и внутренних духовных движений.

«Наше наблюдение, — пишет Локк, — направляемое или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашей души, воспринимаемые и рефлектируемые нами самими, доставляют нашему разуму весь материал мышления»²¹. В результате восприятия внешнего мира возникают

идеи сознания. Локк четко различает: идеи находятся в уме, качества — во внешних телах.

Все идеи Локк разделяет на простые и сложные. Простые идеи образуются пассивным восприятием ума свойств предметов внешнего мира; сложные — активной деятельностью ума, которая сводится главным образом к трем операциям: соединению нескольких простых идей в одну сложную; сопоставлению идей, сравнению; абстрагированию и образованию на основе абстракций общих понятий.

Последняя операция здесь представляет особый интерес. Она, по Локку, складывается из этапов мыслительной деятельности: сначала человек идею того или иного качества отвлекает от материального предмета, обладающего этим качеством, затем суммирует однородные идеи, сводя их в общее понятие. Здесь обнаруживается коренной порок логики Локка, который не преодолели ни домарксовский материализм, ни домарксовская политекономия. Суть его состоит в следующем: 1. Общее — это только порождение ума; в объективной действительности существуют лишь единичные вещи. 2. Общие понятия не прибавляют человеку новых знаний; они представляют собой лишь сокращенное воспроизведение простых идей. Чем более общими становятся понятия, тем беднее становится их содержание. 3. Общие понятия оказываются неспособными раскрыть сущностное содержание действительности, они лишь скользят по ее поверхности.

Посредством комбинаций простыми идеями люди, по мнению Локка, с одинаковым успехом приходят и к идее материи, и к идее нематериальной души. Он пишет так: «При надлежащем рассмотрении каждый акт ощущения бросает одинаковый свет на обе области природы: телесную и духовную. В то время как я познаю посредством зрения, слуха и т.д., что вне меня есть некоторый физический предмет, объект данного ощущения, я могу познать с большей достоверностью, что внутри меня есть некоторое духовное существо, которое видит и слышит. Я должен прийти к убеждению, что это не может быть действием чистой, бесчувственной материи и даже не могло бы быть без нематериального мыслящего существа». Локк приходит к признанию реального существования нематериальной души. «Моя душа, — пишет он, — будучи таким же реальным существом, как и мое тело... способна к движению»²².

Локк отвергает существование какой-то духовной мировой субстанции и проявление ее в человеке в форме врожденных идей. Он обосновывает положение, что сознание человека, как и его самосознание, возникает и развивается во взаимосвязи человека с внешним миром. Для Локка мышление есть действие, а не сущность души, как полагал идеализм. Материалисты вслед за Локком все более будут связывать сознание с материальными процессами, происходящими прежде всего в голове человека, окончательно избавляясь от мысли, что способность восприятия и мышления имеет божественное происхождение. Но вместе с тем они будут психическое, сознание, идеальное все теснее связывать с деятельностью отдельного индивида. Во взглядах Фейербаха это проявилось со всей очевидностью.

Фейербах, по существу, в своих работах держит в центре внимания вопросы сознания, духа человека, что обусловлено его общей философской позицией антропологизма, его пониманием сущности человека и сознания. Человека Фейербах определяет как сознательное существо. Наличие сознания он считает самой существенной отличительной чертой человека. Сознание же, по мнению Фейербаха, состоит в способности субъекта «понять свой род, свою сущность»²³.

Фейербах выражает тем самым одну из важнейших черт своей философии и своего понимания духовного: сущность человека есть его сознание, а сознание состоит в постижении сущности человека; «сознание обращено на бесконечность собственного существа»²⁴.

Отличительными чертами сущности человека являются разум, воля и сердце, или иначе — разум, любовь и воля. Доминирующей чертой Фейербах считает чувство. «Только любовь, только восхищение, только благоговение, словом, только аффект превращает индивид в род»²⁵. Роль чувств в духовной жизни настолько велика, что Фейербах готов рассматривать их как мышление. В таком подходе к чувствам ему видится путь преодоления разрыва между мышлением и реальными вещами, образовавшегося в философии идеализма. Чтобы соединить мышление с опытом, необходимо в эмпирической деятельности увидеть деятельность философскую, необходимо признать, «что и зрение есть мышле-

ние; что и чувственные органы являются органами философии»²⁶.

Разум, любовь, воля являются природными свойствами человека, неразрывно связанными с деятельностью мозга как человеческого органа. «Мыслит и ощущает не душа, — потому что душа есть только олицетворенная и гипостазированная, превращенная в особое существо, функция... и не мозг, потому, что мозг есть физиологическая абстракция, орган, вырванный из целостности, из черепа, из лица, из тела вообще... Но органом мысли мозг служит лишь в связи с человеческой головой и телом»²⁷.

Человек, однако, не воспринимает деятельность нервов, мозга, и у него складывается впечатление, что мышление есть нечто существующее само по себе. Из этого факта психолог, и теолог тоже, обосновывают идею существования нематериальной души. Против таких взглядов Фейербах решительно возражает: Он пишет: «Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, или объективно, есть материальный, чувственный акт»²⁸. Сознание человека, его Я, не является истинным, объективным существом; оно только мысленное существо, только копия его существа.

Фейербах жестко замыкает сознание рамками физиологии человеческого организма. С его точки зрения, люди в духовном отношении ничего не могут дать друг другу. В общении осуществляется только материальный процесс, духовное же приобретает человеком «самим, только самостоятельностью». Другой человек, пишет Фейербах, «не влияет в меня своих мыслей подобно каплям лекарства... смысл вещи он мне не дает, он вообще ничего не дает...». Все, что может человек, и философ тоже, сделать для другого человека, состоит в том, чтобы как в зеркале показать ему его ум, представить то, что человек должен самостоятельно в себе воспроизвести. Сами же мысли «даны нам вместе с нашей сущностью»²⁹.

Фейербах признает связь человека с внешним миром и возможность познания этого мира, но трактуется это так, что познание объекта оказывается познанием субъекта. «Тот предмет, с которым субъект связан по существу в силу необходимости, есть не что иное, как собственная, но объективная сущность этого субъекта».

екта»³⁰. Когда человек обращает свой взор к звездному небу, он видит в сиянии светил «свою собственную сущность, свое собственное происхождение».

Антропологическая позиция не позволяет Фейербаху связать духовный мир человека с внешними, социальными условиями. Он высказывает интересные мысли относительно того, что во дворце мыслят иначе, чем в хижине, относительно того, что без простора для проявления способностей нет и самих способностей, но тут же сводит их к антропологической концепции: «Простор же мозга есть голова. Поэтому в голове внутреннее есть внешнее, дух становится видимым. Нет ума на лице — нет его и в голове»... и т. д.³¹.

То, что было сделано Фейербахом в понимании идеального, может быть суммировано в следующих положениях: 1. Разум, дух, идеальное не существуют за пределами мозга человека. Мозг как орган человеческих чувств и мыслей есть продукт природы. 2. Сознание есть природное свойство человека, но реализуется это свойство во взаимодействии человека с внешним миром и с другими людьми.

Преодоление таких взглядов, постижение общественной природы идеального требует несколько иных исходных философских положений и иного метода мышления.

---

¹ Платон. Соч. М.: Мысль, 1970, т. 2, с. 243.

² Там же, т. 3, с. 317.

³ Там же, т. 2, с. 183.

⁴ Ильенков Э. В. Проблема идеального.— *Вопр. философии*, 1979, № 6, с. 130.

⁵ Платон. Соч. М.: Мысль, 1970, т. 3, ч. I, с. 152.

⁶ Там же, с. 246.

⁷ Там же, с. 324.

⁸ Там же, с. 316.

⁹ Там же, т. 2, с. 413.

¹⁰ Аристотель. Соч. М.: Мысль, т. 1, с. 327.

¹¹ Там же, с. 196—197.

¹² Прокл. Первоосновы теологии. — В кн.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М.: Искусство, 1974, с. 431—437.

¹³ Там же, с. 529.

¹⁴ Там же, с. 467.

¹⁵ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М.: Политиздат, 1955, т. 1, с. 178.

¹⁶ Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1971, т. 1, с. 140.

¹⁷ Там же, с. 152.

¹⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975, т. 2, с. 61—62.

- ¹⁹ Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1971, т. 1, с. 223.
²⁰ Локк Джон. Избранные философские произведения. М.: Изд-во
соц.-экон. лит., 1960, т. 1, с. 525.
²¹ Там же, с. 128.
²² Там же, с. 310—311.
²³ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М.: Политиз-
дат, 1955, т. 2, с. 30.
²⁴ Там же, с. 31.
²⁵ Там же, т. 1, с. 56.
²⁶ Там же, с. 99.
²⁷ Там же, с. 224.
²⁸ Там же, с. 213.
²⁹ Там же, с. 66—67.
³⁰ Там же, т. 2, с. 33.
³¹ Там же, т. 1, с. 225.

Глава II

ИДЕАЛЬНОЕ. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Каждый советский философ, выступающий по проблеме идеального, ведет свой поиск решения в рамках марксистской философии. Какой бы позиции автор ни придерживался, он непременно ссылается на К. Маркса. Э. В. Ильенков пришел к идее, что идеальное есть представленная в вещи форма общественно-человеческой деятельности, в результате изучения взглядов К. Маркса, изложенных прежде всего в «Капитале». Д. И. Дубровский приводит из «Капитала» длинный ряд выписок, доказывая, что для К. Маркса идеальное — субъективная реальность.

К. Маркс, как известно, излагал свое понимание различных аспектов феномена идеального всегда в связи с решением каких-то других задач. Поэтому выяснить существо взглядов К. Маркса, ограничиваясь выписками отдельных мест из его произведений, трудно. Необходимо руководствоваться всеми философскими взглядами Маркса и прежде всего исходными положениями его философии. К числу этих исходных положений, нам думается, следует отнести: марксово понимание действительности, признание всеобщего характера отношения представленности, признание диалектической связи материи и материального.

Названные положения необходимо рассмотреть подроб-

нее. Дело в том, что некоторые философские взгляды Маркса хотя и известны достаточно хорошо, но как методологические требования далеко не всегда используются. Это относится прежде всего к марксистскому пониманию действительности. Что же касается признания отношений представленности, признания диалектической связи материи и материального, то они недостаточно известны как теоретические положения марксизма и не используются в методологическом плане.

Марксистское понимание действительности

В философской литературе «объективное», «действительное» часто отождествляется с «природным», «материальным». Правильно отмечали в 1975 г. К. А. Абишев, Г. Г. Акмамбетов, В. И. Ротницкий: «В философской литературе иногда исходят из существования объекта самого по себе, вне какой-либо связи с субъектом, с человеческим миром. Понятия «природа», «материальный мир», «объективная реальность», с одной стороны, и понятие «объект» — с другой, при таком подходе отождествляются, их различие не воспринимается как существенное для философии. Это порождает, в свою очередь, отождествление и в рамках другой стороны отношения субъекта, а именно: «идеальное», «духовное» также рассматриваются в качестве синонимов «субъективного»¹.

Сейчас, когда появилось значительное количество работ по диалектике объекта и субъекта, объективного и субъективного, положение несколько изменилось. Все реже встречается литература, в которой авторы исходят из «существования объекта самого по себе». Положение, однако, и таково, что при исследовании идеального, где диалектико-материалистическое понимание действительности имеет ключевое значение, чаще всего исходят именно из существования предмета «самого по себе»². В связи с этим целесообразно здесь отметить, как все-таки К. Маркс понимал действительность, объективность.

Классики марксизма из всех категорий, раскрывающих содержание объекта, чаще всего пользовались понятием «действительное». Они следовали философской традиции, однако вкладывали в это понятие иное содержание. У Гегеля действительность означает такое состояние объективности, которое соответствует уровню развития мирового духа,

представленного в человеческом сознании. Отсюда и гегелевская концепция разумности действительности. «Действительность, в отличие от одного лишь явления, — писал Гегель, — и, прежде всего, действительность как единство внутреннего и внешнего, так мало противостоит разуму, что она всецело разумна, и то, что неразумно, именно поэтому не должно рассматриваться как действительное»³. Фейербах под действительностью понимал природный мир, существующий сам по себе, независимо от какого-либо сознания или субъекта. «Действительное в своей действительности или в качестве действительности, — писал он, — есть чувственное. ...Объект, подлинный объект, дается мне лишь там, где дано существо, на меня воздействующее, где моя самостоятельность, — если судить с точки зрения мышления, — наталкивается на сопротивление, — поскольку деятельность другого существа является границей моей самодеятельности»⁴.

К. Маркс неоднократно подчеркивает, что недостаток старого материализма, так же и Фейербаха, состоит в том, что чувственный мир рассматривается только как природа, а не как человеческая чувственная деятельность. Фейербах, по мнению К. Маркса, «не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям». Далее К. Маркс пишет так: «Фейербах говорит особенно о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли. Даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно

прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире природы, — очень скоро не стало бы и всего человеческого мира, его, Фейербаха, собственной способности созерцания и даже его собственного существования»⁵.

Для К. Маркса действительность — природный мир, ставший объектом практической деятельности и познания человека. Это не значит, что Маркс не признает существования природы вне и независимо от человека. Признает, но поскольку человек с нею не имеет отношений, то она для него и не существует. Признавая «приоритет внешней природы», К. Маркс тем не менее многократно подчеркивает: «...Эта предшествующая человеческой истории природа — не та природа, в которой живет Фейербах, не та природа, которая, кроме разве отдельных австралийских коралловых островов новейшего происхождения, ныне нигде более не существует, а следовательно, не существует также и для Фейербаха»⁶.

Свойства действительности мир приобретает, когда вовлекается в область производственной и познавательной деятельности человека. Только «...становящаяся в человеческой истории... природа является действительной природой человека»⁷. Действительной, а значит и объективной, для К. Маркса является только та природа, которая содержит в себе момент субъективности, которая в какой-то мере материально или духовно (в познании) видоизменена человеком как общественным родовым существом. К. Маркс последовательно применяет такое понимание действительности не только к природному миру, но и к человеку, к общественным явлениям. Он пишет «о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением»⁸. Но применительно к человеку смысл понятия действительного получает несколько другой оттенок. Если природа действительна постольку, поскольку в ней воплощена человеческая деятельность, то человек действителен постольку, поскольку в нем воплощена очеловеченная природа. «То, что человек, — пишет К. Маркс, — есть телесное, обладающее природными силами, живое, действительное, чувственное, предметное существо, означает, что предметом своей сущности, своего проявления жизни он имеет действительные чувственные предметы, или что он может про-

явить свою жизнь только на действительных, чувственных предметах. Быть предметным, природным, чувственным — это все равно, что иметь вне себя предмет, природу, чувство или быть самому предметом, природой, чувством для какого-нибудь третьего существа⁹. Таким же образом через воплощение в определенные материальные формы получают действительность сознание и чувства человека. Сознание становится действительным, когда оно воплощается в языке. Человеческие чувства становятся действительно человеческими, когда воплощаются в предметы деятельности. В процессе этой деятельности меняются предметы, приобретают человеческие, субъективные (позднее К. Маркс будет писать «социальные») черты, меняются и сами чувства, становятся действительно человеческими. «Человеческие предметы, — пишет К. Маркс, — не являются природными предметами в том виде, как эти последние непосредственно даны в природе, так и человеческое чувство, как оно есть непосредственно, в своей непосредственной предметности, не есть человеческая чувствительность, человеческая предметность»¹⁰. Данное положение К. Маркса имеет исключительно важное теоретическое и методологическое значение. Оно может и должно служить отправным моментом в исследовании диалектики объективного и субъективного, материального и идеального, природного и социального и даже общественного бытия и общественного сознания. Из него следует, что не только сознание (как мышление), но и весь эмоциональный мир человека обусловлен в конечном счете материальной предметной деятельностью. Чтобы осознать себя в духовном и материальном плане (как личность и как организм), человек вынужден дать предварительно себе внешнее, отличное от себя существование. Между материальным миром и сознанием человека, как в эмоциональной, так и в понятийной его форме, лежит деятельность человека. В этой деятельности внешняя природа, ее свойства приобретают для человека свою объективность, в этой деятельности просыпаются и получают свое действительное, объективное существование человеческие чувства и разум. «Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чув-

ствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.) — одним словом, человеческое чувство, человечность чувств, — возникает лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря вечной природе. Образование пяти внешних чувств — эта работа всей до сих пор протекшей всемирной истории»¹¹.

Казалось бы, данные положения Маркса можно было бы и не приводить, ибо они широко известны советским философам. Известны, но далеко не всегда используются как методологические требования. Чаще всего мы замечаем другое (в литературе об идеальном это тоже видно): сначала в работе идет ссылка на отличие марксистского подхода к действительности от фейербаховского, с тем, чтобы в дальнейшем вести исследование как раз в духе фейербаховского видения мира. Так вести исследование, а также изложение проблемы намного проще, удобнее, но при этом в марксистской философии утрачивается самое существенное: исходные положения и метод. Дело, следовательно, состоит в том, чтобы не просто знать марксистские положения, а чтобы взять их на вооружение как метод, ввести их в культуру философского мышления.

Можно отметить, что в советской литературе начата работа по освоению идейной и методологической сторон марковского понимания действительности. М. В. Желнов, например, убедительно показывает ограниченность одностороннего разведения противоположностей «объективная реальность» и «субъективная реальность», материального и идеального. В реальной действительности эти противоположности сложно переплетаются, образуя некую «смесь», противостоящую сознанию. «Итак, — пишет он, — перед нами диалектическое противоречие. С одной стороны, очевидно, что для правильной ориентации в действительности человеку всегда необходимо четко различать объективное и субъективное, поскольку объективное как таковое (природа) определяет исторически объективное и, следовательно, субъективное (человеческое). Однако, с другой стороны, существует

«обратный» процесс воздействия субъективного (человека) на объективное как таковое (природу). Этот процесс, во-первых, вообще всегда приводит к созданию исторически объективного, во-вторых, он может осуществляться через исторически объективное, которое оказывается не столь уж объективным, а скорее объективно-субъективным (независимо — зависимым от человека); выделить же объективное и субъективное в чистом виде оказывается практически очень трудным, если не невозможным. Сформулированное противоречие не имеет решения только при «созерцательно-теоретическом» рассмотрении и находит разрешение в человеческой предметно-практической деятельности. Объективное субъективируется, а субъективное объективируется»¹².

М. В. Желнов выражает свою мысль вполне определенно: единство объективного и субъективного состоит в том, что субъективное «присутствует» в объективном, может определять функционирование «нечеловечески-объективного»¹³. Эту мысль важно отметить, потому что существуют и другие трактовки субъективного и идеального. По мнению А. А. Бутакова, «идеальные процессы» могут рассматриваться как объективные, когда они выступают объектами познания¹⁴. А. В. Брушлинский субъективное понимает как психику человека. Психическое принадлежит человеку как субъекту, поэтому оно всегда субъективно. Но поскольку психическое существует реально и поскольку оно как реальное подчинено объективным законам, то выступает (является) как объективное. «Психическое объективно существует только как субъективное. Таков его подлинный онтологический статус»¹⁵. Объективное и субъективное, следовательно, не исключают друг друга, и рассматривать их дизъюнктивно, когда одно полностью исключает другое, не следует. Марксистское понимание действительности («бытия») А. В. Брушлинский трактует так, будто она включает в себя «не только объект и его созерцание, но и субъект и его действительность»¹⁶. Такая интерпретация взглядов К. Маркса представляется слишком смелой. Маркс не включает субъект в объект. Он в объективном различает черты субъективного, которые выражают собой прежде всего результат человеческой деятельности, а затем и особенности восприятия человеком действительности, обусловленного уровнем развития общественной практики и состоянием общества.

Для понимания марксистской трактовки действительности исключительный интерес представляет идея А. Н. Леонтьева об амодальности явлений природы в рамках объект-объектных взаимодействий. «Одна из освященных традицией абстракций, на которой основываются исследования по психологии восприятия, — пишет он, — состоит в забвении того факта, что мир в его отделенности от субъекта амодален. Выдвигая положение об амодальности мира и образа этого мира, мы исходим из очень простого и совершенно оправданного, на наш взгляд, различия свойств двоякого рода. Одни — это такие свойства неживых вещей, которые обнаруживаются во взаимодействиях с такими же вещами, т. е. во взаимодействии «объект—объект». Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии неживых вещей с телесными вещами особого рода — с живыми, чувствующими организмами, т. е. во взаимодействиях «объект—субъект». Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецептирующих органов субъекта. В этом смысле они являются модальными, а это значит и субъективными.

Гладкость поверхности предмета во взаимодействии «объект-объект» обнаруживает себя, например, в физическом явлении уменьшения трения, при ощупывании рукой — в модальном явлении, в осознательном ощущении гладкости. Итак, факт состоит в том, что одно и то же само по себе тождественное свойство — в данном случае физическое, механическое свойство тела — вызывает, воздействуя на человека, совершенно разные по модальности впечатления... Поэтому сенсорным модальностям нельзя дать «постоянную прописку» во внешнем объективном мире... Иными словами, мир, взятый как система только объективно-объективных связей (т. е. мир без животных, до животных и до человека), амодален. Только при возникновении субъективно-объективных связей, взаимодействий возникают многообразные и к тому же меняющиеся в процессе биологической эволюции от вида к виду модальности»¹⁷.

Так есть ли основание утверждать, что К. Маркс в понимание объективной действительности включал момент субъективного, что действительное он понимал не как нечто само по себе существующее, а как реальность, открывающуюся человеку в его общественной практике и потому содержащую черты, выражающие характер, уровень развития этой прак-

тики? На этот вопрос со всей определенностью можно ответить положительно. Но тогда возникает другой вопрос: каково содержание субъективного в действительном? Ответ включает по крайней мере три пункта: 1. Оно состоит в тех материальных преобразованиях, которые человек осуществил и осуществляет в природе, в новой «очеловеченной природе», созданной и создаваемой обществом. 2. Оно состоит в особенностях «видения» действительности человеком, обусловленного его развитием как биологического и общественного существа, его технической и теоретической вооруженностью. 3. Оно состоит в тех социальных значениях, которые приобретают объекты материального мира, когда они вовлекаются в область общественной практики.

Для решения проблемы идеального выяснение марксистского понимания действительности исключительно важно. Ведь как только Э. В. Ильенков и те, кто склонен принять его идеи, признают наличие идеального в предметном мире, за пределами головного мозга, так сразу представители других взглядов начинают задавать «коварные» вопросы. Значит, идеальное объективно? Значит, идеальное материально?

Философам, трактующим идеальное как субъективную реальность, кажется, что жесткое разведение объективного и субъективного, отождествление объективного с материальным позволит избежать противоречий и последовательно проводить линию материализма. Но противоречие, изгнанное из понимания объективной реальности, обнаруживается в трактовке субъективной реальности, например, в понимании идеальности общественного сознания. Проблема идеального может получить дальнейшее разрешение, если действительное будет понято как единство объективного и субъективного, материального и идеального.

Отношения представленности в реальном мире

Идеальное как реальность возникает и существует в пределах сложных диалектических взаимодействий, которые в истории философии известны как отношения *quid pro quo* (появление одного вместо другого). Об этой форме связи мыслители прошлого вспоминали, когда возможности формальной логики оказывались недостаточными для разрешения выявленного противоречия, когда надо было показать

единство, например, таких противоположностей, как конечное и бесконечное, отдельное и всеобщее.

Гегель много занимался этими проблемами и достигал успеха именно потому, что умел показать особый вид связи — появление одного вместо другого. Разбирая в «Науке логики» отношения конечного и бесконечного, он пришел к следующему выводу: «Они неотделимы друг от друга и в то же время всецело иные в отношении друг друга; каждое из них имеет в самом себе свое иное; таким образом, каждое есть единство себя и своего иного и есть в своей определенности наличное бытие, состоящее в том, чтобы не быть тем, что оно есть само и что есть его иное»¹⁸.

Сложную связь обнаруживает диалектика между всеобщим и отдельным. Всеобщее существует только через отдельное, но оно не отражено в отдельном, а представлено в нем, или, как выражался Гегель, «просвечивается» в нем¹⁹. Соотношение отдельного и всеобщего таково, что отдельное без всеобщего не существует. Гегель выразил эту мысль так: «Животного, как такового, не существует, оно есть всеобщая природа единичных животных, и всякое существующее животное есть нечто более определенное, есть обособившееся. Но свойство быть животным, род как всеобщее, принадлежит определенному животному и составляет его определенную сущность. Если мы отнимем у собаки животное бытие, то мы не сможем сказать, что она такое»²⁰. В. И. Ленин выделил эту мысль словами: «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»²¹.

Отношения представленности тесно связаны с развитием. Один из моментов развития выражен категорией «снятие». Она отражает процесс ломки старой определенности, отрицания ее и перехода ее сущностных сторон и свойств в новую, более сложную определенность. Причем диалектика к моменту сохранения, удержания переходу уделяет не меньше внимания, чем собственно отрицанию, сбрасыванию. Гегель, характеризуя отрицание как переход одного в другое, непосредственного в опосредованное, отмечает: «С этой отрицательной стороны непосредственное исчезло в ином, но это иное есть по существу своему не пустое отрицательное, не ничто... а иное первого, отрицательное непосредственного; оно, следовательно, определено как опосредованное, — вообще содержит внутри себя определение первого.

Тем самым первое по существу своему также удержано и сохранено в ином. — Удержать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в основанном на разуме познании»²². Именно в связи с этим гегелевским положением В. И. Ленин резюмирует суть диалектического отрицания: «Не голое отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития с удержанием положительного...»²³.

Идею сохранения, удержания старого Гегель особенно подчеркивает, когда говорит о процессе развития сознания. Он считает, что движение познания вперед «определяет себя прежде всего таким образом, что оно начинается с простых определенностей и что следующие за ними определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью. Всеобщее составляет основу; поэтому движение вперед не следует принимать за процесс, протекающий от чего-то одного к чему-то иному. В абсолютном методе понятие сохраняется в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания... не только ничего не оставляет позади себя, но и несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»²⁴. В. И. Ленин считал, что эта мысль Гегеля подводит итог тому, что такое диалектика.

К. Маркс часто обращается к отношению представленности. Когда ему необходимо показать превращение отдельного товара во всеобщий эквивалент всех других товаров, он детально раскрывает становление данного отношения.

Маркс берет ряд уравнений, выражающих меновую стоимость товаров:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = 1/2 фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба и т. д.

Эти уравнения свидетельствуют о том, что в названных товарах овеществлено всеобщее общественное рабочее время одинаковой величины. В каждом товаре непосредственно «представлен» индивидуальный труд. Но он становится всеобщим в связи с тем, что товары действительно обмениваются друг на друга в соответствии с количеством содержа-

щегося в них труда. Общественный труд, или, что то же самое, общественное рабочее время, содержится в товарах в скрытом виде и обнаруживается только в процессе обмена.

Маркс указывает на одно чрезвычайно важное обстоятельство: всеобщее не является готовой предпосылкой и не выводится сознанием из многообразия внешнего мира, а формируется в самом этом мире. Так, в «Капитале» он показывает сложнейшие столкновения интересов товаровладельцев, многократные переплетения путей движения товаров, в которых образуются и обнаруживаются их всеобщие свойства. Такой общественный феномен, как всеобщий общественный труд, «проявляется в самом процессе обмена, он есть «становящийся результат»²⁵.

Маркс развивает совершенно новую концепцию общего. Домарксовский материализм общее выводил из многообразного материального мира посредством абстрагирования. Гегель полагал общее изначально существующим; многообразии «наличного бытия» для него результат «становления». Для Маркса изначально является многообразие реальной действительности. В результате всестороннего взаимодействия это многообразие складывается в единство с характерными для него общими чертами. Значит, общее не существует как какая-то самостоятельная реальность (как полагал объективный идеализм) и не существует только в мыслях человека (как полагал номинализм); оно существует в самом объективном мире как представленная через отдельное форма.

Итак, в товаре непосредственно представлено индивидуальное рабочее время, а скрытно — общественное рабочее время. Задача состоит в том, чтобы индивидуальному рабочему времени, овеществленному в товаре, «придать непосредственно характер всеобщности». Чтобы решить эту задачу, Маркс снова обращается к бесконечному ряду уравнений, которые выражают отношения одного аршина холста к соответствующему количеству самых различных товаров. В результате того, что в самой действительности постоянно происходит такой обмен, в результате того, что множество товаров всесторонне действуют на холст, стороны уравнений меняются местами. Теперь уже не холст приравнивается к кофе, чаю, хлебу и т. д., а, наоборот, кофе, чай, хлеб — словом, все товары приравниваются к холсту и выражают в холсте содержащееся в них самих рабочее время. Оказы-

вается, что 2 фунта кофе = 1/2 фунта чая, потому что каждая сторона этого уравнения равна 1 аршину холста. Холст становится всеобщим эквивалентом всех товаров. Бесконечный ряд уравнений, выражающих меновую стоимость каждого товара, сокращается до одного уравнения: 2 фунта кофе = 1 аршину холста. Теперь, замечает Маркс, «в самом процессе обмена товары существуют или выступают друг для друга меновыми стоимостями в форме холста»²⁶.

Произошедшая с холстом метаморфоза означает следующее: индивидуальное рабочее время, овеществленное в холсте, выступает как общественное рабочее время; одно появляется вместо другого. Холст есть сущность всех товаров; все товары представляют свои сущностные свойства как холст. Любой товар есть то, что он есть, и есть холст. Холст есть холст и любой другой товар. Одно есть одно и вместе с тем другое. Если вещь как одно существует материально, то как другое — идеально.

Маркс показывает, что в буржуазном обществе наиболее «представительной вещью» являются деньги. В обращении «деньги... только представитель цены по отношению ко всем товарам и служат лишь средством для того, чтобы товары обменивались по равным ценам. Деньги обмениваются на один определенный товар потому, что они — всеобщий представитель его меновой стоимости, а в качестве такового — представитель всякого другого товара равной меновой стоимости, всеобщий представитель, в качестве которого они находятся в самом обращении. Деньги представляют цену одного товара по отношению ко всем другим товарам, или цену всех товаров по отношению к одному товару»²⁷.

Трудность понимания «Капитала» в значительной мере заключается в том, что читатели пытаются постичь глубину марксистской мысли, опираясь преимущественно на принцип детерминизма. Этого недостаточно: К. Маркс выявляет в действительности не только причинно-следственную связь, но и отношения представленности. Вот почему в первую очередь: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля»²⁸. Нельзя понять сущность товара, во всяком случае меновую стоимость товара, не выявив, что в товаре представлен абстрактный труд человека. Нельзя понять такой товар, как деньги, во всяком случае их функцию всеобщего эквивален-

та товаров, не уяснив, что в денежном знаке представлены свойства всех других товаров. Нельзя понять причудливые взаимоотношения вещей в обществе, не раскрыв, что в отношениях вещей представлены общественные связи и т. д.

Обстановка в науке сложилась так, что к принципу представленности и его методологическому значению естествоиспытатели, обществоведы и философы подходили с различных позиций. В наиболее открытой форме принцип представленности осознан и широко используется как методологическое требование в статистике и социологии. Здесь этот принцип выразился в теории репрезентативности исследования. Слово «репрезентативный» (представительный) всегда означает, что можно сделать выводы о «всех», о всей совокупности на основании «репрезентативной» (представительной) совокупности. Принцип представительности действует во всех случаях, когда посредством экспериментального анализа необходимо установить состав и свойства массы веществ.

Естествознание, в частности физика и биология, подходят к принципу представленности еще с одной стороны — со стороны соотношения старых и новых концепций. Старые идеи и положения не отвергаются как негодные, а отрицаются через обобщения. Фейнман в своих лекциях по физике показал весьма убедительно справедливость данного положения на примере истории развития основных представлений математики о числе и функции. Если человек знает только целые положительные числа и умеет считать, то задача В-3—5 неразрешима. Но она решается легко, если ввести понятие отрицательных чисел. В алгебраических формулах правила действия положительными и отрицательными числами соединены и обобщены ценой изменения смысла символов. Правила действия положительными и отрицательными числами не отменены алгеброй, а включены в нее, представлены в ней²⁹. Так осуществляется правило: человек, встречаясь с неразрешимой задачей, отступает от нее, вводит новые понятия, а затем обобщает старые и новые понятия в категориях более широкого и общего плана. На этом новом уровне неразрешимая задача становится разрешимой, потому что частные правила и понятия были не ложными, а ограниченными. На новом уровне истинное сохранено, представлено в более общем, а ограниченность снята.

Для К. Маркса отношение представленности — объективный вид связи, стороны которого (материя и материальное, общее и отдельное и т. д.) существуют в самой действительности независимо от деятельности и сознания человека. Представленное может быть определено как философская категория, служащая для обозначения стороны действительности, обладающей объективным, но опосредованным конкретностью существованием. Такова материя, существующая объективно, но всегда только в определенных материальных формах; такова субстанция, всегда представленная в акциденциях, и т. д. Представление — это вид связи между опосредованной, абстрактной стороной действительности и ее конкретной, непосредственной стороной; вид связи, характеризующийся объективностью и всеобщностью.

Соотношение материи и материального в марксистской философии

«Идеальное» — одно из фундаментальных философских понятий, и его трактовка во многом зависит от того, как раскрываются категории «материя» и «материальное». Часто эти категории трактуются как тождественные по содержанию, что потом затрудняет, делает невозможным различение категорий «идеальное» и «сознание».

И. С. Нарский считает необходимым развести понятия «материя» и «материальное», так как их отождествление «в конечном счете ведет к превращению исторического материализма в некую «параллельную» диалектическому материализму философию со своей «особой материей»³⁰. Д. И. Дубровский, напротив, утверждает: «Гораздо логичнее считать, что материальное есть синоним материи. Здесь не две категории, а одна. В противном случае нарушается определенность категории материи, ибо она может быть сохранена только с учетом логического противопоставления материи сознанию (и соответственно материального идеальному)»³¹.

Опасения Д. И. Дубровского, мягко сказать, непонятны. Почему должна нарушаться определенность категории «материя», если ее не отождествить с категорией «материальность»? Кажется как раз наоборот: отождествление катего-

рий приводит к утрате ими определенности. Дело, очевидно, в другом. Если развести категории «материя» и «материальное», тогда будет логичным развести и категории «идеальное» и «сознание». Это не укладывается в концепцию Д. И. Дубровского. Сначала он решает основной вопрос философии, а затем подстраивает под это решение все дальнейшее рассуждение. Поэтому посмотрим все-таки, как в марксизме обстоит дело с диалектикой материи и материального.

В домарксистской философии большое распространение имели категории «субстанция» и «акциденция». В сочинениях Маркса и Ленина они тоже встречаются. «Субстанция» обозначала первооснову, сущность действительности, «акциденция» — внешнее обнаружение, конкретное проявление субстанции. Диалектика этих сторон действительности была изложена еще Гегелем. Субстанция и ее внешние формы существования исчезают при всякой попытке их разъединения. По мнению Гегеля, субстанция и акциденция — два полюса наличного бытия — «не имеют своей собственной устойчивости». Субстанция «имеет своим обликом или своей положенностью лишь акцидентальность, а не самое себя; она не субстанция как субстанция... она лишь внутреннее акциденций, а акциденции суть лишь субстанции»³². Только в абстракции мышление может выделить субстанциональную основу мира. Выделение субстанции является, как отмечает В. И. Ленин, важной ступенью «в процессе развития человеческого познания природы и материи»³³.

Современная марксистская философия почти полностью отказалась от активного использования данных категорий, очевидно, по той причине, что субстанцию в истории философии часто понимали как субстрат³⁴. От понятий отказались, а вот реальные отношения, выраженные диалектикой субстанций и акциденции, остались. Философы, стараясь отразить различные стороны действительности, в значительной мере интуитивно прибегают к понятиям «материя» и «материальное».

Категория «материя» является предельной именно по глубине отражения сущности мира. Содержание ее исчерпывается признанием существования за пределами сознания некой реальности. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс от-

мечает: «Материю как таковую... никто еще не видел и не испытал... люди имеют дело только с различными реально существующими вещами... материя есть ничто иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие»³⁵. По Ленину: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности...»³⁶.

Материя есть абстракция, отражающая общее и сущностное всего объективного мира. Это просто идея о сущности мира, по выражению В. И. Ленина, «основная посылка материализма... признание внешнего мира, существования вещей вне нашего сознания и независимо от него»³⁷. Как общее — материя лишена какого-либо «вещества чувственности». Всеобщее, по Гегелю, «не существует внешним образом, как всеобщее»; рода, как такового, нельзя воспринимать, законы движения небесных тел не начертаны на небе»³⁸. В категории «материя» философия совершает такой «отлет» мысли от действительности и вместе с тем настолько углубляется в ее сущность, что содержание ее уже не включает в себя ничего чувственно воспринимаемого. Но истина при этом не утрачивается, а постигается глубже, основательней. В. И. Ленин отмечает по этому поводу: «И тут Гегель прав по сути: стоимость есть категория, которая лишена вещества чувственности, но она истиннее, чем закон спроса и предложения»³⁹. Как сущность мира — категория лишена «наличного бытия». Ее «нельзя видеть, осязать и т. д. — то, что видят, осязают, есть уже определенная материя...»⁴⁰.

Здесь обнаруживается основное различие между материей и материальным. Материя есть субстанциональное, общее, сущностное мира, но сама по себе она не обладает веществом чувственности. «Материю, — писал Гегель, — нельзя ни видеть, ни осязать и т. д. — и то, что видят или осязают, — это уже определенная материя, т. е. единство материи и формы»⁴¹. Когда материя предстает в форме объекта внешнего мира как свойства мира, то она перестает быть материей. Ни в одном объекте внешнего мира, взятом в отдельности, нет всеобщих свойств. Свойства объектов получают значение всеобщего только в соотношении с бесконечным многообразием других объектов. Прав А. П. Шептулин, когда отмечает: «Понятие «материя» применимо лишь к объективной реальности, как целому, лишь ко всей совокупности материальных образований, через которые в каж-

дый данный момент существует материя, и не применимо к отдельным материальным образованиям, их сочетаниям, свойствам и отношениям»⁴².

Объект внешнего мира, как он дается человеку в ощущениях, не является материей. В нем материя только представлена. Вещь есть вещь, но она обладает свойством материальности, так как принадлежит к бесчисленному миру других вещей, выражает собой общие всему миру свойства самостоятельного, независимого от сознания существования.

Материя — мысль, абстракция, выражающая субстанциональную сущность этого мира. Отождествление материи с материальным в гносеологическом плане означает — остановиться на уровне *primo facie* (первого взгляда); т. е. на позициях наивного материализма. В политической экономии, как показал К. Маркс, такой философский подход приводит к пониманию капитала как суммы стоимости и не позволяет понимать его как общественные отношения⁴³.

Но так ли это? Почему нельзя полагать, что материя и материальное одно и то же, не скатываясь на позиции наивного материализма? Наверное, потому, что такой материализм есть в обыденном сознании, сохранился в какой-то мере и в философии. Он отражает действительность на уровне наивных представлений, и дело марксизма состоит в его углублении, в переходе к сущности более глубокого порядка. А такое движение познания находит свое отражение в категориях.

Посмотрим, как получаются эти уровни. Мир предстает перед человеком в виде бесчисленного множества природных и социальных тел, процессов, связей и т. д.

Отдельное тело материально? Да! Почему бы нет. Оно чувственно — воспринимаемо, существует вне сознания. А другое тело? Тоже — да! И вся совокупность тел, и весь мир — да!

Теперь другие вопросы. Отдельное тело вечно? — Нет! Бесконечно? — Нет! Неисчерпаемо по своей сложности и возможностям развития? — Нет! И вся совокупность тел, и весь мир — тоже нет. А если все-таки — да, то не иначе как с позиций «дурной» бесконечности. Но эту позицию начитанный философ уже чувствует интуитивно и пытается уйти от нее ссылками на переход количества в качество.

Если спросить, как в данном случае количество переходит в качество и где мера количества и качества, то ответов

не будет. Как их нет и в том случае, когда из суммы индивидуальных сознаний пытаются получить общественное сознание.

Так что же получилось в результате такого абстрагирования свойств от отдельных тел и сведения этих абстракций в одно из понятий — материя или материальное? Получилась крайне бедная абстракция, которая ничего нового, по сравнению со знаниями об отдельном, не дает, за которой, строго говоря, нет никакой реальности, ибо сумма отдельных общего не дает. Но зато вместо двух философских категорий получилась одна. Если все это называется соблюдением «элементарных логических норм» и «логически непротиворечивым концептуальным решением» проблемы⁴⁴, то можно указать, что данная логика берет свое начало у Локка. Именно такой логикой пользовались экономисты XVIII века и не могли, как многократно доказывалось Марксом, оторваться от уровня первого взгляда. Отказываясь от различия между материей и материальным, мы вольно или невольно скатываемся на этот уровень. Объективно дело обстоит так, что мы теряем в рассуждении содержание категории «материя» и подменяем его содержанием категории «материальное».

Марксизм решает проблему взаимосвязи материи и материального иначе. Существует многообразие отдельных тел, процессов, явлений. В своем взаимодействии они образуют неуничтожимость, неисчерпаемость, вечность и бесконечность реальности, которая во взаимодействии с сознанием обнаруживает еще и свою объективность. Эти свойства не заключены в отдельных объектах и явлениях в качестве каких-то особых сторон, так что можно было бы абстрагировать их и суммировать в общее понятие. Они присущи не отдельным объектам, а только миру как целому, как системе, в которой все отдельные образования взаимосвязаны. Только во взаимосвязи со всей системой атрибутивные свойства обнаруживаются в отдельном. Они, следовательно, не присущи отдельным изначально, а, используя категорию Гегеля, можно сказать — «положены» в них целостной системой, в которую они включены.

Нельзя утверждать, что мир сначала существовал как хаос отдельного, а затем сложился в систему. Но это так для нашего познания. Поэтому в познании атрибутивные свойства мира «становятся», и такое «становление» фиксируется особой категорией. Марксистская философия фун-

даментальные качества реальности выражает наиболее мощным, глубоким, сущностным понятием — «материя».

Категорией «материальное» фиксируются свойства отдельных тел, процессов, явлений и т. д. Оно обозначает принадлежность этих отдельных к несметному множеству других отдельных, во взаимодействии с которым каждое отдельное оказывается причастным к великим свойствам материи. Именно так Маркс исследует диалектику абстрактного и конкретного труда, и поэтому применяемые им категории достигают глубины социальных явлений, а не скользят по их поверхности.

Связь между материей и материальным подобна связи субстанции и акциденции. Только друг в друге они получают существование. В. И. Ленин отметил эту связь, опираясь на «Науку логики» Гегеля: «Если абстрагироваться от всяких определений, от всякой формы какого-либо нечто, то остается неопределенная материя... Материя должна быть оформлена, а форма должна материализоваться»⁴⁵. «Сущность как бесформенное тождество (самой с собой) становится материей»⁴⁶.

Материя обречена на скромность: она не может появиться без своих нарядов — формы, явления, пространства и пр. Она вообще нигде конкретно не может появиться. Материя во всех конкретных случаях всегда только представлена в явлениях, формах, свойствах, т. е. в материальном. Представленность материи в материальном лежит в основе взаимосвязи других сторон действительности: общее представлено в отдельном, сущность — в явлении, содержание — в форме и т. д.

Мысль о том, что материя не существует в каком-то чистом виде, вне объектов природного мира, имеет двухтысячелетнюю историю. Аристотель хотя и признавал существование материи как таковой, но вне соединения с формой, причиной и целью понимал ее как чистую возможность. Свою подлинную действительность материя приобретает, по Аристотелю, лишь в форме конкретной вещи. Рассматривая процесс образования вещей, Аристотель приходит к выводу: «Итак, совершенно очевидно, что какая-нибудь часть необходимо должна уже быть, и именно материя есть такая часть, она находится в возникающем, и она становится чем-то определенным»⁴⁷. В процессе образования объектов природы, в сущности, происходит и «становление» материи.

Первоначальное состояние ее в виде субстрата преодолевается, становится иным, поэтому и называется иначе. «А то, из чего как из своей материи нечто возникает, обозначают, когда оно возникло, не ее именем, а именем, производным от нее; например, изваяние называют не камнем, а каменным... то, из чего вещь возникает, должно при ее возникновении измениться, а не оставаться тем же. Вот по этой причине так и говорится»⁴⁸. Во взглядах Аристотеля есть и наивные представления о существовании чистой «первоматерии», и гениальная мысль, что материя лишь в конкретных вещах приобретает свою подлинную действительность (в каменном представлен камень, в материальном — материя).

В истории философии с трудом преодолевается первая и утверждается, приобретает современный смысл и выражение вторая мысль о материи. Еще у Гассенди встречаются противоречивые высказывания по поводу бытия материи. Он готов признать атомы «материальным первоначалом вещей», их «первоматерией». Но вместе с тем высказывается против признания «первоматерии» в смысле материи «вообще». «Материя, хотя и сама по себе есть некое неопределенное тело, т. е. имеет ту, а не иную форму, все же всегда обладает некоторой формой»⁴⁹.

Проблема представленности материи в ее свойствах своеобразно обнаруживается и в философии Канта. Материю Кант определяет как «подвижное в пространстве». Он обосновывает данную дефиницию тем, что «основным определением того нечто, что должно быть предметом внешних чувств, было движение; ведь только посредством его возможны воздействия на эти чувства»⁵⁰. По Канту, следовательно, существует материя как неизвестное «нечто», обнаруживающая себя в движении. Материя — это не движение, но только в движении она предстает перед человеком, и поэтому изучение материи сводится к изучению движения.

Гегель окончательно преодолевает представление о существовании какой-то первоматерии и последовательно, правда, в идеалистической, мистифицированной форме проводит мысль о представленности материи в природной действительности. Если оставить в стороне идеализм Гегеля и обратить внимание на позитивное содержание его учения о материи, то можно выделить следующие положения: 1. Материя — это мысль, абстракция, в которой отражено, схваче-

но общее бесконечного множества предметов и явлений природы. 2. Абстрактное не существует каким-то самостоятельным образом, «оно существует лишь как момент чего-то реального»⁵¹. 3. «Действительным по отношению к абстрактной множественности, равно как и по отношению к абстрактной непрерывности, служит их конкретное, сами время и пространство, как и, в свою очередь, по отношению к последним — движение и материя»⁵². В явлениях природы лишь «просвечивается» материя. «Ближайшим способом, которым понятие обнаруживает свою мощь, является брэнность этой внешности... Понятие проявляет себя в этих гигантских членах, но проявляет не в качестве самого себя...»⁵³. В механике материя выступает в виде целостной системы (например, солнечной системы), в физике — в форме индивидуальности, в телесном оформлении. В органическом мире материя существует в форме субъективности как организм. На всех уровнях материя всегда едина с формой. Определение формы есть также определение материи. Если «отнять определение, то исчезнет также и бытие»⁵⁴.

Марксизм воспринял мысль о представленности материи в конкретных формах бытия. Идея представленности материи имеет в марксизме такое важное значение, что может рассматриваться как принцип диалектики, отражающий сложность и противоречивость действительности. В. И. Ленин выразил эту противоречивость мира словами: «Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение»⁵⁵. Идея представленности имеет всеобщее методологическое значение, суть которого, как отмечал В. И. Ленин, состоит в необходимости признания и учета того, что любая вещь, любое явление включает в себя свое другое (*das Andere seiner*)⁵⁶.

Итак, совершенно очевидно, что отождествление материи и материального существенно влияет на глубину видения мира. Он предстает в данном случае лишь своей внешней, поверхностной стороной. Аналогичные последствия получаются на другом полюсе, на полюсе категорий «идеальное» и «сознание».

Сторонники концепции «идеальное — субъективная реальность» стремятся иметь дело только с сознанием. Идеальному они отказывают в какой-либо реальности, отличной от сознания. В результате «сознание» как глубокая философская категория, выражающая существенную особенность

общественной системы, превращается в понятие, выражающее способность отдельного индивида. В действительности все, кто мыслит в рамках концепции «идеальное — субъективная реальность», только делают вид, что рассуждают о сознании. Они всегда имеют в виду индивидуальное сознание, ибо для них субъект — это индивид, единственно возможный «носитель сознания». От индивидуального сознания они пытаются перейти к общественному сознанию, которое в таком случае понимается как совокупность индивидуальных сознаний, являющаяся в силу действия закона перехода количественных изменений в качественные большим, чем простая совокупность. Роль общества, роль общественной практики в становлении и существовании сознания при этом упускается или просто оговаривается напоминанием, что способность индивида сознательно отражать мир формируется в условиях его общественного бытия. После того как роль общества сведена к условиям существования сознательного индивида, уже легко всю проблему сознания и идеального рассматривать как психофизиологическую проблему, как проблему взаимосвязи физиологических процессов мозга и психического образа. При таком подходе никакой широкой категории «идеальное» не требуется.

У Маркса, однако, мы видим другой подход к сознанию и идеальному. Сознание у него не свойство индивида, а атрибутивное свойство общественной организации, способом существования которой является производство. Индивиды обладают сознанием только потому, что они члены этой организации. Маркс, таким образом, совершенно иначе расставляет акценты. Не общество — условие существования сознательных индивидов, а сознательные индивиды — условие (не причина) существования сознания. Фундаментальные свойства материи являются не свойствами отдельных образований, а свойствами целостной системы, которые в отдельных только представлены, проявлены; подобно этому сознанию — свойство общественной системы, только представленное и проявляющееся в отдельных индивидах. Маркс поэтому и интересуется сознанием прежде всего как социальным явлением, а не как свойством мозга. При этом категория «идеальное» получает широкое социальное содержание, а не сводится просто к характеристике сознания как нематериального явления.

По Марксу, сознание не возникает и не существует просто как отвлеченная умственная деятельность. Оно в большей

или меньшей степени связано с предметно-чувственной деятельностью. В деятельности человек ставит предметы материального мира в такие отношения, при которых они выполняют несвойственные им от природы, но важные для человека функции. Предметы природы выступают в другом качестве, подобно тому как в гегелевском примере длина плеча рычага выступает как масса поднимаемого предмета. Многократное повторение подобных соотношений улавливается первобытным сообществом, и оно начинает уже целенаправленно создавать аналогичные предметные отношения и намеренно изменять предметы, приспособлявая их к новым и сложным отношениям. Складывается особый мир предметностей с особым уже очеловеченным содержанием (идеальным).

Сознание, с одной стороны, состоит лишь в том, чтобы подмечать в предметах, так сказать, несвойственные им свойства и пользоваться предметами в новом для них значении. С другой стороны, сознание состоит в преднамеренном изменении природных тел, в преднамеренном комбинировании их связи, чтобы создавать и использовать несвойственные природным телам свойства. Здесь-то и выясняется особая область реальных значимостей, наличие которой является необходимым условием существования человеческого сообщества. Область значимостей не ограничивается образами и понятиями сознания, она охватывает предметный мир человеческой деятельности, условий его бытия, средств коммуникации и т. д. Эта область значимостей есть идеальное.

Отождествление материи с материальным принуждает к отождествлению сознания с идеальным и сводит проблему связи материального и идеального к проблеме соотношения материи и сознания. Между тем диалектические пары — материя-сознание, материальное-идеальное — различные уровни абстракции. Они в различной мере отражают сущность мира, и поэтому связь между ними не просто дублирует одна другую. Категории «материя» и «сознание» ближе к сущности, категории «материальное» и «идеальное» — ближе к реальному, наличному бытию. Связь между материей и сознанием упрощена их абстрактностью, противоположность между ними резка и определена. Диалектика материального и идеального сложнее, многогранней, но она ближе к жизни, не так иссушена абстракцией. Поэтому классики

марксизма писали и могли писать о переходе идеального в материальное, но не писали и не могли писать о переходе сознания в материю.

-
- ¹ Абишев К. А., Акмамбетов Г. Г., Ротницкий В. И. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата: Казахстан, 1975, с. 15.
  - ² Дубровский Д. И. Проблема идеального в свете ленинских принципов анализа социальной деятельности. — Филос. науки, 1980, № 3, с. 25.
  - ³ Гегель Энциклопедия философских наук. М.-Л., 1929, ч. 1, с. 239.
  - ⁴ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М.: Политиздат, 1955, т. 1, с. 182—183.
  - ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 42—43.
  - ⁶ Там же, с. 44.
  - ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 595—596.
  - ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24—25.
  - ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 631.
  - ¹⁰ Там же, с. 632.
  - ¹¹ Там же, с. 593—594.
  - ¹² Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. Предыстория. М.: МГУ, 1981, с. 205—206.
  - ¹³ Там же, с. 208.
  - ¹⁴ Бутаков А. А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. М.: Высш. школа, 1966, с. 248.
  - ¹⁵ Брушлинский А. В. Взаимосвязь процессуального и логического мышления (методологический анализ). — В кн.: Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982, с. 9.
  - ¹⁶ Там же, с. 13.
  - ¹⁷ Леонтьев А. Н. Ощущения и восприятия как образы предметного мира.—В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 46—47.
  - ¹⁸ Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1970, т. 1, с. 206.
  - ¹⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975, т. 2, с. 33.
  - ²⁰ Гегель. Энциклопедия философских наук. М.-Л., 1929, ч. 1, с. 53.
  - ²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.
  - ²² Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1972, т. 3, с. 299.
  - ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.
  - ²⁴ Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1972, т. 3, с. 306—307.
  - ²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 32.
  - ²⁶ Там же, с. 33.
  - ²⁷ Там же, т. 46, ч. 1, с. 157.
  - ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.
  - ²⁹ Фейнман Р., Лейтон Р., Сэнс М. Фейнмановские лекции по физике. М.: Мир, 1977, т. 2, с. 373.
  - ³⁰ Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969, с. 67.
  - ³¹ Дубровский Д. И. Категория идеального в системе марксистского философского знания.—Филос. науки, 1983, № 1, с. 143.
  - ³² Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1970, т. 1, с. 207.
  - ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 142.

- 34 Материальная диалектика: В 5-ти т. М.: Мысль, 1981, т. 1, с. 94.
- 35 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 550.
- 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.
- 37 Там же, с. 81.
- 38 Гегель. Энциклопедия философских наук. М.-Л., 1929, т. 1, с. 49.
- 39 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 154.
- 40 Там же, с. 130.
- 41 Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1971, т. 2, с. 78.
- 42 Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967, с. 118.
- 43 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 384—385.
- 44 Дубровский Д. И. Категория идеального в системе марксистского философского знания. — Филос. науки. 1982, № 5, с. 145.
- 45 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 130.
- 46 Там же, с. 129.
- 47 Аристотель. Соч. М.: Мысль, т. 1, с. 199.
- 48 Там же, с. 200.
- 49 Быховский Б. Гассенди. М.: Мысль, 1974, с. 106.
- 50 Кант И. Соч. М.: Мысль, 1966, т. 6, с. 66—69.
- 51 Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1970, т. 1, с. 272.
- 52 Там же.
- 53 Гегель. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975, т. 2, с. 33.
- 54 Там же, с. 117.
- 55 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.
- 56 Там же, с. 202.

Глава III

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО И ЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ К. МАРКСОМ

Ни в одной из своих работ К. Маркс специально проблеме идеального не исследует и не излагает. Но во всех произведениях, в которых на самом глубоком уровне рассматриваются отношения людей в обществе, прежде всего произведениях политической экономии, приходится решать и эту проблему. Идеальное как особая реальность появляется у Маркса в сложнейшем взаимодействии материального и нематериального, налично существующего и представленного, деятельности и сознания, индивида и общества. Разобраться в таком переплетении, крепко держать перед собой такую неуловимую реальность, как идеальное, необычайно трудно. В связи с этим изложение взглядов Маркса на идеальное неизбежно будет некоторым упрощением, огрублением. В ходе изложения постоянно придется переходить от движе-

ния товарных тел к деятельности людей, от деятельности людей к их сознанию, от сознания людей к движению товаров и т. д. Придется иногда нарушать то синкретическое единство, в котором Маркс дает различные стороны общественного процесса, чтобы получить более стройную концепцию идеального.

Идеальное.

Возникновение, элементы структуры

К. Маркс рассматривает и разрешает проблему идеального в процессе анализа товарного производства. В его поле зрения постоянно находятся три проблемы товарных отношений: движение товарных тел, деятельность товарладельцев, сознание людей, находящихся в системе товарного производства. У Маркса проблемы эти многократно перекрещиваются, поскольку взаимно обуславливают друг друга. Однако разделить их все-таки можно и необходимо, потому что на разных этапах движения товарных тел на первый план выступают различные стороны товарного производства, а значит, как обнаружится в дальнейшем, и различные стороны идеального. Рассмотрим последовательно выделенные три проблемы товарных отношений.

На первом этапе анализа товарного производства Маркс исследует прежде всего материальное бытие товара. Люди с их сознанием остаются несколько в тени, хотя их присутствие как создателей определенных ценностей отчетливо чувствуется. С вопросом о том, какие изменения претерпевает товарное тело, все решается как будто просто: с товаром, вернее с его вещественной основой, которую Маркс называет «непосредственно потребительной стоимостью»¹, ничего не происходит. То, что все-таки с товаром происходит, касается не его естественно осязаемого существования, а его общественного, «формального бытия»². Сводится все к балансированию вещи между потребительной стоимостью и меновой. Причем с самой вещью, повторяем, ничего не происходит. Хлеб есть хлеб, независимо от того, находится ли он в руках пекаря или в руках потребителя. То, что хлеб выступает в одном случае как потребительная стоимость, а в другом как меновая, является вовсе не его свойством, а свойством совсем иной материальной системы — общества.

Роль материального объекта велика, так как без него

вообще ничего не происходит, но проста: она сводится к тому, чтобы быть основой, предметом человеческой деятельности, носителем определенных естественных и «чувственно-сверхчувственных» свойств, приданных ему обществом. В этом заключен чрезвычайно важный момент. Маркс фиксирует начало становления идеального. Суть его состоит в том, что материальный (природный) объект в системе общественных отношений (в данном случае товарных) приобретает свойства данной системы, он становится товаром. Материально, вещественно с объектом ничего не происходит. Тем не менее приобретаемые объектом в системе товарных отношений свойства вполне объективны.

Для выражения отмеченного здесь явления Маркс использует понятие «положенное». Положенное было подробно исследовано Гегелем в «Науке логики». Оно обозначает у него нечто, имеющее основание не в самом себе, а в чем-то другом. «Положенность, — пишет Гегель, — есть внешняя себе рефлексия;... она соотношение с собой как с чем-то внешним»³. К. Маркс применяет гегелевскую идею для характеристики меновой стоимости товара. Он пишет, что товар «...обладает обменемостью не в своем натуральном равенстве с самим собой, а как положенный в качестве чего-то неравного самому себе, отличный от самого себя в качестве меновой стоимости»⁴.

Маркс выделяет, таким образом, в товарных телах особую ненатуральную реальность. Ею оказывается свойство общественной системы — «положенное» как свойство вещи. С этого факта Маркс начинает разработку своей концепции идеального. Факт состоит в том, что свойство общественной системы «положено» как свойство вещи.

Теперь можно пока оставить товарные тела и посмотреть на деятельность людей. Это позволит выявить причину двойственности качеств товаров и продвинуться в выяснении сущности идеального.

Люди участвуют в производстве товаров в двойном качестве: как индивидуальные товаропроизводители и как общественные существа, как члены общественной организации. Соответственно труд людей выступает как индивидуальный и общественный. К. Маркс отмечает данные обстоятельства при анализе свойств товара, видя в этом причину двойственности их свойств.

Товары, вопреки их пестрому разнообразию, способны

замещать друг друга, обмениваться друг на друга. Это качество обусловлено их внутренним единством: все они созданы общественным трудом. Реально товары создаются индивидуальным трудом. Общественный труд — просто абстракция. Но такая абстракция создается не столько теоретическим умом, сколько общественным процессом производства, создается, следовательно, вполне объективно. К. Маркс, стремясь подчеркнуть данное обстоятельство, пишет: «Сведение всех товаров к рабочему времени есть не большая, но в то же время не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух»⁵.

Формирование абстрактного труда обусловлено тем, что товары фактически создаются трудом индивидов, которые сами выступают лишь как простые органы общественного труда. Абстрактный труд является, таким образом, не логическим построением и не свойством труда отдельного работника, а свойством общественной системы, а уже через нее и свойством отдельного труда. Здесь мы имеем то же соотношение, что и между атрибутивными свойствами материи и свойствами материальных объектов.

Итак, товар создан как индивидуальным, так и абстрактным, общественным трудом, и поэтому он выступает как противоречивое единство потребительной и меновой стоимостей. Это противоречие обнаруживает себя и получает разрешение в движении товаров, в деятельности людей. Меновая стоимость товара создается общественным трудом. Общественный труд как абстракция не обладает какой-то самостоятельной формой бытия. Он, по выражению К. Маркса, «существует в среднем труде, который в состоянии выполнить каждый средний индивид данного общества»⁶, оставаясь вместе с тем вполне объективным явлением. В соответствии с этим меновая стоимость не обладает самостоятельной формой бытия, а всегда только представлена в потребительной стоимости другого товара. Одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость. Это возможно потому, что труд одного индивида относится к труду другого как к всеобщему труду.

Маркс для характеристики товарных отношений, а значит, и отношений людей, их труда, вводит новый момент. Он раскрывает их посредством категории «представленное», которая у Гегеля является главной в трактовке идеального. Но Маркс представленное идеальным еще не называет, а

переходит к выяснению роли сознания в реализации товарных отношений.

Итак, товары находятся в отношениях как потребительные и меновые стоимости. К. Маркс вскрывает противоречивую ситуацию товарных отношений. Чтобы товар состоялся как потребительная стоимость, т. е. был реализован, он должен предстать как меновая стоимость, а чтобы товар реализовался как меновая стоимость, он должен предстать как потребительная стоимость. Из этого порочного круга товары может вывести только обмен. Только в процессе обмена товары приобретают свое действительное отношение друг к другу. Но чтобы это могло произойти, люди уже должны выступить в ином качестве: как владельцы и невладелец товаров, поставленные в определенные общественные отношения со своими целями, интересами, сознанием. Движение товаров, а следовательно, и анализ их, получают в таком случае дальнейшее развитие. Дело в том, что до настоящего момента в поле зрения, а значит, по логике развития, и в самой действительности, реально существовала лишь материальная основа товаров. Их сущностные стороны — потребительная стоимость и меновая стоимость — существовали только в абстракции теоретика или в сознании трудящихся индивидуумов. Теперь люди своими деятельными отношениями должны этим сторонам придать реальное существование.

Для товаровладельца его товар есть потребительная стоимость и не есть потребительная стоимость, ибо сам он свой товар не потребляет. Если бы он его потреблял, товар перестал бы быть товаром. Для владельца его товар лишь вещественный носитель меновой стоимости. К. Маркс пишет: «Для своего владельца товар есть потребительная стоимость лишь в качестве меновой стоимости»⁷. Потребительной стоимостью товар еще должен стать, но не для своего владельца, а для невладаря.

Реально ситуация пока такова: владелец товара обладает товаром как потребительной стоимостью, но абстрактно; в сознании эта потребительная стоимость является для владельца меновой стоимостью. По ироническому выражению К. Маркса, у товаровладельца «товар, как потребительная стоимость, лежит на складе, а как меновая стоимость — на совести»⁸.

Посмотрим теперь на товар со стороны его меновой стоимости. Меновая стоимость, как уже отмечалось, выступает только в форме потребительной стоимости, или, что то же самое, в меновой стоимости индивидуальный труд выступает как непосредственно общественный труд. Решение этого противоречия в процессе обмена приводит к выделению особого товара, товара-эквивалента, а в конечном счете к появлению денег. Как реально осуществляется данный процесс, было показано во второй главе.

Выделенный товар, поскольку он является выражением меновой стоимости всех товаров, становится всеобщей потребительной стоимостью. Деньги, например, как таковые никакую потребность человека не удовлетворяют и, следовательно, сами по себе никому не нужны. Но поскольку деньги обмениваются на любой другой товар, а значит, могут удовлетворить любую потребность, то они нужны всем. Если все товары реально существуют как потребительные стоимости, а их меновая стоимость лишь мысленно выражается в сознании владельцев, то выделенный товар (проще, денежный знак) хотя и существует как потребительная стоимость, но в самом процессе обмена имеет лишь формальное бытие, нуждающееся в реализации, то есть в превращении в действительную потребительную стоимость.

Товары в процессе обмена, а точнее, готовые к обмену, с необходимостью раздваиваются: как потребительные стоимости они существуют, по выражению Маркса, «реально», а как меновые — «мысленно». Выделенный товар как потребительная стоимость существует реально, а как всеобщая потребительная стоимость — «только формально». Здесь важно отметить еще одно обстоятельство: положенная, представленная сторона тоже оказывается зависимой от сознания. Но эта сторона товара, хотя и существует в отличной от товарного тела форме, тем не менее существует вполне объективно, поскольку объективен сам товар, представляющий собой единство потребительной и меновой стоимостей.

Теперь, когда товары почти готовы к обмену, мы оставим их на некоторое время, чтобы уделить внимание сознанию людей. Отношения людей и отношения вещей — как будто два противостоящих друг другу зеркала, в которых многократно отражаются события, происходящие между ними.

Тот факт, что в процессе обмена с неизбежностью выделяется особый товар-эквивалент, к которому приравняются все другие товары, в действительности означает отношение товаровладельцев к труду друг друга как к всеобщему, общественному труду. Но в сознании людей это понимается так, что они к своим товарам относятся как к меновым стоимостям. Субстанциональная основа товаров — абстрактный труд — в сознании людей предстает как меновая стоимость товаров. Теоретик может в неопровержимой логической форме доказать, что меновая стоимость — лишь видимое выражение субстанции, товаровладелец может понять и принять это доказательство; на практике он все равно будет относиться к товарам как к меновым стоимостям, ибо только при таком отношении товары могут быть пущены в оборот, только так существующие общественные связи могут реализоваться. И поскольку таковы обстоятельства, товары действительно являются меновыми стоимостями, пусть и существующими пока абстрактно.

В сознании товары выступают, следовательно, как меновые стоимости, поэтому в процессе обмена товары относятся друг к другу именно как меновые стоимости. Но это отношение опять-таки в самом процессе обмена предстает как всестороннее отношение товаров к одному и тому же выделенному товару-эквиваленту.

Отношение всех товаров к одному товару-эквиваленту выступает в сознании людей как специфическое отношение данного товара ко всем остальным. Реально отношения товаров порождают деньги и обуславливают их существование, а сознанию все предстает так, что деньги порождают товарные отношения, поэтому общественные свойства товара-эквивалента сознанию даются как естественные.

Так сознание оказывается многократно вплетенным в ткань материальной деятельности людей. Оно выступает здесь то причиной, то следствием и лишь в конечном счете оказывается обусловленным материальными отношениями. Если допустить, что теоретическими усилиями удалось изъять сознание из этой ткани, то оставшийся субстрат потеряет многие свои свойства, он просто перестанет существовать как социальный продукт.

Вернемся к товарам. Мы оставили их готовыми во взаимном обмене разрешить свои противоречия, реализовать свои свойства. Единственное, чего им недоставало — это способ-

ности сообщить друг другу меру своих меновых стоимостей. Появление денег решает и эту проблему. Товаровладелец выставляет свои товары, навешивая на них бирки с указанием цены. Определение цен товаров, пишет К. Маркс, «есть только идеальное превращение их во всеобщий эквивалент, есть только приравнивание к золоту, которое еще подлежит реализовать»⁹.

Итак, товары противостоят друг другу как двойственные существа: «реально — как потребительные стоимости, идеально — как меновые стоимости». В процессе обмена противоречие, наконец-то, разрешается. К. Маркс пишет об этом: «Таким образом, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью разделяется полярным образом между обоими членами формулы Т—Д, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, которая свою идеальную меновую стоимость, цену, должна еще реализовать в золоте, между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость, которая свою формальную потребительную стоимость материализует только в товаре. Лишь путем этого раздвоения товара и золота и даже путем двойного противопоставления, в котором каждый крайний член идеально представляет собой то, что противоположный ему член есть реально, и реально представляет собой то, что противоположный член есть идеально ... разрешаются противоречия, заключенные в процессе обмена»¹⁰.

Во всех рассуждениях о товаре и их свойствах исходным для К. Маркса является общественный труд, который в конечном счете заключается в перестройке какого-то природного вещества и в затрате человеческой энергии, мышц, нервов и т. д. Абстрактный труд — это общественная субстанция; пребывает она в индивидах, образующих общество, и в природном веществе, вовлеченном в сферу человеческой деятельности.

Субстанция имеет реальный смысл только применительно ко всеобщей совокупности. У отдельного индивида нет своей самостоятельной субстанции, его субстанция обществена. По Марксу, не отдельные индивиды во взаимодействии образуют общество, а как раз наоборот — каждый индивид является органом одной и той же организации, производящей материальные и духовные ценности. Только как элемент всей общественной организации, только во взаимодействии

и в меру этого взаимодействия индивид приобретает и проявляет свою субстанциональность.

С товаром дело обстоит аналогичным образом. Отдельный продукт труда обладает общественной субстанцией только как социальный предмет и может обнаружить свою субстанциональную сущность только во взаимодействии (сопоставлении) со всеми другими продуктами труда, или с одним, замещающим все остальные. Это обстоятельство важно потому, что для Маркса идеально только такое содержание материального, которое имеет значение всеобщего.

К. Маркс ведет анализ товарного производства как бы в двух планах: в одном — люди своей практической деятельностью создают отношения, получающие материальное, вещное выражение; в другом — сами вещи формируют сознание и отношения людей. В первом плане в сознании людей материальные объекты выступают прежде всего как носители социальных, чувственно — сверхчувственных свойств. Маркс называет эти свойства «абстрактными», «мысленными», «формальными». В таком ракурсе исследования сверхчувственные свойства предстают как порождения сознания, воли и противостоят вещественной реальности товарных тел. Любая бумажка, показывает Маркс, может стать денежным знаком, если это будет обеспечено всеобщей волей товаровладельцев или государственным решением. «Абстрактные», «мысленно представляемые» свойства никакими атрибутами материальности не обладают, но реальностью они обладают настолько мощной, что не только отдельный индивид, но и общество против нее бессильны. Содержание «сверхчувственных» свойств не исчерпывается характеристикой их как «абстрактных» и «мысленных». Если бы они были только мысленными, люди властны были бы изменить их или отказаться от них. Между тем Маркс показывает, что дело обстоит прямо противоположным образом: не люди своим сознанием меняют свойства вещей, а свойства вещей подчиняют себе сознание людей, и люди ведут себя как вещи. Обусловлено это тем, что «абстрактные» и «мысленно представляемые» свойства имеют вполне объективное основание — всеобщий, абстрактный общественный труд. Именно труд, осуществляющийся в определенных общественных отношениях, формирует в объектах труда свойства, своеобразно проявляющиеся в сознании людей.

Итак, идеальное, по Марксу, возникает, становится только в общественной среде, только в деятельности человека, труде, направленном на преобразование природного вещества. Оно неразрывно связано с материальным, природным объектом, выступает как его сверхчувственное свойство. Если рассматривать идеальное именно как свойство, то оно оказывается положенным, то есть рефлексированным во внешнюю социальную среду свойством материального. Если рассматривать идеальное со стороны этой внешней среды, то оно оказывается представленным, то есть выраженным в материальном объекте свойством общественной системы. Положенное и представленное — вот важнейшие структурные элементы идеального.

Когда Маркс анализирует товарное производство как объективный процесс, он в товарах выделяет две стороны: потребительная стоимость — это реальная сторона, меновая стоимость — идеальная сторона. Идеальными Маркс называет представленное в отдельном теле товара всеобщее свойство всех других товаров — меновую стоимость и представленную в товаре-эквиваленте всеобщую потребительную стоимость. Одни и те же стороны товаров Маркс называет по-разному. Когда они рассматриваются со стороны сознательной деятельности людей, то это «абстрактные», «мысленно представляемые», «формально» существующие свойства; когда они рассматриваются со стороны объективных материальных процессов, то это «идеальные» свойства.

Но и при таком подходе Маркс не упускает из поля зрения связь между идеальным и сознанием. Если в одном аспекте люди ведут себя как товары, то в другом — товары действуют как люди. «Товаровладельцы, — пишет Маркс, — вступили в процесс обращения просто как хранители товаров. В самом этом процессе они выступают друг против друга в противоположной форме покупателей и продавцов, один, скажем, как персонифицированная голова сахара, другой — как персонифицированное золото. Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем».

Маркс не рассматривает идеальное ни как чисто духовное явление, ограниченное сферой индивидуального сознания, ни как чисто объективное явление, пребывающее в сфере материальных отношений. Идеальное у Маркса су-

ществует только как процесс взаимодействия между индивидами и материальными объектами. В таком взаимодействии ни индивид с его сознанием, ни предмет с его социальными свойствами не обладают самостоятельностью: они выступают компонентами особой материальной системы — общества. Индивиды сознательны как социальные существа, товары как социальные продукты обладают идеальными свойствами. Такая противоречивость идеального актуализирует вопрос о его реальности.

Реальность идеального

Реальность идеального сомнений ни у кого не вызывает. Вопрос в том, какова эта реальность: объективна она или субъективна с точки зрения К. Маркса? В поисках ответа на этот вопрос целесообразней всего обратиться к «Капиталу».

В «Капитале» К. Маркс, развивая теорию товарного производства, изложенную уже в книге «К критике политической экономии», усиливает два существенно важных для настоящей работы момента.

1. Он всячески подчеркивает невещественный характер стоимости: «Меновые стоимости надо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют. Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров». Товары «...как меновые стоимости... могут иметь только количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости»¹¹. «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость ...не входит ни одного атома вещества природы»¹². Мысль о том, что стоимость есть общественное свойство вещей, которое «положено» как свойство вещи, проходит через весь первый том «Капитала».

2. Маркс многократно подчеркивает, что способом существования меновой стоимости служит представленная форма. «Меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь «формой проявления» какого-то отличного от нее содержания»¹³; «...товары обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства — человеческого труда, их стои-

мость... имеет поэтому чисто общественный характер... и появиться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому»¹⁴.

Отношение представленности (*quid pro quo*) во всем анализе стоимости, особенно ее эквивалентной формы, занимает в «Капитале» доминирующее положение. Отличительной особенностью эквивалентной формы стоимости является то, что она многократно выступает представленной формой. В ней «потребительная сторона становится формой проявления своей противоположности, стоимости»; в ней «конкретный труд становится... формой проявления своей противоположности, абстрактного человеческого труда», наконец, в ней «частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме»¹⁵.

В «Капитале» Маркс отражение движения товаров в сознании людей и в какой-то мере участие сознания в том движении рассматривает в разделе «Товарный фетишизм и его тайна». Он как бы отделил сознание людей от объективного хода вещей. В труде «К критике политической экономии» Маркс хотя и выделяет объективное движение товаров, но зависимость товара от человека — владельца или не-владельца — чувствуется здесь постоянно. Поэтому противоречие товара Маркс в этой работе выражает так: если реально налицо потребительная стоимость товара, то его меновая стоимость лишь мысленно представляется; если реально существует как потребительная стоимость товар-эквивалент, то его всеобщая потребительная стоимость существует лишь формально, опять-таки в сознании владельца.

В «Капитале» противоречие товаров выражено в несколько иной, более объективированной форме. В выражении стоимости Маркс на первом этапе его анализа различает относительную форму стоимости и эквивалентную. Эти две формы он рассматривает как взаимообуславливающие и взаимоисключающие полюсы одного и того же выражения стоимости. И та и другая формы стоимости присущи любому товару (речь пока не идет о денежной форме), но одновременно быть и тем и другим товары не могут. Лишь друг через друга товары выражают свои противоположные стороны. Если товар выступает в относительной форме, то он предполагает, что какой-нибудь товар противостоит ему в эквивалентной форме. Когда товар выступает в эквивалентной

форме, то он не выражает своей стоимости, а лишь дает материал «для выражения стоимости другого товара».

Маркс ведет анализ так, будто товары сами разыгрывают этот спектакль на глазах людей без их непосредственного участия в нем. Поэтому он не называет противоположные свойства товаров «мысленно представляемыми». Товары здесь «играют роль» друг друга, они являются друг для друга «образом». Товар холст, чтобы высказать, «что возвышенная предметность его стоимости... отлична от его грубого льняного тела, ...говорит, что стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве стоимости как две капли воды похож на сюртук»¹⁶. Маркс далее продолжает так: «Ближайшее рассмотрение стоимости товара *A*, содержащегося в его стоимостном отношении к товару *B*, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара *A* служит лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма товара *B* — лишь формой стоимости, или образом стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т. е. через отношение двух товаров, в котором один товар — тот, стоимость которого выражается, — непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар — тот, в котором стоимость выражается, — непосредственно играет роль лишь меновой стоимости»¹⁷.

Марксу важно было показать объективный, во многом независимый от сознания характер товарных отношений. Ему это важно было еще и потому, что, на первый взгляд, на уровне практического сознания отношения товаров предстают именно как объективные и самостоятельные. Товары в рамках этого сознания обладают своими собственными свойствами и живут по своим собственным принципам. Но если такое сознание является всеобщим, то «мысленно представляемые» свойства товаров получают значение реально существующих.

Здесь обнаруживается существенный, но трудноуловимый момент идеального, и поэтому целесообразно повторить рассуждение еще раз.

Разумеется, фактическая наличность товара — это его материальное тело. Но то, что все видят в нем другую,

«сверхчувственную» сторону, и то, что все соответственно к нему относятся и соответственно так поступают, придает сверхчувственной стороне товара значение реальности. Представления, идеи вследствие их всеобщности становятся материальной силой, и поэтому все в реальной действительности меняется местами. Материальный процесс труда, изменивший природную форму вещей, в сознании предстает как сверхчувственное свойство вещей. Материальные отношения людей по поводу продуктов своего труда в сознании предстают как отношения вещей, и поскольку люди так сознают и так поступают все, то они реально уже ведут себя не как разумные и свободные существа, распоряжающиеся результатами своего труда; они ведут себя в соответствии с тем, что диктуют им вещи. Люди живут и действуют так, будто на самом деле вещи обладают чудодейственной жизненной силой и, что самое главное, эти действия приносят успех: практика жизни ежеминутно подтверждает истинность именно такого отношения к миру.

О глубинных материальных процессах, об абстрактном всеобщем труде, о свойствах всеобщего эквивалента товаров и пр. люди ничего не знают; а если и знают, то знания им ничего практически не дают. Зато они знают другое: результатом их труда является товар, а товар — это деньги, а деньги — это все. Знания бросают людей в дело, и дело приносит успех. Если бы в рамках всеобщих иллюзий нашелся человек, который разобрался бы в истинной сути товаров и стал бы действовать соответственно, то именно его сознание было бы неразумным, а его деятельность безуспешной.

Так в чем же реальность — во всеобщем характере труда или в магических, как представляется сознанию, свойствах вещей? Реальностью является и то и другое, вернее есть одна, отличная от природной, реальность, имеющая опору в результатах деятельности и в сознании. Но для огромных масс людей, участвующих в товарном обмене, действительной общественной силой выступают невещественные, «сверхчувственные», «мысленно представляемые», или, как Маркс их далее называет, «идеальные» свойства вещей.

Чтобы «сверхчувственные» свойства товаров на самом деле стали реальностью, они должны быть охвачены сознанием. Именно потому, что они противоположны природной реальности, потому, что в них нет и атома вещества при-

роды, они реально живут, являются действительной силой, если их существование признано и обеспечено всеобщей волей. Сознание «творит» эту особенную реальность, выводит ее из «небытия» тем, что оно созданные общественным трудом невидимые, нематериальные свойства раскрывает и превращает в общественную силу.

На уровне первого подхода нет особой разницы в том, как будут поняты сверхчувственные свойства вещей. Станут ли люди думать, что золото обладает чудесной силой, и покоряться ему; будут ли рассматривать его как народное добро и обращаться с ним как «положено», поймут ли, что это особый товар-эквивалент, — для практики повседневных товарных отношений безразлично. Здесь достаточно, чтобы люди так или иначе раскрыли для себя сверхчувственное содержание вещей и этим обеспечили им движение, то есть на самом деле превратили бы их в товары. Товары для своего существования нуждаются в человеческом сознании и формируют его в соответствии с господствующими в обществе отношениями.

Различие обнаружится, когда люди попытаются освободиться от власти вещей; когда им потребуются изменить систему общественных отношений, понадобятся и истинные знания о природе сверхчувственных свойств вещей.

Участие сознания в товарных отношениях — не произвол и не «творение» реальности из ничего, а мысленное выражение тех свойств материальных тел, которые созданы общественным трудом. Эти свойства на одном полюсе образуются вполне материальной связью — представленностью всеобщего труда в результате отдельного труда; а на другом — они образуются умственной деятельностью человека. Сверхчувственные свойства товаров только так и существуют: один полюс в объекте, другой — в субъекте. Маркс многократно показывает эту особенность товаров. Если товар натурально существует как потребительная стоимость, то его меновая стоимость только мысленно представляется. Денежный знак натурально существует как потребительная стоимость, как всеобщая потребительная стоимость он существует лишь формально. Без мысленно представляемых и формальных сторон нет ни товаров, ни товарных отношений. Сознание, таким образом, оказывается включенным в действительность товарных отношений, а объективные отношения представленности, образованные практикой, обна-

руживаются как особая реальность, как идеальное. Особенность идеального и состоит в том, что оно существует в материальном, когда сознание общества его в нем раскрывает. Когда материальный объект берется «сам по себе», вне сознания и общественных связей, в нем ничего идеального нет.

Материальное в том анализе, который ведет Маркс, — это труд и отношения людей по поводу результатов своего труда; идеальное — это тот же труд и те же отношения, но представленные, выраженные в вещах и так или иначе понятые сознанием.

Когда Маркс пишет, что для него идеальное «есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», то он имеет в виду изложенный здесь процесс превращения материального в идеальное, в результате которого материальные отношения людей выступают в сознании как свойства вещей. Идеальное при этом не сливается ни с материальным, ни с сознанием. Денежный знак не имеет никакого отношения к свойствам денег, а свойства денег никак не зависят от того, что о них думают люди. Денежным знаком может быть любой предмет — от золотого слитка до ракушки, а думать о деньгах можно что угодно — объявлять их явлением природы или творением дьявола — все это неважно. Важно следующее: есть материальный объект, выступающий «кристаллом» общественных отношений, и есть сознание, обеспечивающее соответствующее движение этому «кристаллу» в обществе. Между данными полюсами и лежит неуловимое идеальное, которое не является ни материальным, ни сознанием, но которое существует только в материальном и сознании. Бесплезно искать идеальное во внешнем материальном объекте, как бесплезно искать его в человеческой голове. Ни в объекте, ни в голове в их оторванности друг от друга никакой идеальности нет. Но оно есть во внешних вещах, потому что оно есть в голове, и наоборот, оно есть в голове, потому что есть во внешних вещах. Это так же реально, как то, что в холсте есть стоимость, потому что она есть в сюртуке, а в сюртуке — потому что она есть в холсте.

Маркс всячески старается показать внешний, объективный характер идеального, не упуская, однако, его зависимости от головы человека. Поэтому он сначала подробно исследует,

как ведут себя товары, с тем, чтобы потом показать, как это поведение связано с сознанием людей.

В разделе «Товарный фетишизм и его тайна» Маркс показывает, как материальные отношения людей получают в вещах зеркальное отражение, как общественное отношение производителей «к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей». Но как раз такое переворачивание реальности в сознании действительно превращает продукты труда в товары. На это обстоятельство в литературе обращается недостаточное внимание. Товарный фетишизм чаще всего трактуется односторонне, просто как сознание, извращенное реальными отношениями общества. Между тем Маркс четко выделяет роль сознания именно в формировании таких отношений. «Благодаря этому *quid pro quo* [появление одного вместо другого] продукты становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, общественными»¹⁸. Маркс повторяет мысль о тесном переплетении сознания и происходящих в обществе материальных процессов. Не только материальные факторы порождают сознание, но и сознание порождает, двигает определенные материальные процессы.

Об идеальной стороне товара и в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», и «К критике политической экономии», и в «Капитале» Маркс начинает писать только с того момента, когда анализ товарных отношений доведен до денежной формы стоимости, до цены, и когда по принятой Марксом схеме изложения в процесс товарообмена активно включены люди. Есть ли в этом какой-то особый смысл? В сущности, очевидно, нет. Выражена ли стоимость товара в сюртуках или в денежном знаке, суть всегда одна — меновая стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого. Но формальное различие здесь есть, и Маркс считает важным его выразить.

На уровне неразвитых товарных отношений друг другу противостоят отдельные товары, результаты конкретного частного труда отдельных свободных товаропроизводителей. Они оказываются сравнимыми потому, что противостоят друг другу на фоне чего-то им общего — общественного, абстрактного труда. На этом уровне, как излагает Маркс в «Капитале», товары «представляют» друг друга, «играют роль» один другого, являются друг для друга «образом». Дело меняется, когда товарные отношения вступают в более развитую

форму, становятся товарно-денежными. Здесь возникает качественно новое противостояние товаров: отдельный товар как результат частного труда противостоит товару-эквиваленту, непосредственно общественному товару, результату непосредственно общественного труда. Денежный знак как всеобщий товар-эквивалент, по существу, полностью оторвался от своей товарной истории и плоти. Это полная абстракция, заключенная по необходимости в совершенно случайную для него материальную форму. И вот только теперь, когда товару противостоит такое абстрактное образование, когда содержащийся в товаре общественный труд выражен в такой абстрактной форме, свойство товара (стоимость) Маркс называет идеальным. Если во всем этом есть какой-то особый смысл, то он может состоять только в двух моментах: 1) для Маркса идеальное есть всеобщее, представленное в отдельном; 2) идеальное есть выраженные в материальном общественные отношения. Проблема реальности идеального сводится, таким образом, к вопросу о природе стоимости. Материальна стоимость или идеальна?

Вопрос о природе стоимости занимает существенное место в дискуссиях об идеальном. Те, кто отстаивает положение «идеальное — субъективная реальность», считают, что стоимость материальна, ибо она объективна. Д. И. Дубровский приводит из «Капитала» длинный ряд выписок, стараясь обосновать данный тезис¹⁹. Сторонники другой концепции идеального полагают, что стоимость — объективное, но идеальное явление и представлена она не в голове субъекта, а в потребительной стоимости другого товара.

Споры по вопросу о природе стоимости ведутся преимущественно вокруг следующего положения Маркса: «Цена, или денежная форма товаров, как и вообще их стоимостная форма, есть нечто, отличное от их чувственно воспринимаемой реальной телесной формы, следовательно — форма лишь идеальная, существующая лишь в представлении».

Обыкновенно на этом мысль Маркса обрывают, но мы ее выпишем полностью. «Стоимость железа, холста, пшеницы и т. д., — продолжает Маркс, — существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражена в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует в их голове»²⁰.

Если остановиться на первой части данной мысли, да еще

оторвать ее от всего учения Маркса о стоимости, то можно сделать выводы:

1. Идеальное — субъективная реальность, как сказано у Маркса, «существующая лишь в представлении». А то, что «представления» могут быть только в голове, само собой разумеется.

2. Стоимость — материальна. Ведь Маркс не отвергает объективный характер стоимости. Наоборот, он его всячески подчеркивает. Так в чем же дело? У нас все просто: объективно — значит материально. Правда, со стоимостью все-таки не все так просто, ведь Маркс ясно пишет: «Цена ...есть... форма лишь идеальная». Ну и что? Авторы концепции «идеальное — субъективная реальность» это не остановит. Они просто обречены что-нибудь делить: то они сознание делят на материальное и идеальное, то они реальность делят на субъективную, объективную и социальную, теперь стоимость разделят на материальную и идеальную. Стоимость вообще материальна, а вот цена... идеальна.

Но попробуем подойти к вопросу о статусе стоимости серьезно.

В. С. Барулин стремится выяснить природу стоимости с позиций учения К. Маркса о социальных свойствах предметов человеческой деятельности. Он обращает внимание на необходимость учитывать характер закономерностей, в рамках которых рассматривается предмет. Если предмет берется как природное явление, то его социальные свойства окажутся «воображаемыми». Но «воображаемы» они только с «позиций рассмотрения материально-природного взаимодействия вещей и людей»²¹. Если же предмет берется в социальном плане, то «воображаемые» свойства становятся «самым объективным феноменом», в то время как его телесное бытие — не более, чем «фикция, мираж»²². В. С. Барулин трактует социальные свойства вещей как идеальные, но в его трактовке, видимо, из-за неудачного понятия «воображаемый» невозможно подметить грань между идеальным и сознанием.

В. С. Барулин, правда, не дает однозначного решения и допускает, что в определенном плане стоимость может быть понята и как идеальное. Но ведь речь идет о действительном характере стоимости, а не о том, в каком плане на нее смотреть.

При анализе вопроса стоимости, ее материальности или

идеальности, необходимо иметь в виду ряд сложных общественных процессов и отношений. К ним относится прежде всего формирование абстракций, в ходе которого происходит, как отмечал Маркс, «совлечение плоти» с товарных тел.

Отправным пунктом политэкономии Маркс считал разделение труда на частный (отдельный) и всеобщий (абстрактный). Выделение общественного труда — это, по существу, образование абстракции, к которой может быть сведен любой труд. Благодаря выделению абстрактного труда результаты отдельных частных трудов оказываются соизмеримыми. Маркс дает наглядное сравнение. Площадь всякого треугольника равна произведению его полуоснования на высоту. Формула площади треугольника — математическая абстракция, но не беспочвенная: за нею стоят реальные пространственные соотношения фигур. Всеобщий труд — такая же абстракция, но за нею стоит труд массы людей, осуществляющийся в особой социальной организации. Во всеобщем труде все отличительные особенности частного труда — затраты энергии, движение и изменение вещества, волнения и страсти — все отошло, осталась одна суть, которая в результатах отдельного труда будет представлена лишь количественно.

Образование абстракции «всеобщий труд» — не только мыслительная работа теоретика, но и процесс, осуществляющийся в самой реальности. Абстрактный труд «как таковой вообще не существует...»²³: он — объективная субстанция человеческих отношений, представленная в конкретном труде. Хотя он лишен самостоятельного существования и чувственно-воспринимаемых свойств (обнаруживается только в своей противоположности — в результате конкретного труда), для его характеристики Маркс не прибегает к понятию «идеальное». Абстрактный труд в товарах проявляется как их сверхчувственное свойство, а в сознании людей как «мысленно представляемое» свойство.

Представленность абстрактного труда в результатах конкретного труда, в товаре, обнаруживается в их сверхчувственном свойстве, в стоимости. Но стоимость — это не свойство вещей, а отношения людей, которые выступают как свойства вещей. Абстрактный труд — не труд вообще, а труд, осуществляющийся в определенных общественных отношениях, это труд, создающий стоимость. Поэтому здесь

возникает необходимость в новом витке рассуждений, предметом которых явятся отношения людей.

Но и пройденный путь преодолен не напрасно. Созданы абстракции как в самой реальности, так и в сознании людей. Сверхчувственные свойства вещей в сознании выступают как их мысленно представляемые свойства, как стоимость; абстрактный труд — как объективная субстанция общественных отношений и как категория политической экономии; деньги — как непосредственная форма существования абстрактного труда и как понятие сознания людей; наконец, цена — как количество содержащегося в товаре абстрактного труда и как осознанная денежная форма стоимости. Созданы все абстракции, посредством которых буржуазные производственные отношения могут быть выражены понятийно — сознанием людей и предметно — объективным отношением вещей.

Необходимо различать отношения людей в производстве, общественной жизни и выражение этого отношения в товарах. Отношения людей, бесспорно, материальны, ибо люди связаны друг с другом как органы единого общественного труда, обмениваются результатами труда, особым образом относятся друг к другу по поводу продуктов труда. Но совсем другое дело, когда бурная деятельность людей получает вещное выражение и товары противостоят друг другу как стоимости, выражая количество содержащегося в них абстрактного труда. Этим все меняется. На одном уровне живой труд, затратой умственных и физических сил преобразующий вещество и энергию; на другом — содержащийся в вещах «мысленно представляемый» абстрактный труд. На одном уровне есть живые отношения людей, полные драматизма и накала страстей; на другом — стоимостные противостояния вещей. Второй уровень — лишь застывшее, абстрактное выражение первого. Абстрактное, существующее, однако, в объективной действительности как представленное в объектах труда и отношений людей.

В стоимостном отношении материальность труда и человеческих связей снята, она растворена, представлена в материальности совсем другой, природной реальности. В стоимостном отношении товары материально противостоят как потребительные стоимости, которые Маркс не отличал от природных свойств вещей. Как стоимости товары противостоят друг другу идеально, что обнаруживается только тогда,

когда стоимость определена и выражена сознанием как цена.

В спорах о стоимости, во-первых, всегда упускается различие между живым стоимостным отношением и выражением этого отношения. Во-вторых, как аксиома принимается мысль, что стоимостные отношения могут быть выражены только сознанием. Между тем у Маркса исследование построено так, что стоимостные отношения сначала выражаются предметно, вещно и только затем сознательно.

Поскольку Маркс анализирует общественный процесс в двух планах — как деятельность людей и как движение товарных тел, то общественные отношения, в частности стоимостные, получают у него двойное выражение. Люди выражают стоимость как мысленно представляемое свойство вещей, товары — как свое идеальное свойство. «Меновая стоимость, — пишет Маркс, — ...только проявляется как воображаемая или представляемая в виде вещи, но она не обладает никакой реальностью, кроме как в самих товарах, поскольку в них оуществвлено определенное количество рабочего времени»²⁴.

Маркс исследует не товары, а отношения. Отношения же «...могут быть выражены только в идеях»²⁵. Предметное выражение отношения, разумеется, может быть только идеальным. Стоимость, выраженная в товарах, идеальна, во-первых, потому, что в ней нет никаких признаков материальности. Материальная деятельность, образующая стоимость, материальные отношения, в которых стоимость образуется, но сама стоимость как результат деятельности, как вещное выражение общественных отношений признаками материальности не обладает. Во-вторых, стоимость идеальна как представленная форма. Один товар своим материальным бытием идеально представляет стоимость другого, а стоимостные отношения всего товарного мира идеально представляют материальные отношения людей. Как экономические отношения стоимость материальна. Как представленные и выраженные в товарах экономические отношения стоимость идеальна. В этом и состоит вся сложность, что одни материальные отношения, представленные и выраженные в других, — идеальны. В-третьих, стоимость идеальна, так как зависит от сознания людей. Стоимостное отношение товаров не реализуется, а значит, вообще и не существует, если сознание так или иначе не раскрывает его и не обеспечивает движение товаров.

Почему же так упорно отстаивается мысль о материальности стоимости? Дело, очевидно, еще в том, что стоимость всегда имеет материальное воплощение, а ее конкретная реализация всегда осуществляется в форме движения материальных тел. Идеальное в товаре никак не удается оторвать от его материальной основы. То, что на уровне отношений людей выступает как диалектика конкретного (отдельного) и всеобщего (абстрактного) труда, на уровне товарных отношений выступает как диалектика потребительных стоимостей и «мысленно представляемых», идеальных стоимостей. Стоимости могут противостоять друг другу только в форме своей противоположности — материально, телесно. Поэтому выражать стоимость можно мысленно, идеально; платить — надо наличными.

Маркс в «Капитале», как и в книге «К критике политической экономии», приходит к выводу об объективном противоречии товара, признанию наличия в нем материальной и идеальной сторон, обнаруживающихся четко в процессе обмена товаров, особенно с проявлением денег. Чтобы постоянно чувствовалось и виделось участие людей в движении товаров, Маркс в этой части исследования понятия «идеальное» и «мысленно представленное» постоянно ставит рядом.

Маркс пишет: «Каждый товаровладелец знает, что он еще далеко не превратил свои товары в настоящее золото, если придаст их стоимости форму цены, или мысленно представляемого золота, и что ему не нужно ни крупинки реального золота для того, чтобы выразить в золоте товарные стоимости на целые миллионы. Следовательно, свою функцию меры стоимостей деньги выполняют лишь как мысленно представляемые, или идеальные деньги...»²⁶. «Итак, чтобы на деле выступить в качестве меновой стоимости, товар должен совлечь с себя свою натуральную плоть, превратиться из мысленно представляемого золота в золото действительное. ...Наряду со своим реальным образом, например, образом железа, товар может обладать в цене идеальным образом стоимости, или мысленно представляемым образом золота, но он не может быть одновременно действительным железом и действительным золотом»²⁷. «Товар реально есть потребительная стоимость: его стоимостное бытие лишь идеально проявляется в цене, выражающей его отношение к золоту, которое противостоит ему как реальный образ его стоимости. Наоборот, вещество золота играет роль лишь материализа-

ции стоимости, т. е. денег. Поэтому золото реально есть меновая стоимость. Его потребительная стоимость пока лишь идеально обнаруживается в ряде относительных выражений стоимости, при помощи которых оно относится к противостоящим ему товарам как к совокупности своих потребительных форм. Эти противоположные формы товаров представляют собой действительные формы их движения в процессе обмена»²⁸.

По Марксу, в товаре в рамках стоимостного отношения объективно заключены две стороны — материальная и идеальная. Они представляют собой «действительные формы» движения товаров «в процессе обмена». Данная мысль важна не только тем, что выводит идеальное за рамки индивидуальной человеческой головы, но и тем, что признает возможность конкретного соприкосновения, взаимодействия феноменов сознания и феноменов материальной жизни общества.

В философской среде чувствуется, и очень явственно, идейная и психологическая оппозиция мысли о каком-то реальном единстве сознания и внешней объективности. Мы так прочно сформировали свое мировоззрение на принципах противоположности материи и сознания, материального и идеального, что какая-то конкретизация этих принципов, при которой абсолютная противоположность полюсов все более обнаруживает свою относительность, кажется нам разрушением самих принципов. Только в начале 70-х годов появились серьезные работы по диалектике объекта и субъекта, объективного и субъективного. Они, бесспорно, содействовали изменению взглядов на взаимосвязь общественного сознания и общественного бытия, материального и идеального. В начале 80-х годов в философских работах стали высказываться мысли, что действительность есть единство материального и идеального. Мысль эта высказывается в самой общей форме, и только как такая она терпимо воспринимается. Но попробуйте перевести ее в конкретную форму. Возьмите любую вещь, пусть номерок из общественного гардероба. Его вещная фактура (жест, пластмасса, картон) владельца не интересует. Он видит в нем не его материальное, а идеальное содержание. А идеально номерок — это шуба, оставленная в гардеробе. И если там ему номерок на шубу не обменяют, то вся государственная система, обеспечивающая наши гражданские отношения, встанет на его

защиту и признает в номерке шубу. Так вот, попробуйте выступить в дискуссии с таких позиций, и вы встретите серьезное непонимание. Оппоненты ваши как будто потеряют воображение, способность к абстракции, они будут крутить несчастный предмет и скажут, что в вещи, «самой по себе», ничего идеального нет.

В вещи «самой по себе», конечно, ничего идеального нет и быть не может. Но философа такая вещь и не интересует. Его интересует вещь в системе общественных отношений, а здесь она приобретает свойства, часто очень далеко отстоящие от ее природных свойств. Маркса в «Капитале» интересуют именно эти свойства. Природное бытие товара он не считает объектом исследования даже для политэкономии — оно предмет внимания товароведения.

Среди общественных свойств вещей (у Маркса — товаров) есть и такие, природу которых невозможно сразу и однозначно определить: они как будто продолжение сознания в предметном мире или, наоборот, проникновение предметного мира в область сознания и существуют только «как воображаемые или представляемые в виде вещи»²⁹. К числу таких свойств Маркс относит прежде всего стоимость. Но не только стоимость: в буржуазном способе производства и буржуазном сознании он обнаруживает целую схему подобных реальностей и называет их «объектными мыслительными формами для производственных отношений».

Идеальное. Методологический урок К. Маркса

Маркс не подходит к идеальному как к чему-то налично существующему. Как и все общее, сущностное в обществе, оно для него — «становящийся результат». Выявляя становление идеального, Маркс параллельно обнажает его основные черты, отличительные особенности, социальные функции.

В центре внимания Маркса, как известно, был способ производства материальных благ, взаимодействие человека с природой и людей друг с другом в процессе производства. Выделение двух материальных систем, природы и общества, является исходным для всего дальнейшего рассуждения Маркса. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» эта исходная позиция отмечена точно.

Производство вовлекает вещество природы в общественную систему. Предметы природы выделяются из своей среды и внедряются в общественную среду. Здесь надо заметить, что свойства объекта обусловлены не только его внутренней структурой, но и его внешним окружением, системой, элементом которой объект является. Объектам присущи черты всей системы. Когда объект переводится в другую систему, то в нем возникают новые черты. Гегелевская категория «положенное» обозначала свойства объекта, не изначально присущие ему, а сформированные, развитые в нем внешней системой. Эта категория означала, что причина свойств лежит не в самом предмете, а в чем-то другом, внешнем по отношению к предмету.

У предмета природы, который производство вовлекло в определенную общественную систему, Маркс обнаруживает черты, свойственные этой системе. В буржуазном обществе (и, надо подчеркнуть, прежде всего в нем), основой которого является товарное производство, у предмета природы формируется общественное свойство, и им оказывается меновая стоимость. Маркс подчеркивает, что стоимость не природное, а общественное свойство, оно положено предмету общественной системой и присуще ему только в рамках данной системы.

Положенное — у Маркса первая категория, посредством которой он раскрывает идеальное. Положенное — это еще не идеальное, но первая, и в историческом плане и в логическом, сущностная черта идеального. Смысл этой черты состоит в том, что идеальное не обладает собственной *cuisa sui* (причиной самой себя). Его причиной и условием существования является деятельная жизнь общества, а точнее, те отношения, которые в жизни общества складываются.

О том, что идеальному для его существования необходимо деятельное начало, неоднократно писал еще Гегель. Он видел такое начало в мировом духе. По Марксу, причиной идеального выступает общество.

Итак, идеальное выступает первоначально как положенное, то есть как свойства материального объекта, обусловленные его общественным бытием. Поскольку это так, то обнаруживается другая особенность: положенное (идеальное) не имеет самостоятельной формы существования, оно существует только как представленное. Маркс определяет идеальное как *quid pro quo* (появление одного вместо дру-

гого). Для него идеальное — это представленная форма. Он пишет так: «...ideele, oder Vargestellte Form» (идеальное, или представленная форма). Стоимость, которая сначала выступила как положенное, как общественное свойство вещи, сейчас раскрывает себя как представленные в предмете общественные отношения.

Представленная форма существования обуславливает связь идеального с материальным. Идеальное противоположно материальному: оно не имеет в самом себе причины существования, не имеет самостоятельной формы бытия, не обладает никакими признаками материальности. Все это так, потому что положенное и представленное в материальных объектах не имеют никакого отношения к самим объектам. Положенное и представленное имеют отношение к общественной системе, и существуют в объекте, пока объект функционирует в рамках данной системы. Но именно потому, что идеальное нематериально, оно неразрывно связано с материальным и вне материального существовать не может. Идеальное выступает как иное бытие материального. Когда одно материальное выступает вместо другого, то последнее содержит в себе идеальное. Железо как товар — это натуральное железо и идеальное золото. Золото идеально представлено в железе. Товар золото — это натуральное золото и идеальное железо. Железо идеально представлено в золоте. В таком плане идеальное и выступает как представленная форма, как *quid pro quo* в своей противоположности и единстве с материальным. Положенное, представленное, нематериальное получает свое действительное бытие только тогда, когда оно достигнуто, охвачено, озарено, так или иначе принято сознанием.

Всегда есть большой соблазн от сознания идти к значению материальных объектов; дескать, сознание заставляет материальные объекты функционировать социально и тем самым придает им идеальное содержание. Разумеется, в практике такое встречается: можно произвольно менять систему дорожных знаков, можно разработать и принять любую символику. Но когда дело касается базисных основ общественной жизни, то содержание, свойство материального определяется не сознанием, а общественной практикой. Сознание только постигает, раскрывает общественное содержание материального, получая тем самым свое собственное содержание.

От сознания к идеальному идут те, кто принял на вооружение концепцию «идеальное — субъективная реальность». При этом они любят ссылаться на Маркса, на его сравнение в «Капитале» архитектора с пчелой. Архитектор, в отличие от пчелы, прежде чем приступить к делу, имеет в голове готовый результат. Отсюда делается общий вывод: идеальное только в голове человека; во внешнем мире лишь материализованное сознание. Что можно сказать по этому поводу? Подобно марксовскому архитектору поступает любой современный человек. Но почему он так может поступать? Да потому, что в нем так или иначе представлены вся история человеческого развития и современное ему общество. Философу, желающему делать выводы из примера Маркса с архитектором, следует помнить, что он имеет дело с готовым результатом, в котором необходимо различать следы становления, развития. Если он замечает, что идеальное существует в голове индивида как его сознание, то опять-таки необходимо помнить, что сам индивид существует лишь в качестве отдельного органа особой организации людей, способом бытия которой является производство. Маркс именно так подходил к идеальному и сознанию, что следует не из отдельной цитаты, а из всего метода; поэтому он не начинает с сознания, чтобы перейти к идеальному, а начинает с производства, чтобы через все промежуточные ступени — положенное, представленное, идеальное — прийти к сознанию.

Итак, представленное, нематериальное становится объективной реальностью, приобретает статус действительности лишь тогда, когда сознание людей раскрывает (так или иначе, истинно или превратно) содержание материальных объектов и толкает их в дело в соответствии с их содержанием. Необходимо, чтобы владелец железа видел в своем товаре золото и поступал с ним соответственно; а владелец золота должен видеть в своем товаре железо и поступать с ним соответственно. Натуральное железо в сознании человека преобразовано и выступает как золото. Натуральное золото в сознании человека преобразовано и выступает как железо.

Владелец товара отлично понимает, что его товар лишь мысленно представляемое золото или железо. Но именно потому, что в реальных отношениях вещей одно представлено в другом (идеальное золото в натуральном железе и

наоборот), мысленно представляемое золото (железо) — не вздор, а отражение объективного отношения вещей. Идеальное как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, ничего другого не означает, как постижение человеком в различной степени близости к сущности социального содержания материального.

Идеальное обнаруживает, таким образом, еще одну черту — зависимость от сознания. Оно обладает объективной стороной, лежащей за пределами сознания, в области общественной практики, и лишь косвенно, через практику, связанной с сознанием. Здесь идеальное выступает как представленная форма. Но идеальное и непосредственно связано с сознанием, оно само выступает как сознание. В этом плане идеальное, оставаясь представленной формой, является еще и пересаженным в человеческую голову материальным. Только друг через друга две стороны идеального получают свое реальное содержание.

Но мало того, чтобы представленное в материальном общественное содержание было признано сознанием. Необходимо, чтобы такое признание стало всеобщим, стало общезначимым в общественной практике. Только в том случае, когда общезначимость утверждает себя, идеальное, наконец-то, выступает в завершённой форме, действительно как идеальное — как положенное, представленное, нематериальное, общезначимое.

Маркс последовательно раскрывает объективный процесс становления идеального. Выделив стоимость как положенное свойство продукта труда, он дальше показывает его закономерное развитие. Стоимость разделяется на относительную и эквивалентную. Причем первоначально товары как материальные носители стоимости в равной мере могут выступать как в форме относительной стоимости, так и в форме эквивалентной. С развитием это равенство исчезает. Выделяется один всеобщий товар-эквивалент, идеально содержащий в себе свойство всех других товаров. Первоначально положенное общественное свойство материального объекта непомерно возрастает и вытесняет на второй план его природные свойства. Процесс вытеснения природных свойств предмета и установление торжества общественных свойств получил свое завершение с появлением бумажных денег. Материальная фактура их ничтожна и случайна, а социальное могущество беспредельно. Природная сущность

предмета оказалась «проглоченной» его общественным свойством, а сам предмет стал «кристаллом общественных отношений», наиболее полно, емко, сильно представляющим сущность этих отношений. Завершился цикл общественного развития: положенное в предмет природы общественное свойство, слабо и отдаленно отражающее отношения общественной системы, само стало источником света, движения и жизни этой системы. В метаморфозе социальной предметности деятельно участвует сознание, формируя свои, как будет показано в следующей главе, «мыслительные формы для производственных отношений». Именно сознание окончательно переворачивает все в обществе, и оказывается, что не производство образует деньги, а деньги производство; не товары превращаются в деньги, а деньги в товары; не люди распоряжаются стоимостью как результатом своего труда, а стоимость, подобно древним богам, властвует над людьми, ибо власть эта общепризнанна.

Только с того момента, когда стоимость выступает в своей денежной форме, когда ее материальное бытие случайно, незначимо и просто не замечается; когда ее бытие обусловлено реальным отношением людей и силой общественного мнения, Маркс называет стоимость идеальной.

Следует ли думать, что для Маркса формы стоимости, предшествующие денежной, материальны? Дело в другом. Для Маркса идеальное отнюдь не означает дух, все содержание которого исчерпывается его противоположностью материи. Идеальное для него, как и для Гегеля, содержательная категория, основными сторонами которой являются положенное, представленное, невещественное (чувственно невоспринимаемое), зависимое от сознания. Только как конкретное единство этих сторон проявляется и идеальное. Причем идеальное не вообще противоположно материальному, а противоположно ему каждой своей стороной идеальное — положено; материальное — субстанционально; идеальное — представлено; материальное существует налично; идеальное — невещественно (сверхчувственно); материальное — вещественно, чувственно воспринимаемо; идеальное связано с сознанием; материальное не зависит от сознания. Перечень противоположных сторон материального и идеального можно продолжить. Так, если материальное всегда налично существует, то идеальное постоянно возникает и

исчезает. Очевидно, при исследовании действительности необходимо различать, где идеальное присутствует в своей полной, завершенной форме, а где только отдельными сторонами.

Итак, для Маркса идеальное — вполне определенная реальность. Оно (идеальное) не сливается у него с сознанием, как, например, у Фейербаха, и не является просто характеристикой сознания, как у многих советских философов; оно есть реальность, которую можно отличить как от материального, так и от сознания.

Идеальное как реальность формируется и существует в обществе, в социальной жизни человека. В позиции Маркса своеобразно соединились те истины, которые были добыты в ходе развития философии: признание существования идеального отдельно от материи и человека (Платон, Гегель) и признание идеального творением человеческой личности, отражением личностью внешней реальности (Локк, Фейербах).

Марксу удалось соединить эти две линии, потому что для него идеальное существует не в природном, а в общественном теле. Таким телом является вся социальная организация: с одной стороны, сами люди, образующие системой своих отношений общество, с другой — внешний по отношению к личности вещный мир, объективировавший общественную жизнь людей.

Идеальное формируется не в индивидуальной мыслительной, созерцательной деятельности человека, а в производственной практике. Оно возникает в предметах деятельности, потому что складывается в человеческой голове; и возникает в голове человека потому, что формируется в предметах его деятельности. Оторвать друг от друга эти полюсы образования и существования идеального нельзя: исчезает само идеальное. Единственный выход из порочного круга состоит в признании того, что само идеальное не является чем-то однородным, элементарно простым и поэтому возникающим вдруг, словно озарение. Идеальное многосложно, отдельные его стороны формируются в практической деятельности независимо от наличного сознания. В единстве с сознанием идеальное выступает уже на завершающей стадии становления.

В философской литературе высказываются мнения, что

идеальное возникает в процессе орудийной деятельности и функционирования во многом еще природного, становящегося социального организма раньше сознания. Мысль привлекательна: она во многом снимает трудность в решении вопроса о переходе от природных сообществ к социальным, пользующимся сознанием организациям. Но если следовать методу Маркса, то необходимо признать, что в деятельности до сознания складываются лишь стороны идеального — положенное, представленное, сверхчувственное и т. д. Идеальными Маркс называет эти свойства, когда они постигнуты сознанием, приобрели значение всеобщего и уже в качестве таковых включены в деятельность общественной системы. Идеальное не только социальное порождение, но и сила, действующая в материальной и духовной сферах жизни общества.

Обращение к идеальному является обязательным методологическим требованием, когда исследование общественной системы ведется на самом глубоком уровне ее отношений. Это так, потому что отношения не поддаются чувственному восприятию. Социальные чувства возникают по поводу отношений, но сами отношения остаются сверхчувственными. Для объективного исследования отношения должны быть поняты как представленные в предмете (вещи). Механизм действия общественных отношений на субстанциональном уровне может быть раскрыт только как движение, как превращение отношений в предмет, а предмета в отношения; как превращение материального в идеальное, а идеального в материальное. Такой методологический урок необходимо извлечь из работ К. Маркса.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 14.

² Там же, с. 29.

³ Гегель. Наука логики. М.: Мысль, 1971, т. 2, с. 41.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 83.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 17.

⁶ Там же, с. 12.

⁷ Там же, с. 28.

⁸ Там же, с. 31.

⁹ Там же, с. 53.

¹⁰ Там же, с. 73—74.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 45—46.

¹² Там же, с. 56.

¹³ Там же, с. 45.

- ¹⁴ Там же, с. 58.
¹⁵ Там же, с. 66—68.
¹⁶ Там же, с. 61.
¹⁷ Там же, с. 71.
¹⁸ Там же, с. 82.
¹⁹ Дубровский Д. И. Категория идеального в системе философского знания. — Филос. науки, 1983, № 1, с. 140—143.
²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 105.
²¹ Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. (Методические аспекты проблемы). М.: Политиздат, 1977, с. 29.
²² Там же, с. 30.
²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 381.
²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 98.
²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 108.
²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 106.
²⁷ Там же, с. 113.
²⁸ Там же, с. 115.
²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 98.
³⁰ Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. Предыстория. М.: МГУ, 1981, с. 232.

Глава IV

МАРКСОВА КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО И ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ

Признание идеального как особой реальности, отличной от материального и сознания, поднимает ряд вопросов теории сознания. Центральным является вопрос о связи индивидуального сознания с материальной действительностью. Имеет ли сознание личности непосредственную связь с предметностью внешнего мира или ему приходится пробиваться к предметности сквозь незримый полог идеального? Этот вопрос волнует как марксистов, так и буржуазных мыслителей XX века.

Побуждения и эмоции

Из всех компонентов, образующих сознание, побуждения и эмоции ближе всего подходят к «порогу» бессознательного. Недаром Гегель считал, что «чувство есть определение, вызванное в субъекте, который еще как бы не отделился от объекта»¹.

Ряд авторов (В. П. Тугаринов, Г. Н. Велиев и др.) полагают: идеально не только сознание, но и бессознательные

аспекты психики. Так ли это? Американский психолог Кэррол Е. Изард пришел к выводу, что человек, себя не осознающий, не воспринимающий свое существование, свою жизнь, фактически для себя и не существует. Он пишет о бессознательном: «В бессознательном состоянии, очевидно, отсутствуют перцептивные или когнитивные процессы, эмоции и сновидения. Мы не можем дать отчет о том, что случается тогда, когда мы находимся в бессознательном состоянии. Мы теряем представление не только об окружающем нас мире, но и о времени и месте. Мы живем, но не осознаем себя живыми ... В настоящее время признается, что некоторого рода «разумные процессы» действуют на предсознательном уровне (или на низком уровне сознания, вне фокуса сознания) и влияют на сознание и сознательные процессы»².

Данное положение вполне согласуется с выводами советских психологов (Г. Х. Шингарева³, С. Л. Рубинштейна⁴); процессы, обеспечивающие жизнь организма, но протекающие вне сферы сознания, к идеальному отношения не имеют. Это уровень гомеостатических механизмов (эндокринная, сердечно-сосудистая система), действующих независимо от сознания.

Сознание начинает проявлять себя на уровне побуждения (голод, жажда, боль, секс и др.). Наличие идеального на этом уровне психического и следует установить.

В качестве примера можно остановиться на переживании боли. К. Изард определяет боль как «физический дискомфорт или страдание, которое мы понимаем и осознаем»⁵. Он характеризует ее на клеточном, нервном, физиологическом уровнях и показывает, что в связи с сознанием боль выступает на уровне переживания. Для него боль «высоко индивидуально и личное переживание», но вместе с тем он признает зависимость силы боли от «аффективно-когнитивной ориентации на то, что произошло»⁶. Тем самым американский психолог выходит на признание социального содержания чувства боли. Если стимуляция боли остается за пределами внимания индивида, боль может не ощущаться. Если боль сочетается с положительной эмоцией, она переживается слабей; а страх, возникающий по поводу боли, усиливает ее. К. Изард не пишет об этом, но можно на основе его материалов сделать вывод, что люди, живущие сильной общественной страстью, переживают и выражают боль иначе,

чем люди, ограничивающие свои интересы собственной персоной. Советские авторы безоговорочно признают социально-культурную обусловленность побуждений вообще, и боли в частности. «Специфически-человеческое переживание боли, — пишет В. А. Лекторский, — предполагает осознание этого переживания как особого, отличного от всех остальных, включение его в контекст других состояний психической жизни, локализацию болевых ощущений на теле данного субъекта... осознание того, что боль — это всегда моя боль и поэтому не присуща отличным от моего тела объектам, наконец, определенное отношение к самой боли. Иными словами, хотя само по себе элементарное ощущение боли в отличие от восприятия или наглядного представления выражает не знание, а переживание, но и оно включено в определенные смысловые, в том числе познавательные структуры, относящиеся, с одной стороны, к внешним объектам, и с другой — к субъективному миру. Эти смысловые структуры усваиваются индивидом лишь по мере формирования его сознания, поэтому следует предположить, что само переживание боли на ранних этапах развития является иным, чем мы только что описывали. Младенец принципиально не может локализовать ощущение боли, потому что его тело еще не существует для него в качестве объекта. Поэтому он как бы весь сливается с собственной болью. Поскольку для него также еще сознательно не презентирована и область внешних объектов, можно сказать, что в случае болевого раздражения для младенца весь мир выступает как заполненный переживанием боли. Можно предположить и то, что даже это элементарное переживание (как осмысленное переживание) будет различаться в зависимости от культурно-исторических условий, во всяком случае в плане отношения к боли, в плане способов внешнего выражения этого переживания и т. д.»⁷.

Можно ли на основе приведенных мнений сделать вывод об идеальности переживаний боли? Очевидно, да! Но в чем заключается идеальность переживаний боли? В происходящих в организме клеточных или тканевых нарушениях? В стимуляции определенных рецепторов и нервных волокон? В состоянии пульса и дыхания? Нет! Все это только материальные основы переживания боли. Идеальное состоит в сознательном переживании чувства боли, обусловленном куль-

турно-социальным состоянием общества. Если данное утверждение справедливо по отношению к чувству боли, то в такой же мере оно справедливо по отношению к чувству голода, жажды, усталости, сексуальным переживаниям — вообще ко всем человеческим побуждениям как социальным явлениям, на что неоднократно обращал внимание К. Маркс.

Эмоции в отличие от побуждений еще в большей мере обусловлены внешней средой. Впрочем по данному вопросу единства взглядов нет. Буржуазные мыслители в качестве первопричины, побудителя эмоций рассматривают личность с ее психологическими и даже физиологическими особенностями. Социальное окружение признается лишь как фактор, оказывающий влияние на силу эмоций. Американские психологи Антробус, Сингер и Гринберг, проводившие исследования в 60—70 годы, пришли к выводу, что внутренние процессы субъекта конкурируют с внешней стимуляцией за доминирование в сознании. Кэррол Е. Изард полагает, что в основе эмоции лежит ощущение. Ощущение для него наиболее элементарный компонент сознания. Ощущение в связи со значением образует восприятие, или эмоции. Он предлагает следующее определение эмоции: «Эмоция (функциональная, отдельная) — это сложный феномен, включающий в себя нейрофизиологический и двигательно-выразительный компоненты и субъективное переживание. Взаимодействие этих компонентов в интраиндивидуальном процессе образует эмоцию, являющуюся эволюционно-биогенетическими явлениями; у человека выражение и переживание эмоции врожденно, общекультурно и универсально»⁸. Изард в своей теории эмоций, которую он называет дифференциальной, исходит из того, что различные эмоции связаны с различными перцептивными, переживательными, выразительными, когнитивными и двигательными ответами. В исследовании эмоций он идет от деятельности рецепторной системы и ее связи с соответствующим отделом мозга к представлению и сознанию и приходит к важному выводу о связи сознания с эмоциями. Содержание сознания у него возникает из представлений, с помощью которых субъект «дублирует», «имитирует» «некоторую характеристику окружающего мира». Вместе с тем признается обратное влияние сознания, эмоционального состояния на восприятие дейст-

вительности. Поскольку сознание обычно характеризуется определенным эмоциональным состоянием, то эмоции предшествуют восприятию и тем самым влияют на них, «фильтруют или другим образом изменяют сенсорные данные, передаваемые рецепторами. Такое взаимодействие эмоции с сенсорным «входом» обычно препятствует возникновению «чистого» ощущения на основе его регистрации в сознании»⁹. Изард в книге «Эмоции человека» приводит широкий интересный материал, иллюстрирующий социальное содержание эмоций, и параллельно постоянно подчеркивает: «Эмоции — продукт эволюционно-биологического наследства». «Стыд, подобно любой другой фундаментальной эмоции, зависит от определенного нейрохимического процесса»; «существует биологическая основа для развития этических норм... имеется генетическая основа для последующего развития чувства личной ответственности и вины»¹⁰. При такой позиции социальный аспект эмоций хотя и признается, но устойчиво держится на втором плане.

Психологи-марксисты прежде всего подчеркивают социальную природу эмоций. Они исходят из того, что человек в своем эмоциональном переживании реагирует как целостная личность, а не отдельными операциями своего восприятия. Механизм эмоционального отражения рассматривается не как биологически унаследованный, а как социально сформированный. Эмоции понимаются как отражение отношения человека с социальной средой или отдельными объектами, явлениями этой среды и определяются как интериоризованные социальные отношения. В соответствии с таким пониманием сущности эмоций их характер зависит от структуры и содержания предметно-преобразующей деятельности, общественных отношений, социальных установок и идеалов личности. К. Маркс отмечал, что и обыкновенные человеческие чувства, и высшие духовные качества человека возникают благодаря очеловеченной природе. Действительность, окружающая человека, наполнена человеческим содержанием, это «открытая книга» человеческой психологии. В ходе исторического развития эмоциональные способности формируются, передаются от поколения к поколению, качественно и содержательно изменяются в зависимости от характера господствующих общественных отношений. «Частная собственность, — пишет Маркс, — сделала нас столь глупыми и од-

носторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим его на своем теле, живем в нем и т. д. — одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физиологических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувств обладания»¹¹.

Побуждения и эмоции — это прежде всего природные явления. Но поскольку они включены в систему социальных отношений, то сами они становятся все более социальными, приобретая тем самым первую существенную черту идеального — положенное. Общество положено в человеческих побуждениях и эмоциях в форме их социального содержания. Об идеальности психического логично говорить лишь с того момента, когда в нем начинает обнаруживаться, просвечиваться, как сказал бы Гегель, определенная общественная система.

Образное сознание

Идеальность сознания чаще всего связывается с природой его образов. Сознание — это «...нечто субъективное, идеальное... субъективный образ объективного мира», — пишут авторы учебника «Основы марксистско-ленинской философии»¹². «Сознание — субъективный образ объективных вещей» — такие определения можно встретить во многих работах по проблемам сознания, особенно если авторы придерживаются концепции «идеальное — субъективная реальность»¹³. Я. А. Пономарев, например, определяет идеальное как образ, как отражение материи в сознании человека¹⁴. Он же считает, что образ — одна из необходимых форм отражения психических явлений, без которой психологи не обходились в прошлом и не смогут обойтись в будущем¹⁵. В связи с этим целесообразно остановиться на вопросе об идеальности образа, причем образа зрительного, так как к нему чаще всего обращаются исследователи данной проблемы.

Физические процессы, лежащие в основе рождения зрительного образа сознания, хорошо известны. Они неоднократно излагались в литературе¹⁶. Однако данные процессы

хотя и представляют собой отображение внешнего по отношению к человеку мира, но образа, в том идеальном смысле, как о нем принято говорить, не дают. Недаром физиологи в своих исследованиях образ в тканях мозга найти не могут. Прав был И. Дицген, когда писал: «Анатомическим ножом мы можем только заколоть дух, но никак не открыть его»¹⁷.

В рамках проблемы идеальности образов сознания могут быть рассмотрены: 1) вопрос происхождения образов; 2) вопрос предметности образов; 3) вопрос социальной, субъективной обусловленности образов.

Проблема возникновения образов сознания остается трудной и актуальной как для философии, так и для психологии. Длительное время в учении об образах сознания доминирующими были взгляды представителей гештальтпсихологии. Основатели данного направления в психологии Х. Эренфельс, В. Келер, М. Вертгаймер, К. Кафка исходили из того, что явления психики не образуются путем синтеза первоначально изолированных элементов. Они с самого начала предстают как «организованные целые гештальты»¹⁸. Превращение их в образы происходит путем «схватывания», «озарения».

В философской литературе данная концепция нашла выражение в так называемом эвристическом подходе. Суть его состоит в том, что образ понимается как модель, или как «мозговая модель», которая складывается в области бессознательного и вдруг озаряется светом разума¹⁹, когда человек сопоставляет ее с вещами внешнего мира²⁰. В развернутом плане излагает эту концепцию Д. И. Дубровский²¹.

В последние годы в советской и зарубежной психологии сложилось и продолжает активно развиваться другое направление, оно в основе формирования образов видит предметную деятельность человека. При таком подходе, характерном для работ Н. А. Бернштейна, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, Б. М. Теплова, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, образ не возникает вдруг, он строится в процессе деятельности.

Важнейшая роль в становлении образа принадлежит движению, представляющему собой не простую реакцию человека на внешнее раздражение, а акцию, решение задачи²². Роль движения в формировании образа особенно заметна на ранних ступенях онтогенеза. В связи с этим исключитель-

ный интерес представляют работы Джерома Брунера. Американский психолог изучал становление сознания ребенка на основе движения его глаз, рта, рук и манипулирования предметами. Он выявил, что в течение первых четырех — пяти месяцев жизни ребенка происходит становление и развитие двухфазного внимания, то есть способности успешно отвлекаться от одного предмета и обращаться к другому в поиске того, что интересует. Двухфазное внимание включает в себя способность регулировать и направлять внимание, координировать движение глаз и головы, а в целом образует автономную схему ориентировочной реакции, на основе которой образуется взаимодействие между рукой и глазом. Зрительное внимание ребенка распространяется и на движение рук. Элементарные движения — протягивание руки, схватывание предмета, притягивание его и отправление в рот — происходят под зрительным контролем ребенка. Причем рот в раннем возрасте выполняет функцию промежуточного звена между зрением и рукой и функцию конечной цели всего движения. Одновременно развивается способность предвосхищать результат действия. Ребенок еще только протягивает руку к предмету, но уже открывает рот. Пока зрительный контроль над движением рук слаб и неустойчив, сами движения осуществляются медленно, при соблюдении стереотипной последовательности (достижение—схватывание—протягивание—отправление в рот) и фиксации каждого этапа. С установлением полноты зрительного контроля все движения становятся более плавными, свободными от фиксированного порядка следования и последнего этапа — отправления в рот. Хватательная активность ребенка, осуществляемая зрительным контролем и на основе предвосхищения результата, приобретает свободу и может быть использована в самых разнообразных ситуациях, которые предоставит ребенку окружение. Способность связывать деятельность обеих рук под контролем зрения Дж. Брунер считает «одним из важнейших условий выхода человека за пределы наследия его предков-приматов и перехода в качественно новое состояние»²³.

Психолог выделяет три формы образов сознания, различающихся своим основанием: основанный на деятельности, на изображении и на символе. Все они, особенно первая, возникают на основе деятельности и способности предвос-

хищать события. Дж. Брунер определяет образ как «избирательный, одновременный и часто весьма обобщенный аналог переживаемого события»²⁴. Развитие образного отражения действительности предполагает последовательное овладение тремя сферами представления — сферой действия, иконической и символической, а также частичный переход одной формы в другие. Ребенок, например, в первые месяцы жизни определяет события теми действиями, которых они требуют. Чтобы восстановить в памяти пропавший из виду предмет, он выполняет соответствующие действия. И только со временем восприятие предмета получает автономию от действия.

В позиции Дж. Брунера привлекает то, что она позволяет подходить к образам сознания, а значит, и к идеальному как к социальному явлению. Для него рождение образа обусловлено прежде всего деятельностью ребенка с предметами внешнего мира с помощью рук и глаз, в которой руке придается определяющее значение. Вполне в духе Ф. Энгельса психолог считает: изменение функций руки способствовало формированию человеческого разума. Он выразил убежденность, что «способ владения возможностями руки при формировании навыка и то, как она достигает полноты своих возможностей, могут сказать нам ... о мышлении человека... что приматы постепенно увеличивали способность пользоваться рукой как орудием разума»²⁵. В позиции Дж. Брунера должное внимание отводится материальным формам мышления. В ней учитывается факт, что мышление в значительной мере осуществляется с помощью инструментов, орудий, предоставляемых человеку культурой, что истинность мышления зависит от этих орудий не в меньшей мере, чем от пользующегося ими индивида. Объектом внимания ребенка с самого начала являются не только предметы внешнего мира, но и его руки. Ребенок глазами контролирует движение рук, следит за их положением, и это является базой для формирования противопоставления себя внешним вещам, для образования субъективного отношения к ним.

Выводы американского психолога во многом совпадают с результатами исследований советских ученых — Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии. Своими работами они доказали, что на ранних этапах развития психики субъекта ему еще не дан мир объективно-реальных предметов, а

значит, не существует и субъективного мира, мира сознания. Только овладевая предметами внешнего мира, субъект образует и свой субъективный мир. В. А. Лекторский пишет в связи с этим: «Внутренние процессы возникают как следствие «интериоризации», т. е. «вращения», перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществлялись во внешней форме и направлены на внешние предметы ...внешняя деятельность в виде оперирования теми или иными предметами, знаками, схемами и т. д. — это не просто одно из средств объективизации мышления, совершающейся «в уме», а ее настоящая основа и исходный пункт формирования»²⁶.

Советские психологи проводят значительную работу по исследованию становления образа, по выяснению роли рук, глаз, внешних объектов в формировании образа. Ю. Б. Гиппенрейтер сообщает о следующем эксперименте с детьми 3—4 лет. Дети в таком возрасте считают предметы, направляя на них указательный палец. Когда предметы близко расположены, а детям на руку надевают варежку, которая устанавливается сразу на несколько предметов, счет нарушается. Дети не умеют считать «глазами». Эта способность формируется постепенно. Первоначально глаза следуют за рукой. Как пишет Ю. Б. Гиппенрейтер, «двигательная система глаз получает копии эффекторных команд, посылаемых руке. Благодаря этим копиям обеспечивается согласованное движение глаза с движением рабочей точки руки ... рука, образно говоря, «ведет» за собой глаз». В дальнейшем глаз двигается уже одновременно с рукой. Наконец, «движение глаз «отщепляется» от движения руки и обретает самостоятельность»²⁷.

В ходе развития перцептивных способностей человека претерпевает изменения и роль движения в формировании образа. Движение сокращается, и в конечном счете формирование образа превращается в мгновенный акт усмотрения объекта. Очевидно, следует согласиться с выводом, к которому пришел А. Н. Леонтьев: «Какую бы форму ни принимала перцептивная деятельность, какой бы степени редукции или автоматизации она ни подвергалась в ходе своего формирования и развития, принципиально она строится так же, как деятельность осязающей руки, «снимающей» контур объекта»²⁸.

Образ сознания возникает, следовательно, в результате активной деятельности человека. Важнейшими компонентами этой деятельности являются мозг, глаза, рука и предмет. Само движение никак не сводится к механическому манипулированию предметом в пространстве. По выражению Н. А. Бернштейна, оно есть «живое движение», решение «двигательной задачи». Здесь преодоление пространства соединяется с преодолением времени, когда прошлый опыт и ориентация на будущее спрессовываются в настоящий временной интервал²⁹. В ходе деятельности складывается умозрительный аналог внешнего объекта, который заменяет собой предмет и которым человек может свободно манипулировать в своем сознании вследствие его умозрительности, нематериальности.

Если мы предположим, что образ сложился, тогда возникает вопрос о его связи с внешним миром, с предметом (явлением) этого мира. Это старая философская и психологическая проблема, имеющая уже свои традиционные решения. В философии — это проблема интенциональности сознания; в психологии — проблема предметности сознания.

По данному вопросу в советской литературе высказываются две точки зрения: (1) образ сознания находится в голове человека, а человек мысленно соотносит его с материальным объектом, как бы накладывает его в пространственном и временном измерении на объект; (2) образ сознания находится не в голове человека, а вне ее, в соединении с объектом отражения. Первую точку зрения наиболее четко выразил А. Г. Спиркин. «Чувственные образы, — пишет он, — существуя у нас в голове, осознаются нами как существующие вне нас... Перенос образов вовне есть не что иное, как соотнесение этих образов с тем местом, с той обстановкой, с теми предметами, которые были отражены в мозгу»³⁰. В соотнесении образов и заключается, по мнению А. Г. Спиркина, их осознание. При этом он ссылается на К. Маркса как на человека, давшего «самое ясное определение этого феномена».

Действительно, Маркс в «Капитале» пишет: «Световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, как объективная форма вещи, находящейся вне глаз». Обратим, однако, внимание на то, что Маркс не пишет об образах головы, вынесенных вовне. Он пишет о «физическом отношении между физическими вещами», о воздействии

света, отбрасываемого внешним предметом на другой предмет — глаз³¹. Глаз световое раздражение не замечает, а воспринимает как внешний предмет. Аналогичную ситуацию, отмечает Маркс, переживают люди. Они смотрят на товар — результат своих собственных общественных отношений, а видят его как вещь со свойствами, присущими ей от природы. Вряд ли данное место в «Капитале» дает основание А. Г. Спиркину считать Маркса своим единомышленником по вопросу об интенциональности сознания.

Обычно решение проблемы предметности сознания связывается с функциональным содержанием образа, с его ролью «заместителя» объекта, процессов и с двумя мыслительными операциями: выделением отношений и структур, подобных оригиналу, и соотносением выделенных структур с предметом. Однако именно с соотносением образа с предметом внешнего мира возникают большие трудности. Если подойти к образу с позиций гештальтпсихологии, то будет совершенно непонятной предметная соотношенность образа. Неразрешимой проблемой остается вопрос, «как перцептивный образ может быть отнесен наблюдателем к внешнему предмету, если последний, согласно принятому допущению, существует для субъекта лишь в форме созерцания, лишь в виде субъективного образа»³².

Трудности о понимании предметности образа остаются до тех пор, пока мы сами предмет рассматриваем только как внешний раздражитель, который подлежит расшифровке деятельностью мозга. Но эти трудности снимаются, если человеческую активность рассматривать психологически как внешнюю целесообразную деятельность, включающую в себя объект «как свой собственный органический компонент»³³, то есть в конечном счете признать, что образ сознания соединен с объектом отражения. Такой подход и разрабатывается в последние годы советскими психологами. Если образ сознания складывается в процессе деятельности, составным элементом которой является объект, то восприятие объекта непосредственно или опосредованно будет подчинено свойствам объекта, чем обуславливается и предметность образа, и адекватность его объекту. Вопрос о соотношении образа с внешним объектом просто снимается.

А. Н. Леонтьев полагает: «Психически такого особого акта «обратного проецирования» ...просто не существует... для субъекта не существует никакой структуры, которая

могла бы быть вторично соотнесена им с внешним объектом, подобно тому как он может соотнести, например, свой рисунок с оригиналом».

Одновременно решается и вопрос о том, где локализован образ—в голове человека или во внешней предметности. А. Н. Леонтьев пишет об этом так: «Как и деятельность осязающей руки, всякая перцептивная деятельность находит объект тем, где он реально существует, — во внешнем мире, в объективном пространстве и во времени... В акте восприятия субъект не соотносит своего образа вещи с самой вещью. Для субъекта образ как бы наложен на вещь»³⁴.

Это не только взгляды А. Н. Леонтьева, это точка зрения современной психологии, в частности Ю. Б. Гиппенрейтер, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, в соответствии с которой чувственная ткань образа слита с предметным содержанием воспринимаемой действительности, находится во внешнем трехмерном пространстве.

Рассмотрим образ сознания со стороны его связи с субъектом. Образ отражает внешний мир, но он несет в себе определенные черты, зависящие от субъекта как природного и социального существа.

В свое время Джон Локк разделил свойства материального мира на первичные и вторичные. С тех пор существует вопрос о соотношении этих свойств. На языке современной философии проблема звучит только несколько иначе: о соотношении свойств, обнаруживающихся во взаимодействии «объект—объект», и свойств, обнаруживающихся во взаимодействии «объект—субъект». Для советских философов проблема эта в основном решена: несовпадение свойств объективного мира, обнаруживающихся в различных взаимодействиях, общепризнанно. Дело, однако, в том, что в работах по проблеме сознания авторы, как правило, исходят из «постулата непосредственности» отражения, а это значит: в теоретическую концепцию образа с самого начала вкрадывается некорректность.

Совершенно прав А. Н. Леонтьев, когда заявляет, что в исследовании психологии восприятия необходимо исходить из факта, что мир в его «отделенности от субъекта амодален», что только «при возникновении субъективно-объективных связей, взаимодействий возникают многообразные и к тому же меняющиеся в процессе био-

логической эволюции от вида к виду модальности»³⁵. Несоответствие между образом и объектом обусловлено уже биологической природой человека. В признании этого факта нет и тени агностицизма, ибо человек потому и умен, что преодолевает ограниченность чувственного восприятия мира и в процессе познания постоянно осуществляет «переход через чувствительность, через сенсорные модальности к амодальному миру»³⁶.

Другим фактором, обуславливающим субъективность образа, является уровень развития общественной практики. Человеку раскрывается мир не просто в пространстве и времени, а в особом «квазиизмерении или квазипространстве» — пространстве общественной практики. Это пространство образует «структурные формы и схемы», о которых так настойчиво и аргументированно говорил в своих работах Э. В. Ильенков. Снова приходится соглашаться с А. Н. Леонтьевым, утверждавшим, что «основу познавательных процессов составляет не индивидуальная практика субъекта, а «совокупность человеческой практики» ...не только мышление, но и восприятие человека в огромной степени превосходят своим богатством относительную бедность его личного опыта»³⁷.

Общественный опыт, запечатленный в «структурных формах и схемах» (этике, языке, культуре, орудиях труда и пр.), усваивается человеком с первых дней жизни. Передачу этого опыта, а одновременно и раскрытие ребенку мира интуитивно осуществляют родители своим ласковым воспитанием младенца в первые недели и месяцы его жизни. И. С. Кон об этом пишет: «Главным источником информации о себе, как и о других, являются для ребенка взрослые, которые в буквальном смысле слова определяют, кто он такой. Родители называют ребенка, дают ему собственное имя, приучают откликаться на него, организуя тем самым систему его реакций. Они помогают ему осознать как то, что принадлежит ему (части тела), так и его собственную принадлежность — половую, семейную и т. д., оценивая поступки ребенка, они вырабатывают у него определенное эмоциональное отношение к себе, чувство собственной ценности»³⁸. Уже в возрасте до года у ребенка складывается посредством действий набор представлений об

определенных событиях. Ребенок знает и показывает, как он веселится (хлопает в ладошки, топает ножкой), как он любит маму, куклу (обнимает, целует) и т. д. Глубину содержания таких явлений, как веселье, любовь и пр., ребенок, бесспорно, не осознает, но у него на основе действий складывается о них представление. Это представление уже есть образ в его наиболее конкретной форме. Здесь движения, жесты осознанно выражают чувства, отношения. В наборе представлений-образов ребенок осваивает и научается выражать свой общественный опыт.

Развитие сознания связано с переходом к более общей схеме правил и более эффективным способам представления. Можно согласиться с мнением Дж. Брунера, что значительная часть научения состоит в своего рода переводе «одной представляющей системы в другую; мы как бы получаем возможность не просто следовать данным привычным путем, но и держать его в нашем сознании в качестве некоторого образа»³⁹. Такой наиболее общей и эффективной системой является язык. Слово и вообще вся техника и культура мышления в форме языка наиболее мощно и многогранно позволяют индивиду формировать образы сознания, посредством которых он приобщается к социальной жизни, превращает в свой духовный мир культурные ценности.

Наконец, субъективность образа в некоторой мере обусловлена индивидуальными особенностями субъекта и прежде всего его установкой. Установка, как ее определяют Д. Н. Узнадзе и его последователи, это «целостное состояние мобилизованности индивида на определенное действие, обусловленное потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией (уже имеющейся у него или только представляемой, ожидаемой)»⁴⁰. Концепция установки удачно выражает два момента образного отражения человеком действительности: активное отношение субъекта к внешнему миру и целостность субъекта (объект отражает не глаз, не мозг, а человека во всей совокупности его свойств). Восприятие, образное отражение действительности опосредовано установкой целостного субъекта.

Что же такое образ? Воспользуемся определением А. В. Запорожца и В. П. Зинченко. «Образы — это субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности. Образ — это целостное, интегральное отражение

действительности, в котором одновременно представлены основные перцептивные категории (пространство, время, движение, цвет, форма, фактура и т. д.)»⁴¹. К данному определению следует добавить: образ — это целостное, интегральное отражение действительности, в котором представлены как свойства объекта, так и свойства субъекта — природного и социального существа. Образ — представленная форма. Чувственная ткань образа представляет, с одной стороны, свойства материального объекта (процесса), с другой — свойства субъекта как природного и социального существа, а также объективно существующие, образованные общественной практикой структурные формы, схемы и значимости.

На уровне образа идеальное выступает в более развитой форме, чем на уровне эмоций. Здесь уже ясно дают себя знать общественно выработанные схемы и значения. Они усваиваются субъектом, в его психике сливаются с предметным миром. На уровне образа идеальное получает гораздо более мощное и глубокое содержание, здесь отдельное (например, образ-символ) уже выступает как общее.

Понятийное сознание

Во всем философском учении о сознании вопрос о понятиях, пожалуй, наиболее разработан. Тем не менее и сегодня существует злободневная проблема. Состоит она в следующем: формирует ли общество понятия, отталкиваясь непосредственно от материальной действительности, или между этой действительностью и понятийным уровнем сознания лежит еще реальность? Если такая реальность есть, то какова она — материальна или идеальна? Поиски ответа на эти вопросы и составляют содержание данного раздела.

Материалистическая философия традиционно выводит сознание из соотношения человека и природы. Убедиться в этом легко, прочитав соответствующие страницы сочинений Джона Толанда⁴², Кондильяка⁴³, Н. Г. Чернышевского⁴⁴ и многих других. Марксизм продолжил материалистическую традицию, серьезно изменив как понимание человека, так и понимание действительности, во взаимодействии с которой рождается и существует сознание. Советские философы, например Ф. И. Хасхачих, Б. В. Шорохова, А. П. Шептулин, А. Г. Спиркин, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом

обращают особое внимание на общественную сущность человека, на его деятельную, трудовую природу. Сознание во всех работах рассматривается как свойство общественного существа. Что же касается действительности, то ее общественный аспект чаще всего остается вне внимания философов.

Вот как писал в 1967 г. о сознании А. П. Шептулин: «Сознание представляет собой не что иное, как осознание общественного существования, своей связи с предметами внешнего мира и последних между собой. Дикарь, у которого появляется проблеск сознания, впервые замечает самого себя, то, что он чувствует, а вместе с этим и то, что вокруг него существуют предметы, которые определенным образом соотносятся с ним и между собой. С возникновением сознания дикарь осознает свои инстинкты. Сознание инстинктов приводит к тому, что он начинает понимать смысл своих действий. Если раньше для того, чтобы достать плод, он пользовался палкой механически, автоматически, без понимания существа этой операции, то теперь он уже начинает понимать, что палка используется им в указанных действиях потому, что она способна восполнить расстояние, отделяющее его руку от плода»⁴⁵. К сожалению, это не вчерашний день нашей философской мысли, а ее настоящее. Мы уже видели подобное рассуждение в книге Д. И. Дубровского 1980 года, только в ней вместо дикаря и плода фигурируют современный человек и Луна⁴⁶. Ясно, что в упрощенной схеме взаимоотношения дикаря с предметами внешнего мира общественный характер сознания не просвечивается, его потом придется специально оговорить, а связь сознания с идеальным вообще упущена.

К. Маркс менее всего интересовался зарождением сознания в глубинах психики индивида, оно занимало его преимущественно как общественное явление. При анализе сознания он отказался от традиционной схемы субъект-объективных взаимоотношений и включил в нее промежуточное звено — систему общественных отношений. Это звено К. Маркс рассматривает как доминирующий фактор, определяющий содержание объекта и субъекта, в определенном смысле формирующий и объект и субъект. Так, система буржуазных общественных связей превращает внешний по отношению к человеку предметный мир в товары, наделяя их особыми, отличными от природных, свойствами. Эти же

отношения формируют человека буржуазного общества, определяя содержание и границы его сознания.

Социализм во многом преодолевает вещный, товарно-денежный характер отношений. Но как бы мы ни хотели, чтобы установились отношения свободных индивидуальностей, «основанные на универсальном развитии индивидов»⁴⁷, реальность все-таки иная, и именно она определяет наше сознание. Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС еще раз поставил перед советскими обществоведами задачу исследования социальной реальности, формирующей сознание современного человека. Он решительно осудил концепции, «которые объясняют такие, например, качества человека, как честность, смелость, порядочность, наличием «положительных» генов и фактически отрицают, что эти качества формируются социальной средой»⁴⁸.

Сознание определяется типом общественных отношений, социальным содержанием объекта и субъекта деятельности и познания. К. Маркс подробно анализирует механизм образования и состояния буржуазного сознания, отмечает его отличие от сознания общества, основанного на личной зависимости, и общества свободных людей⁴⁹. Для К. Маркса нет сознания вообще — есть сознание конкретной исторической эпохи, характеризующееся определенной системой общественных связей. Анализ сознания предполагает поэтому выяснение характера общественных отношений, содержание объекта и субъекта сознания, определенных этими отношениями.

Прежде чем приступить к изложению того, как по Марксу социальная реальность формирует понятийное сознание, необходимо отметить процессы, происходящие до и независимо от сознания, но осуществляющиеся с помощью сознания.

Противоречивое содержание данной фразы — не авторский произвол, а выражение действительного противоречия, с которым не раз сталкивались исследователи сознания. А. М. Коршунов, например, отметил своеобразный парадокс знаковой системы. С одной стороны, знаки «служат средством формирования идеального, а с другой — идеальное является необходимым условием функционирования знаков»⁵⁰. И. С. Нарский выразил это противоречие так: «Сознание вторично в отношении практики, поскольку возникает только в процессе общественной практики... но оно как

будто и первично в отношении практики, поскольку практика невозможна без деятельности человеческого сознания»⁵¹. И. С. Нарский разрешает данную антиномию, отмечая тесное единство сознания и практики, при котором практика не может в абсолютном смысле ни предшествовать сознанию, ни следовать за ним.

Попытка развернуть в области взаимодействия деятельности и сознания причинно-следственную цепь не представляется плодотворной. К. Маркс ее и не предпринимает. Он берет сознание как реально существующее общественное явление, участвующее непосредственно во всех аспектах человеческой жизни. Но вместе с тем К. Маркс учитывает определяющую роль практики как по отношению к социальной жизни, так и по отношению к сознанию. Удастся ему это в результате того, что из социальной действительности он выделяет и активно использует в исследовании такое явление, как «объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства...»⁵², сформированное практикой общественных отношений в их материальных объектах.

Читатели «Капитала» часто не замечают этой фразы, а если замечают, то полагают, что К. Маркс говорит о сознании, но не о производственных отношениях. На самом деле К. Маркс говорит не только о сознании, но и о предметах сознательной деятельности людей, осуществляющейся в определенных общественных отношениях.

Действительно, «объективными мыслительными формами» для К. Маркса служат такие феномены, как «стоимость», «цена труда» и т. д. Бесспорно, это понятия политической экономии. Но как они появляются? К. Маркс указывает, что научное познание данных форм идет по пути, противоположному их действительному развитию. «Оно начинается ... (задним числом)»⁵³. Сознание фиксирует мыслительные формы уже готовыми, развившимися и только после этого развертывает историю их становления. Мыслительные формы «для производственных отношений» существуют задолго до того, как сознание их замечает; возникают и существуют не в сознании, а в действительности, из которой сознание их получает. Подобно тому как задолго до появления понятия «общественный труд» такая «абстракция» существовала в самой действительности: подобно тому как задолго до фор-

мирования понятия «стоимость» люди обменивались продуктами своего труда и как-то приравнивали их друг к другу — так задолго до возникновения многих мыслительных форм эти формы уже существовали «для производственных отношений».

Поэтому К. Маркс и рассматривает такие «нелепые формы» и как «категории буржуазной экономии», и как «формы для... товарного производства»⁵⁴. Он не разделяет их на формы общественного сознания и формы производственных отношений, а объединяет. Они — «мыслительные формы» именно потому, что они «формы для производственных отношений». Пока существует исторически определенный способ производства, существуют и соответствующие мыслительные формы, сколько бы теоретическое сознание ни развенчивало их нелепость. Но «все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства»⁵⁵. Такие мыслительные формы общество, как своеобразную печать, налагает на мир вещей, придавая им особое сверхчувственное содержание и социальное значение. Природа данных форм, а также процесс их образования сложны, но их исследование позволяет К. Марксу разобраться и в механизмах буржуазного производства, и в содержании буржуазного сознания. Люди получают такие формы, то есть осознают их, уже готовыми и развитыми, история их образования, а значит и содержание, остаются за пределами обыденного сознания. К. Маркс пишет в связи с этим: «Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся поэтому предпосылками товарного обращения, успевают приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделали первую попытку дать себе отчет ... в их содержании»⁵⁶.

Для отражения процесса образования «объективных мыслительных форм» необходим особый понятийный аппарат. Он еще не выработан, и философы вынуждены прибегать к терминологии естественных наук. Так, А. М. Коршунов⁵⁷ и А. Н. Леонтьев⁵⁸ используют понятия «свертывание», «сокращение», «кодирование», М. К. Мамардашвили — «срастание», «смещение», «инверсия», «сгущение»⁵⁹. Из-за отсутствия более удобной здесь используется терминология М. К. Мамардашвили.

В «Капитале» К. Маркс в качестве «объективных мыслительных форм» анализирует такие феномены, как «стоимость», «цена труда», «цена капитала» и др. Складываются они в практике обмена, очевидно, таким же долгим и трудным путем, каким развиваются формы стоимости. В процессе обмена сознание людей занято насущными практическими интересами и существо деятельности до него не доходит. Интересы практических лиц просты и конкретны: они хотят знать, сколько чужих продуктов можно получить за свой⁶⁰. Но в результате реализации таких интересов возникает нечто решительно выходящее за их пределы — определенная форма стоимости. Здесь и обнаруживается причина противоречивой связи сознания и практики, наличие сознательной практики, порождающей сознание. Суть состоит в том, что люди сознательно стремятся к одному, а фактически производят другое, и это другое сознанию длительное время остается недоступным. Оно становится объектом сознания и осознается только в такой развитой форме, что само выступает как цель практики. Сознание как будто скачкообразно развивается вслед за практикой, которая шествует вперед, направляемая старым сознанием.

Противоречие между практикой, формирующей сознание, и сознанием, направляющим практику, лишь одно из проявлений другого, более общего противоречия, решенного Марксом уже в ранних работах. Суть его в том, что люди сами творят свою историю и не могут ее творить, поскольку внешняя природа и их собственная природа от них не зависят. Противоречие это разрешается деятельностью. Определяющим для человека является не природа, а деятельность, причем не столько в актуальном, сколько в историческом плане. В каждом новом поколении работают все предшествующие поколения людей. А труд, производство — не только производство вещей, но и производство общества, общественных отношений, самого человека.

Подобную диалектику Маркс обнаруживает и при анализе образования «объективных мыслительных форм», например, формы стоимости. С возникновением определенной формы стоимости, особенно денежной, происходит, как назвал это явление М. К. Мамардашвили, «срастание». Предметные формы человеческой деятельности приобретают значение стоимости. Помимо своих природных свойств предметы по-

лучают еще сверхчувственное, общественное содержание. «Срастание» и состоит в том, что социальные свойства прочно связываются с каким-то природным материалом, как, например, стоимость с золотом. Именно это второе сверхчувственное содержание все больше занимает людей. Происходит «смещение» значимости свойств, роль физических свойств вещей сводится к тому, что они выступают носителями общественного, сверхчувственного содержания вещей. Стоимость, по словам К. Маркса, «превращает каждый предмет труда в общественный иероглиф»⁶¹. Смещение может происходить настолько глубоко, что природные свойства предмета оказываются «проглоченными» его общественными функциями.

Процессы срастания и смещения протекают не в сознании, а в деятельности людей. Сознание не контролирует их, а лишь косвенно в них участвует, поскольку сама деятельность сознательна. «Объективные мыслительные формы» сознание фиксирует, когда они уже сложились и проявляют над ним свою властную силу. В результате сознанию все представляется в перевернутом виде. Не человек своей деятельностью образует и поддерживает стоимостную форму, а стоимостная форма определяет деятельность людей. К. Маркс это перевернутое в сознании отношение иллюстрирует следующим примером: «Этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король»⁶². М. К. Мамардашвили называет это переворачивание направленности действия «инверсией» и характеризует его: «Движение, идущее от производственных отношений в обмене деятельностью к значащему предмету, оборачивается так, будто именно значащий предмет приводит в движение деятельность и форму общения, причем практически так оно и есть на самом деле»⁶³.

Наконец, в общественной практике происходит еще одно движение — «сгущение», в результате которого окончательно сказывается «объективная мыслительная форма». Она выступает теперь как сосредоточение всех общественных отношений. Денежная форма стоимости, например, оказывается и экономической мощью, и политической силой, и нравственной добродетелью, и эстетической ценностью. Только в таком завершенном виде мыслительная форма оказывается доступной сознанию. Но предстает она в сознании только в

своем внешнем материальном воплощении; ее внутренние сущностные отношения остаются недоступными обыденному сознанию. Между тем, что выражает собой социальный объект в своей действительности, и тем, каким он представляется сознанию, «есть поле, не пробегаемое созерцанием и заполненное социальной механикой, продуктом действия которой является то или иное осознание человеком реальности»⁶⁴. Сознание пропускает весь социальный механизм образования «объективных мыслительных форм», усваивает только его конечный результат и через него воспринимает окружающую действительность. Буржуазное сознание, например, на все налагает печать стоимости. И поскольку социальный механизм формирования стоимости сознанию не дан, то общественная деятельность человека воспринимается последним только в его вещном выражении. Даже когда теоретическое сознание вскрывает сущность стоимостного характера труда, обыденное сознание не преодолевает вещной видимости общественного труда. Оно продолжает казаться ему имеющим «всеобщее значение, подобно тому, — замечает К. Маркс, — как свойство воздуха — его физическая телесная форма — продолжает существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы»⁶⁵.

Итак, в результате сознательной деятельности сложилось странное образование: «реальность-сознание». С одной стороны, оно — продукт сознания, ибо порождено и сформировано сознательной деятельностью, нуждается в такой деятельности как в необходимом условии своего существования, с другой — противостоит сознанию как таинственный иероглиф, и люди стараются познать его, «проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта»⁶⁶. Оно противостоит сознанию как внешняя сила, определяющая содержание сознания, очерчивающая его рамки, из которых сознание может вырвать только новая общественная практика. «Реальность — сознание», созданная общественной деятельностью, образует как бы особую «призму»⁶⁷, или незримый полог, через который только люди и воспринимают внешний мир, воспринимают в значениях, приданных ему этой реальностью. М. К. Мамардашвили полагает, что, по Марксу, «реальность воспринимается под определенной формой, под формой устойчивых и далее неразложимых предметностей сознания, качеств, предметных смыслов, интенций, так же, как глаз воспринимает не субъективный отпе-

чаток на ретине, а «объективную форму вещи, находящейся вне глаза»⁶⁸. Вот эту «реальность — сознание» и застаёт каждое новое поколение людей. Оно получает его в наследство вместе с орудиями труда, вместе со всей материальной и духовной культурой общества. Здесь мы вновь сталкиваемся с марксистским пониманием действительности, в котором объективное и субъективное, материальное и идеальное находятся в практически нерасторжимом единстве.

Задача, однако, ещё состоит в том, чтобы выяснить природу этих «предметностей сознания», этого незримого сверхчувственного полога, в рамках которого человеку только и открывается мир, и открывается не в своей природной чистоте, а в социальном значении, порожденном деятельностью. Американский философ Хьюберт Дрейфус пишет в связи с этим: «Мы должны оставить физический мир на усмотрение физиков и нейрофизиологов и вернуться к описанию нашего человеческого мира, который мы непосредственно воспринимаем. Задача, стоящая перед современными философами, заключается в том, чтобы описать тот контекст или ту ситуацию, в которой живет человек...»⁶⁹.

Какова же природа общественно значимых «объективных мыслительных форм»? По Марксу, в рамках социальных закономерностей все вещественные формы человеческой деятельности приобретают свойства быть знаками социальных значений. Изделие приобретает свойство товара (потребительную и меновую стоимость) только в известных общественных отношениях. Продукт труда со своими социальными свойствами оказывается кристаллизованной формой системы общественных отношений, вследствие чего он «получает свое общественное бытие». В социальных свойствах вещей представлены черты общественной системы, как, например, в оброке представлена феодальная система, а в стоимости (прибавочной, если конкретно) — система буржуазная. Практическая деятельность людей постоянно воспроизводит и совершенствует общественные отношения, вследствие чего растет социальное содержание предметов деятельности.

Таким образом, совершенно объективно, не менее реально, чем «превращение всех органических тел в воздух»⁷⁰, лишь при косвенном участии сознания, поскольку в истории «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»⁷¹, складываются предметности человеческой деятельности,

пронизанные многочисленными социальными абстракциями, названные К. Марксом объективными мыслительными формами для производственных отношений определенного общественного способа производства. Природа этих форм идеальна, ибо в таких абстракциях, как меновая стоимость, совокупный труд общества и пр., по выражению Маркса, «содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе»⁷². Природное вещество выступает здесь главным образом как носитель социального содержания предметностей человеческой деятельности. Для людей же значение имеет прежде всего социальное содержание вещей. Именно оно побуждает их к деятельности, определяет содержание и направление этой деятельности, а в конечном счете и сознания.

Носителями идеального выступают не только вещи, но и люди своей сословно-классовой принадлежностью, и различные социально-политические институты. В любом общественном строе и идеальное образует реальность, всесторонне и глубоко охватывающую общество. Различие состоит лишь в том, какие конкретно «предметности сознания» образует деятельность людей и какой в соответствии с этим предстает в сознании действительность. В феодальном обществе туманом сословных и религиозных предрассудков окружены сами люди. Они и вступают в отношения не просто как личности, а как представители сословий⁷³. В буржуазном обществе отношения людей более просты. Здесь, по ироническому замечанию К. Маркса, существует «настоящий эдем прирожденных прав человека. Здесь господствуют только свобода, собственность и Бентам»⁷⁴. Зато в буржуазном мире полны таинственных причуд отношения вещей. Только в союзе свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу, общественные отношения людей к труду и продуктам труда остаются «прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»⁷⁵. Идеальное выступает, таким образом, как объективно существующая реальность, своеобразно представляющая объект социального познания в действии.

Связь между идеальным и сознанием многообразна, но прежде всего ее необходимо рассмотреть в плане причинно-следственного взаимодействия. Все предшествующее изложение убеждает в неразрывном единстве общественной прак-

тики (деятельности), идеального и сознания. Все трехчленное единство и каждый из его компонентов всегда имеют вполне определенное содержание, обусловленное характером исторической эпохи. Чтобы каким-то образом наметить причинно-следственную связь между идеальным и сознанием, обратимся к литературе по генезису человеческого общества. И. Н. Молчанов об условиях возникновения общества пишет так: «Ни труд в рамках орудийной деятельности, ни первоначальные образы сознания, на основе которых изготавливаются орудия, ни речевая коммуникация в своих зародышевых формах, ни совместные формы жизни не могут выступать сами по себе основой социального взаимодействия индивидов. Такой основой может выступать только целостный способ жизнедеятельности, реализующийся через все указанные моменты»⁷⁶.

И. Н. Молчанов считает, что первыми структурными элементами целостного социального бытия выступают природные образования. Социальная связь здесь функционирует как уникальная связь природных образований. Именно потому, что природные образования функционируют в социальной связи, они развиваются в свою противоположность и тем самым действительно создают систему, адекватную законам ее функционирования⁷⁷. Из этих соображений М. В. Желнов, понимающий идеальное подобно Э. В. Ильенкову как схему «реальной предметной деятельности человека, согласующейся с формой вне головы, вне мозга», как схему (образ) «реальной целесообразной деятельности человека с вещами внешнего мира»⁷⁸, делает следующий вывод: «Субъективное» и «идеальное» в определенном смысле появляются раньше социальной, а следовательно и сознания — одного из образующих ее элементов»⁷⁹.

Далее М. В. Желнов отмечает, а его взгляды согласуются и с мнением И. Н. Молчанова, С. С. Батенина⁸⁰, К. Н. Тарасова и Е. К. Черненко⁸¹, что сознание возникло «значительно позже... «идеального», а именно только тогда, когда появились материальные «продукты работы» «идеального» и «субъективного». Мир уже «субъективированных» человеческих отношений и вещей создает предпосылки и потребность в возникновении сознания»⁸².

Нам представляется, что здесь во многом верно и в соответствии со взглядом К. Маркса выявлена связь (в одной, разумеется, только плоскости) между идеальным и сознанием.

Новая историческая практика, как правило, возникает на основе старого сознания и способна существовать в единстве с ним длительное время. Активность сознания принято трактовать как целенаправленность и способность прогнозировать природные и социальные процессы, как «создание в формах идеального новых объективных условий, отвечающих потребностям человека»⁸³. Однако активность сознания устремлена не только вперед, но и назад. Тяжело расстается человечество со своими старыми понятиями, представлениями и ценностями. Пока старое сознание способно обеспечивать деятельность людей, даже самые яркие творческие индивидуальности не совершат в нем переворота. Правомерно, следовательно, признание такой исторической ситуации, особенно на этапе становления новой экономической формации, когда новая общественная практика направляется сознанием предшествующего этапа исторического развития, когда уже существуют «мыслительные формы» новых производственных отношений, но еще не отражены в представлениях и понятиях сознания. Практика жизни создала новые и переиначила старые социальные значимости, превратив тем самым в иллюзии старые представления, но сознанием это не фиксируется. Другими словами, правомерно признание ситуации, когда деятельностью уже создано идеальное иного исторического масштаба, а сознание его еще не улавливает. Возникновение нового сознания заключается, по существу, в выражении представлениями и понятиями новых социальных значимостей, т. е. идеального.

Постижение идеального — сложный и противоречивый процесс. Первоначально сознание его просто не замечает, а когда замечает, не признает в нем свое творение. Новые социальные значимости объявляются неразумными, существующее сознание стремится от них отгородиться. Неспособность сознания принять новую историческую реальность является причиной трагедий целых сословий и классов. К. Маркс потратил немало иронии по поводу неспособности старой политической экономии понять созданные буржуазным способом производства реальности. Чтобы могло возникнуть новое сознание, существующее сознание должно отделиться и противопоставить себя сложившимся независимо от него «мыслительным формам». Только отделившись и критически оценив возникшие социальные значимости, сознание принимает их и постепенно превращает в свое ос-

новное содержание. Сознание противоречно: оно отвергает не только свое прошлое, но и свое будущее, так как ограничено социально-историческими рамками. Поэтому в духовной культуре можно выделить противоположные направления: например, сначала с дворянских позиций высмеиваются буржуазные ценности, затем с буржуазных — дворянские. В. Днепроv верно отмечает: «Еще в XVIII веке такие люди, как Вольтер и Бомарше, старались походить на дворян, а все французское Просвещение ... сохраняло аристократический тон»⁸⁴.

Перед развивающимся обществом, тем более перед такой динамичной системой, какой является развитой социализм, регулярно встают задачи освобождения сознания от устаревших форм и постижения складывающихся в общественном производстве новых реальностей. От решения этой задачи во многом зависит экономическое, социальное и духовное развитие общества. XXVI съезд КПСС отметил, что сейчас во имя будущего страны, народа необходима ломка «устаревших привычек и показателей...», надо решительно отбрасывать «все устаревшее, отставшее, уцененное самой жизнью»⁸⁵. К области устаревшего и отставшего относятся не только экономические показатели, но и формы сознания и психики людей, от которых общество освобождается с трудом. Партия решительно действует, чтобы укрепить в сознании людей такие понятия, как эффективность и качество, исполнительность и дисциплинированность, инициативу и предприимчивость. Содержание этих понятий взято из реальности развитого социализма.

Итак, в причинно-следственном плане идеальное противостоит сознанию как его непосредственная причина. В результате совместной деятельности людей появляется новый характер идеального. Возникнув, идеальное воздействует на поведение людей, хотя последние это и не осознают. Лишь постепенно, в меру представляемых общественными отношениями возможностей, оно становится содержанием сознания. Здесь открывается причина активности сознания, имманентно присущей ему. Сознательная деятельность порождает новое идеальное. Идеальное, став содержанием сознания, расширяет и усиливает его. Чем более развита социальная система, тем выше в ней роль сознания.

Проблемы идеального и сознания в буржуазной философии XX века

Природа идеального и его связи с сознанием, то есть фундаментальные философские проблемы, уже получившие в трудах К. Маркса диалектико-материалистическое решение, остаются неразрешимыми для буржуазных мыслителей.

Реальность, лежащая между сознанием индивида и материальными явлениями, давно занимает философов таких направлений, как феноменология и экзистенциализм. Э. Гуссерль называет эту реальность понятием «*Noema*», обозначающим у него предметный момент сознания, отличный от самого предмета⁸⁶; М. Хайдеггер использует понятие «*Dasein*», обозначающее бытие сознания, — исходную для человека реальность⁸⁷; у М. Марио-Понти это «*Lebenswelt*» — жизненный мир или феноменологическое поле, выступающее по отношению к человеку как первичная реальность⁸⁸; у К. Поппера это «третий мир»⁸⁹.

Философы данных направлений исходят из того, что мир, в котором пребывает человек и который они отличают от физического мира, заранее сконструирован в терминах намерений и направленности интересов человека, причем именно направленность интересов определяет, что является объектом или его важной особенностью. Человеку удается сосредоточить внимание на значимом содержании своего жизненного опыта, потому что поле жизненного опыта не нейтрально по отношению к человеку. «Всякий объект, с которым мы сталкиваемся, обязательно проявляется в этом поле и поэтому обязательно должен быть представлен в терминах доминирующей в данный момент направленности интересов, причем как объект, достижимый для некоторой формы деятельности, порождаемой этим полем. Поскольку данное поле создается в терминах нашей заинтересованности, нам могут встретиться только такие факты, которые могут иметь отношение к делу»⁹⁰. Сознание индивида, таким образом, выносится за пределы его духовного мира во внешний по отношению к нему «*Lebenswelt*», отличный от физического универсума. Когда человек свободно ориентируется в мире осмысленных объектов, чувствует «себя в мире как дома, он не моделирует этот мир сознанием, а живет в нем».

Мои личные планы и воспоминания, — пишет Х. Дрейфус,

опираясь на феноменологические взгляды экзистенциалистов, — запечатлены в окружающих меня вещах точно так же, как и обычные, включенные в общественные связи цели людей»⁹¹.

Философы-экзистенциалисты, как и философы других направлений, правы в своих предположениях о существовании особой реальности, отличной как от физического мира, так и от индивидуального сознания, но в толковании природы этой реальности ошибаются. Дело в том, что философская антропология экзистенциализма не постигает общественной сущности человека. Более того, она стремится очистить понятие человека от каких бы то ни было «субстанциональных определений» (природных, духовных, общественных) и утвердить его первичность и автономность⁹². Но вместе с тем она замечает несвободу индивида в восприятии действительности, обусловленность этого восприятия социальными интересами и общественной терминологией. Объект предстает перед индивидом, как пишет Х. Дрейфус, «в терминах доминирующей направленности интересов»⁹³. Экзистенциализм противопоставляет человека как независимого от общества индивида природной, «нечеловеческой» реальности, а между ними располагает «человеческую реальность», представляющую собой онтологизированное общественное сознание. Сверхчувственная реальность, сквозь которую человек воспринимает мир, сведена, таким образом, к онтологически понятому общественному сознанию.

Другая проблема, занимающая буржуазных философов XX века, состоит в том, чтобы выяснить, как индивидуальное сознание пробивается сквозь призму «человеческой реальности» к природной, «нечеловеческой» реальности.

Испанский философ Ортега-и-Гассет исходил из того факта, что философия со времени Сократа интересовалась преимущественно разумом⁹⁴. Сократ и его современники считали: в жизненном мире все непрерывно меняется, а чистые идеи остаются неизменными. Поэтому область идей они воспринимали как истинную реальность, перед которой текущая жизнь оказалась обесцененной. В последующих за Сократом философских системах сознание оказалось оторванным от действительности, оно, вместо того чтобы «искать контакт с предметами», отходит от них и «стремится лишь к исключительной верности своим внутренним законам». Сознание

перестало служить жизни, сама жизнь поставлена на службу разуму. Время выдвинуло перед философией новую задачу: раскрыть взаимосвязь деятельности разума с движущими началами человеческой жизни. Стремясь решить эту проблему, Ортага предлагает в качестве важнейшей категорию «жизнь», обозначающую у него объединенность человеческого «Я» с миром. Так он приходит к необходимости определения человека и жизни. Человека Ортага, в противоположность Декарту и экзистенциалистам, определяет как «живущего». Жизнь не дана человеку готовой, ее приходится делать, создавать. «Жизнь — это деяние», — определяет философ. Прежде чем действовать, человек должен решить, что он будет делать. Человеку приходится силою разума постоянно интерпретировать жизнь, познавать жизнь, чтобы ее действительно иметь. Разум превращается, таким образом, в инструмент индивидуальной жизни. Попытка подняться над уровнем идеалистической философии, рассматривающей человека как деятельность его сознания, испанскому мыслителю не удастся. Диалектика материального и идеального остается для него недоступной.

Жан-Поль Сартр на путях соединения сознания с бытием стремился преодолеть платоновский идеализм. Как трактует французский экзистенциалист, учение Платона, своеобразно проявившееся в философии Канта и Гуссерля, ставит задачу отыскания «эйдесов», или вневременных сущностей, в самом сознании. Этим сознание отрывается от внешней реальности. Сартр видит возможность соединения сознания с миром в интенциональности сознания. Интенциональность сознания он понимает как способность его к непосредственному познанию бытия, без каких-либо промежуточных инстанций⁶⁵. Дело в том, что индивидуальное сознание общественно по своей природе и испытывает определенное влияние со стороны логических форм и идеологических установок общественного сознания. Это нашло своеобразное отражение в трансцендентальном идеализме. Сартр убежден, что все общие понятия (врожденные идеи Декарта или априорные категории Канта) сковывают сознание и мешают ему постичь мир. Он пытается освободить сознание от «платонических» или «культурных определений», чтобы оно распалось на серию ни на чем не обоснованных актов. Освобожденное сознание автономно и неререфлексивно, оно непосредственно

присутствует перед собой, на него ничто не воздействует, оно источник самого себя. Так, попытки Сартра соединить материальное и идеальное на деле оборачиваются отказом от объективного идеализма и переходом к предельному субъективизму.

На уровне взаимоотношения субъекта и объекта пытается разрешить основной вопрос философии Теодор Визенгрунд Адорно. Марксистское решение этого вопроса он объявляет «додиалектическим», а сам вопрос об отношении мышления к бытию — лишенным онтологического значения. В «Негативной диалектике» Адорно исходит из своего основного методологического принципа нетождественности. Он критикует онтологический смысл гегелевского принципа тождества бытия и мышления, заявляет, что вообще всякую существовавшую до него онтологию следует отвергнуть, а на ее место поставить нетождественность, существующее, фактичность⁹⁶. Адорно убежден в том, что принцип «нетождественности» противоположен понятийному мышлению и позволяет ему прорваться сквозь абстрактные всеобщности к единичному и конкретному. На основе принципа нетождественности он пытается решить ту же задачу, что и Сартр на основе интенциональности сознания. Преклонение перед нетождественностью не позволяет Адорно полностью соединить субъект и объект ни в онтологическом, ни в гносеологическом плане. Он вынужден признать относительно независимое от субъекта существование объекта, но использует это признание для того, чтобы сам субъект превратить в объект, растворить материю в сознании. Противник тождественности приходит к фихтианско-гегелевскому пониманию тождества мышления и бытия.

Идею единства материального и идеального пытается использовать в своей философской системе Тейяр де Шарден. По его мнению, все существующее возникло из единой субстанции, «ткани универсума», каждый элемент которой имеет как материальную, так и духовную сторону. «Ткань универсума» должна быть одухотворена с самого начала, так как космос, обладающий лишь физическими свойствами, не может содержать в себе «Человека»⁹⁷. Тейяр де Шарден фактически заново возрождает основные идеи Гегеля, но на гораздо более низком уровне.

В конце 60-х годов проблемой идеального занялся К. Поппер. Всю реальность он разделил на три области

(«три мира»). К «первому миру» он отнес природу и общество, т. е. осязаемую и мыслимую людьми реальность. Ко «второму» — субъективные переживания человека: ощущения, восприятия, представления, эмоции, актуально живущее сознание. К «третьему миру» — мысли, идеи, теории, которые люди «овеществили», или «объективировали», в языке, в искусстве, в предметах материальной культуры⁹⁸.

Выделение Поппером различных реальностей имеет вполне объективное основание, точно так же как обоснованы стремления Сартра и Адорно провести грань между сознанием индивида и теми логическими формами, идеологическими установками, в которые это сознание непременно выливается. Но для решения такой задачи необходимы строгие методологические принципы. Поппер такими принципами не владеет, поэтому из всей его затеи получается только путаница и эклектика.

В учении Поппера о трех мирах прежде всего остается неясной природа «третьего мира», мира овеществленных идей и теорий. Автор концепции называет его объективным, но вместе с тем утверждает, что идеи и теории являются сугубо субъективными творениями. Невьясненными остаются отношения между мирами. «Второй мир» не отражает «первый», а сам воздействует на него, «играет» им. «Третий мир» независим от «первого», он создан людьми и в то же время выступает предпосылкой мышления индивида и т. д. Словом, Поппер бьется около реальной и весьма актуальной проблемы диалектики субъективного и объективного, материального и идеального, но его стремления решить эту проблему в рамках антима르크систской концепции не дают положительного результата.

Таким образом, проблема идеального остается предельно актуальной. Попытки ее разрешения служат основой для построения разнообразных философских систем. Причем в поисках буржуазных мыслителей четко обнаруживается общая закономерность: все они приходят к необходимости выяснения социальной сущности идеального. Однако незнание методологии исторического материализма или пренебрежение ею неумолимо удерживает их в рамках идеализма.

---

¹ Гегель. Работы разных лет. М.: Мысль, 1971, т. 2, с. 182.

² Изард Кэррол Е. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980, с. 118.

- ³ Шингарев Е. В. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М., 1971.
- ⁴ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- ⁵ Изард Кэррол Е. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980, с. 146.
- ⁶ Там же, с. 152.
- ⁷ Лекторский В. А. Субъект, объект познания. М.: Наука, 1980, с. 173—174.
- ⁸ Изард Кэррол Е. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980, с. 70.
- ⁹ Там же, с. 125.
- ¹⁰ Там же, с. 350—357.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 529
- ¹² Основы марксистско-ленинской философии. М.: Политиздат, 1976, с. 71.
- ¹³ Гносеологические проблемы диалектического материализма. М.: Высш. школа, 1974, с. 81.
- ¹⁴ Пономарев Я. А. Психика и интуиция. М.: Политиздат, 1967, с. 36.
- ¹⁵ Там же, с. 188.
- ¹⁶ Фейнман Р., Лейтон Р., Сэнс М. Фейнмановские лекции по физике. М.: Мир, 1977, т. 3, с. 157—200.
- ¹⁷ Дицген Иосиф. Избранные философские сочинения. М.: Госполитиздат, 1941, с. 21.
- ¹⁸ Ломев Б. Ф., Сурков Е. И. Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980, с. 33.
- ¹⁹ Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М.: Политиздат, 1967, с. 143—145.
- ²⁰ Песенко В. Н. Общественные связи и отношения. Ростов: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1978, с. 51.
- ²¹ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980. Дубровский Д. И. Информация и сознание.—В кн.: Управление, информация, интеллект. М.: Мысль, 1978.
- ²² Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие.— В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 73.
- ²³ Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977, с. 216.
- ²⁴ Там же, с. 310.
- ²⁵ Там же, с. 245.
- ²⁶ Лекторский В. А. Субъект, объект познания. М.: Наука, 1980, с. 170—171.
- ²⁷ Гиппенрейтер Ю. Б. Движение человеческого глаза. М.: МГУ, 1974, с. 221—223.
- ²⁸ Леонтьев А. Н. Ощущение и восприятия как образы предметного мира. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 40.
- ²⁹ Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 72—73.
- ³⁰ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972, с. 78.

- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.
- ³² Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 58.
- ³³ Там же, с. 60.
- ³⁴ Леонтьев Л. Н. Ощущения и восприятия как образы предметного мира. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 40—41.
- ³⁵ Там же, с. 46—47.
- ³⁶ Там же, с. 47.
- ³⁷ Там же, с. 43.
- ³⁸ Кон И. С. Открытие «Я». М.: Мысль, 1980, с. 261.
- ³⁹ Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977, с. 300.
- ⁴⁰ Натадзе Р. Г. Восприятие и установка. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 61.
- ⁴¹ Запорожец А. В., Зинченко В. П. Восприятие, движение, действие. — В кн.: Познавательные процессы: ощущения, восприятия. М.: Педагогика, 1982, с. 77.
- ⁴² Толанд Дж. О разуме. — В кн.: Меерский Б. В., Толанд. М.: Мысль, 1979, с. 179.
- ⁴³ Кондильяк Э. Б. Соч. М.: Мысль, 1980, т. 1, с. 79.
- ⁴⁴ Антология мировой философии. М.: Мысль, 1972, т. 4, с. 240.
- ⁴⁵ Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967, с. 136.
- ⁴⁶ Дубровский Д. И. Информация. Сознание. Мозг. М.: Высш. школа, 1980, с. 159.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100.
- ⁴⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983, с. 34.
- ⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82—83.
- ⁵⁰ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., Политиздат, 1979, с. 66—67.
- ⁵¹ Нарский И. С. Практика как категория диалектического и исторического материализма. — Филос. науки, 1980, № 1, с. 31.
- ⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 86.
- ⁵³ Там же, с. 85.
- ⁵⁴ Там же, с. 86.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же, с. 85—86.
- ⁵⁷ Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979, с. 54.
- ⁵⁸ Леонтьев А. И. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977, с. 141.
- ⁵⁹ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопр. философии. 1968. № 6, с. 20.
- ⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 84.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же, с. 67.
- ⁶³ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопр. философии. 1968. № 6, с. 20.
- ⁶⁴ Там же, с. 19.
- ⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 84.

- ⁶⁶ Там же, с. 84.
- ⁶⁷ Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980, с. 63.
- ⁶⁸ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса. — *Вопр. философии*, 1968, № 6, с. 19.
- ⁶⁹ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978, с. 240.
- ⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.
- ⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305—306.
- ⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.
- ⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 48, ч. I, с. 106—107.
- ⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 187.
- ⁷⁵ Там же, с. 89.
- ⁷⁶ Молчанов И. Н. Природа и социальная сущность антропогенеза. — В кн.: *Человек и мир человека. (Категории «человек» и «мир» в системе научного мировоззрения)*. Киев, 1977, с. 112.
- ⁷⁷ Там же, с. 113—114.
- ⁷⁸ Ильенков Э. В. Проблема идеального — *Вопр. философии*, 1979, № 6, с. 136.
- ⁷⁹ Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. *Предыстория*. М.: МГУ, 1981, с. 235.
- ⁸⁰ Батенин С. С. Человек в его истории. Л.: ЛГУ, 1976, с. 40.
- ⁸¹ Тарасов К. Н., Черненко Е. К. Социальная детерминированность биологии человека. М.: Мысль, 1979, с. 81—82.
- ⁸² Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. *Предыстория*. М.: МГУ, 1981, с. 237.
- ⁸³ Морозов М. И. Творческая активность сознания. *Методологический анализ естественно-научных аспектов*. Киев: Вища школа, 1976, с. 16.
- ⁸⁴ Днепров В. Идеи времени и формы времени. Л.: Сов. писатель, 1980, с. 50.
- ⁸⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 43.
- ⁸⁶ Современная буржуазная философия /Под ред. А. С. Богомолова. М.: Высш. школа, 1978, с. 249.
- ⁸⁷ Там же, с. 196.
- ⁸⁸ Там же, с. 388—390.
- ⁸⁹ «Критический рационализм». Философия и политика (анализ концепций и тенденций). М.: Мысль, 1981, с. 39.
- ⁹⁰ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978, с. 230.
- ⁹¹ Там же, с. 234.
- ⁹² Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поль Сартра. М.: Наука, 1977, с. 10.
- ⁹³ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978, с. 230.
- ⁹⁴ Зыкова А. Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. М.: Наука, 1978, с. 71—120.
- ⁹⁵ Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поль Сартра. М.: Наука, 1977, с. 22—24.
- ⁹⁶ Социальная философия франкфуртской школы. (Критические очерки). М.: Мысль, Прага: Свобода, 1975, с. 92.
- ⁹⁷ Современная буржуазная философия /Под ред. А. С. Богомолова. М.: Высш. школа, 1978, с. 467—468.
- ⁹⁸ «Критический рационализм». Философия и политика. (Анализ концепций и тенденций). М.: Мысль, 1981, с. 38—39.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в советской литературе получили распространение два определения идеального: идеальное — субъективная реальность; идеальное — представленная в форме вещи человеческая деятельность. Выяснение взглядов К. Маркса побуждает отдавать предпочтение второму определению. Все, кто понимают идеальное как субъективную реальность, под субъектом имеют в виду индивида, а еще точнее психику индивида, обеспечивающую его сознание. Такое понимание субъекта весьма и весьма ограничивает истину исходного определения. Концепция «идеальное — субъективная реальность» отражает идеальное поверхностно, лишь в той его части, которой оно связано с сознанием, понимаемым как индивидуальное сознание. Все же остальные стороны идеального остаются просто незамеченными. Такой подход оказал сильнейшее влияние на все видение идеального: его не видят в качестве какой-то реальности, а понимают как свойство сознания. Под каким бы углом (гносеологическим, онтологическим, аксиологическим, праксиологическим или вообще как чистую информацию) философ ни пытался идеальное рассмотреть, фактически он всегда будет иметь дело с сознанием, а не с идеальным. Все, что можно было сказать, уже содержится в исходном определении: идеальное есть свойство сознания, состоящее в том, что сознание нематериально.

В концепции «идеальное — субъективная реальность», помимо узости исходного положения, мы наблюдаем и определенные издержки метода. Неоднократно в советской литературе высказывались недоумения по поводу идеальности сознания. Ведь сознание мы определяем как свойство мозга. Мозг — сложнейшее материальное образование. Но как материальное может обладать идеальным? Именно стремление найти ответ на данный вопрос побуждало философов признать сознание материальным, хотя бы в каком-то отношении. Но признать материальным сознание для марксиста недопустимо. Выход здесь только в преодолении узких рамок концепции «идеальное — субъективная реальность». В самом деле, если мы обнаруживаем, что некий

объект (в данном случае мозг) проявляет нехарактерные для него свойства (материальному оказывается свойственно идеальное), то значит... Значит, где-то рядом есть система, для которой нехарактерное для нашего объекта как раз характерно. Если материальный мозг вдруг обнаружил идеальные свойства, то не значит ли это, что он оказался включенным в «неродственную» ему систему, где он обнаруживает нехарактерные для него свойства? Если нас интересует идеальное, так давайте найдем систему, для которой идеальное характерно, и посмотрим, как эта система влияет на мозг, порождая в нем идеальное. Но для этого надо пока оставить и мозг и сознание и перейти к обществу, к фундаментальной его основе, к материальной деятельности.

Именно так поступал Э. В. Ильенков. Когда он определял идеальное как представленную в форме вещи человеческую деятельность, то был, бесспорно, прав. Но и правда Э. В. Ильенкова ограничена. Для него идеальное — это преимущественно представленная форма, поэтому он всячески подчеркивал предметное бытие идеального, оставляя вне поля зрения или просто не признавая все остальные стороны идеального. Хотя концепция Э. В. Ильенкова, насколько он успел ее развить, тоже ограничена, она тем не менее имеет хорошую исходную позицию. В ней исследование идеального начинается с материальной деятельности в рамках социального организма, и поэтому она способна заметить зарождение отдельных черт идеального и проследить их развитие.

Концепция «идеальное — субъективная реальность» на сегодняшний день объективно препятствует развитию наших представлений об идеальном. Она вообще не может быть принята в качестве исходной посылки. К ней можно прийти как к выводу, но тогда субъективное должно быть понятно как общественное.

В дискуссии об идеальном видное место занял вопрос о чертах идеального, о месте его пребывания, о характере его реальности. Когда в литературе задается вопрос о характерных чертах идеального, то все единодушно обращают внимание на его нематериальность. Характеристика идеального сводится к тому, что ему отказывают в каких-либо характерных чертах. Перед всеми чертами материального поставим частицу «не», и мы получим характеристику идеаль-

ного. Отсутствие признаков является признаком идеального. К такому парадоксальному выводу философия пришла преимущественно под влиянием концепции «идеальное — субъективная реальность», которая категорию «идеальное» использует исключительно для противопоставления сознания материи. Категория оказалась совершенно бессодержательной, она перестала отражать, вскрывать реальность с какой-либо стороны.

Между тем противоположность материальному действительно выступает характерной чертой идеального, что всегда отмечалось в истории философии и не приводило к выхолащиванию категории. Когда отказ в содержании дается в единстве с другими сущностными чертами, то он становится содержательной характеристикой. У Маркса идеальное не только противоположно материальному, оно еще и положенное, то есть свойство предмета, вещи, обусловленное внешней по отношению к ней системой; оно еще и представленное, то есть инобытие реальности, воплощенной в определенном образовании в результате человеческого труда; оно еще и обусловленное сознанием, то есть содержание, вопреки своей нематериальности, ставшее действительностью вследствие всеобщей признанности его сознанием. Только при таком подходе идеальное действительно становится содержательной категорией, сопоставимой с категорией «материальное». Только так эта категория действительно раскрывает особую социальную реальность, нематериально, сверхчувственно пребывающую в предметах человеческой деятельности.

Одним из моментов дискуссии об идеальном является вопрос о его связи с сознанием. Вопрос не в том, связано или нет сознание с идеальным, а в том, как они связаны. Почти общепринято для советских философов положение: идеальное связано с сознанием, потому что сознание идеально. Это положение опять-таки вытекает из концепции: «идеальное — субъективная реальность». Сейчас мы видим, однако, уже иные и более сложные связи идеального и сознания, суть которых может быть выражена так: идеальное осознанно. Маркс пишет: «Сознание... никогда не может быть чем-либо иным, кроме как осознанным бытием»¹. Он, бесспорно, имеет в виду, что социальные значения предметностей человеческой деятельности, идеальное содержание материального так или иначе постигнуты обществом. Необходимость

постижения идеального содержания материального постепенно формирует способность человеческой психики оперировать идеальными образами и абстрактными понятиями. В. И. Ленин не зря писал, что практика человека должна миллиарды раз повториться, чтобы закрепиться в сознании фигурами логики. Идеальное выступает, таким образом, непосредственной причиной возникновения сознания и его содержания.

Уже сложившееся сознание на всех своих уровнях — эмоциональном, образном, понятийном — имеет в самой действительности свою особую предметность в форме общепринятых социальных значимостей, локализованных в отдельных предметах, по выражению Маркса, «кристаллах общественных отношений». Признание данного факта имеет важное методологическое значение. Маркс изучал буржуазное сознание именно по таким «предметностям сознания» и поэтому не просто знал, что думает и сознает буржуа, но и что он объективно может и должен сознавать. Овладение этим методом — назревшая задача советских философов. Применение его позволит не только получить более объективные знания о содержании и динамике развития общественного сознания, но и раскрыть многогранную роль сознания в материальной и духовной жизни общества. Решение большой философской проблемы выяснения диалектики объективного и субъективного в жизни и развитии современного общества во многом упирается сейчас в правильность трактовки идеального.

В спорах об идеальном принципиальным является вопрос об аспекте его изучения. сторонники концепции «идеальное — субъективная реальность» рассматривают идеальное как психический феномен и считают необходимым изучать его методами психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Для Маркса идеальное прежде всего социальное явление, и он изучает его вместе с исследованием конкретной общественной реальности. Здесь необходимо отметить еще один чрезвычайно важный урок Маркса. Поскольку идеальное не обладает самостоятельным, чувственно воспринимаемым предметным существованием, поскольку оно есть социальное содержание, представленное в материальных объектах, то оно должно изучаться в первую очередь как становление и функционирование данного содер-

жания, то есть в социологическом, философском плане. Этим идеальное вовсе не объявляется монополией философов, а отмечается, что философское исследование идеального не может ограничиваться комментариями успехов психологии и физиологии высшей нервной деятельности.

Поскольку идеальное есть социальное содержание материального, для его изучения необходимо найти то главное общественное отношение, которое в конкретную историческую эпоху определяет социальное содержание. Маркс выделял три основных типа общественных связей, отличающихся характером объединения людей в обществе. Это отношение личной зависимости, характерное для первых форм общества; отношение личной независимости, «основанной на вещной зависимости», характерное для общества, в котором господствует товарное производство; наконец, отношение свободных индивидуальностей, «основанное на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общее достояние»².

Маркс подробно исследовал второй тип общественных связей и показал при этом на глубоком субстанциональном уровне механизм возникновения и функционирования идеального. Дело теперь заключается в овладении марксистской теорией идеального в такой мере, чтобы она стала для философии методом. А в соответствии с методом развитие теории идеального связано с дальнейшим исследованием общественных связей.

Для советских философов это означает прежде всего выяснение того, в какой мере общество в своем развитии продвинулось от отношений, основанных на вещной зависимости, к отношениям свободных индивидуальностей, основанным на универсальном развитии индивидов. «Для правильного понимания перспектив — и в экономике, и в политике, и в идеологии, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — нужно прежде всего ясно представлять себе характер того этапа общественного развития, на котором мы сейчас находимся»³. Субстанциональное исследование господствующих в обществе отношений явится вместе с тем и развитием теории идеального. Так вырисовывается типичное диалектическое противоречие.

Партия ставит перед философской наукой задачу фундаментального исследования явлений общественной жизни.

Чтобы решить эту задачу, философам необходима развитая научная теория идеального. Чтобы получить такую теорию, необходимы фундаментальные исследования явлений общественной жизни. Но такие противоречия советских философов уже не пугают: из теории Маркса они знают — дело их разрешит.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, ч. I, с. 100—101.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983, с. 8.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	6
Глава I. Идеальное. От Платона к Марксу	34
Платон и Аристотель	34
Прокл и Гегель	40
Локк и Фейербах	43
Глава II. Идеальное. Философские основы решения проблемы	49
Марксистское понимание действительности	50
Отношения представленности в реальном мире	57
Соотношение материи и материального в марксистской философии	63
Глава III. Проблема идеального и ее разрешение К. Марксом	74
Идеальное. Возникновение, элементы структуры	75
Реальность идеального	84
Идеальное. Методологический урок К. Маркса	98
Глава IV. Марксова концепция идеального и проблема сознания	106
Побуждения и эмоции	106
Образное сознание	111
Понятийное сознание	121
Проблемы идеального и сознания в буржуазной философии XX века	134
Заключение	142

Эрих Гергардович Классен

ИДЕАЛЬНОЕ. КОНЦЕПЦИЯ КАРЛА МАРКСА

ИБ № 107

Редактор Н. И. Измestьева
Художественный редактор М. Л. Меркулов
Технический редактор Л. А. Панова
Корректоры Т. А. Ермолаева, Л. П. Ванеева

Сдано в набор 30.03.84. Подписано к печати 10.09.84.
АЛ 07204. Формат 60x84 1/16. Бумага отбор. от
типографской. Гарнитура литературная. Высокая
печать. Усл. печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 1000 экз.
Заказ 2334. Цена 1 р. 40 к. Издательство Краснояр-
ского университета, 660021, Красноярск, пр. Мира,
103. Укрупненное полиграфическое предприятие
«Хакасия», 662600, Абакан, ул. Щетинкина, 32.

Ц. 1 р. 40 к.